

Известия Российской академии наук

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

Том 81 № 5 2022 Сентябрь—Октябрь

Основан в 1852 г. академиком И.И. Срезневским
Выходит 6 раз в год
ISSN 1605-7880

Свидетельство о регистрации средства массовой информации № 0110264 от 08.03.1993

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук*

Главный редактор
член-корр. РАН, д-р филол. наук *В.В. Полонский* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия)

Редакционная коллегия

член-корр. РАН *В.Е. Багно* (ИРЛИ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия), проф. *Хенрик Баран* (Университет Олбани, г. Олбани, штат Нью-Йорк, США), член-корр. РАН *Ю.Л. Воротников* (ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), проф. *Марчелло Гардзанини* (UNIFI, г. Флоренция, Италия), канд. филол. наук *С.И. Гиндин* (РГГУ, г. Москва, Россия), член-корр. РАН *А.В. Дыбо* (ИЯз РАН, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *А.И. Жеребин* (РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия), д-р филол. наук *Т.Г. Иванова* (г. Москва, Россия), акад. РАН *Н.Н. Казанский* (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия), д-р филол. наук *В.Л. Коровин* (научный редактор, МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *Л.П. Крысин* (зам. главного редактора, ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), акад. РАН *А.Б. Куделин* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия), акад. РАН *А.М. Молдован* (ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), канд. филол. наук *А.Ч. Пиперски* (ответственный секретарь, НИУ ВШЭ, г. Москва, Россия), акад. РАН *В.А. Плунгян* (ИЯз РАН, г. Москва, Россия), проф. *Александр Строев* (l'Université Sorbonne Nouvelle Paris 3, г. Париж, Франция), акад. РАН *С.М. Толстая* (ИСл РАН, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *Е.В. Халтрин-Халтурина* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия), проф. *Герд Хентшель* (Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, г. Ольденбург, Германия), проф. *Чжэн Тиу* (Шанхайский университет иностранных языков, г. Шанхай, КНР)
Зав. редакцией О.И. Лукашенко

Адрес редакции: 117993 Москва, Ленинский пр., 32а
тел.: 8-495-952-44-90, 8-925-095-84-64
электронная почта: info@izv-oifn.ru, lukashenko97@gmail.com
Сайт журнала: <https://izv-oifn.ru>

Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk
SERIÂ LITERATURY I ÂZYKA

Bulletin of the Russian Academy of Sciences:
Studies in Literature and Language

Volume 81 No. 5 2022 September–October

Established in 1852 by Academician Izmail I. Sreznevsky
Publication frequency 6 issues per year
ISSN 1605-7880

Founder and Publisher: Russian Academy of Sciences
Mass media registration certificate No. 0110264, March 08, 1993

*The Journal is produced under the aegis of
The Division of Historical and Philological Studies of the Russian Academy of Sciences*

Editor-In-Chief

Vadim Polonsky, Correspondent Member of the RAS, Doct. Sci. (Philology),
Prof., A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Editorial board

Vsevolod Bagno, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia), *Henryk Baran*, Ph.D., Prof., State University of New York at Albany (Albany, USA), *Cheng Tiu*, Prof., Shanghai International Studies University (Shanghai, China), *Anna Dybo*, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Higher School of Economics, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Marcello Garzaniti*, Grand Ph.D. (Slavic Philology), Prof., University of Florence (Florence, Italy), *Sergei Gindin*, Cand. Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia), *Elena Haltrin-Khalturina*, Dr. Sci. (Philology), A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Herd Hentschel*, Prof., Carl von Ossietzky Universität Oldenburg (Oldenburg, Germany), *Tat'yana Ivanova*, Dr. Sci. (Philology), (Moscow, Russia), *Nikolai Kazansky*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, (St. Petersburg, Russia), *Vladimir Korovin*, **Scholarly Editor**, Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), *Leonid Krysin*, **Deputy Editor-In-Chief**, Dr. Sci. (Philology), Prof., V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Kudelin*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Olga I. Lukashenko*, **Managing Editor**, *Alexander Moldovan*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Piperski*, **Executive Editor**, Cand. Sci. (Philology), Higher School of Economics (Moscow, Russia), *Vladimir Plungian*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Stroev*, Prof., l'Université Sorbonne Nouvelle Paris 3 (Paris, France), *Svetlana Tolstaya*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Yury Vorotnikov*, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Aleksei Zherebin*, Dr. Sci. (Philology), Prof., A.I. Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Address for Correspondence:

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language,
32a Leninsky Prospect, Moscow, 117993 Russia
Tel.: +7(495)952-44-90, +7(925)095-84-64
E-mail: info@izv-oifn.ru, lukashenko97@gmail.com
Web Site: <https://izv-oifn.ru>

-
- © The Russian Academy of Sciences, 2022
 - © The A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 2022
 - © Editorial Board of "Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language" (editing and composing), 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка.
2022, Том 81, Номер 5

Ранняя лирика И. А. Бунина: истоки и влияния <i>Т. М. Двинятина</i>	5
“У него мания величия”: образ “гения силы” в трагедии Ф. Шиллера “Разбойники” <i>Д. Д. Черепанов</i>	18
“Перед нами блестящая метафора России...” (Символика и поэтика рассказов М. Горького “Проводник” и “Мамаша Кемских”) <i>Н. Н. Примочкина</i>	26
Отражение эпохи “экономического бума” в произведениях Итало Кальвино <i>Л. Е. Сабурова</i>	32
Психологизм Набокова на фоне традиционной парадигмы русской литературы <i>Д. А. Бережнов</i>	40
О развитии абстрактной семантики: глаголы ‘делать’ в диахронической перспективе <i>Т. И. Резникова</i>	48
Осет. <i>туг</i> / <i>тугæ</i> ‘сперма’ и некоторые вопросы общеиранской и индоевропейской реконструкции <i>Ю. А. Дзиццойты, А. И. Фалилеев</i>	57
О письменных источниках сарт-калмыков <i>Б. Х. Борлыкова, Б. В. Меняев</i>	74

Из истории филологической науки

Петер Симон Паллас и становление академической полевой лексикографии в России <i>В. И. Карпов, С. А. Сенатор, Д. О. Воронцов, Н. В. Беленов</i>	82
Механизм формирования темы в тексте в представлении Б. В. Томашевского и Г. А. Шенгели (по работам 1925 года) <i>С. И. Гиндин</i>	100

Рецензии

J. Fernández-Domínguez, A. Bagasheva, C. Lara-Clares (eds.) Paradigmatic Relations in Word Formation. (Empirical Approaches to Linguistic Theory, Vol. 16). Leiden, Boston: Brill, 2020. 265 p. [на английском языке] <i>Н. Б. Пименова</i>	110
Ходель Р. Андрей Платонов: родина и электричество / Роберт Ходель; Международный Платоновский семинар. М.: Полимедиа, 2021. 206 с.; (Поэтика Андрея Платонова; вып. 5) <i>К. А. Баршт</i>	115

CONTENTS

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language.
2022, Volume 81, Issue 5

Ivan Bunin's Early Lyrical Poetry: Sources and Influences <i>T. M. Dvinyatina</i>	5
“Es ist die Großmannsucht”: The “Kraftgenie” as Reconsidered in “The Robbers” by F. Schiller <i>D. D. Cherepanov</i>	18
“Before Us is a Brilliant Metaphor of Russia...” (Symbolism and Poetics of M. Gorky's Essays “The Guide” and “Mama Kemsykh”) <i>N. N. Primochkina</i>	26
Reflection of the Era of “Economic Boom” in the Works of Italo Calvino <i>L. E. Saburova</i>	32
The Relation of Nabokov's Psychologism to the Tradition of Russian Literature <i>D. A. Berezhnov</i>	40
On the Development of an Abstract Meaning: Verbs of Doing and Making in a Diachronic Perspective <i>T. I. Reznikova</i>	48
Ossetian <i>myg / mugæ</i> ‘Sperm’ and Some Aspects of Common Iranian and Indo-European Reconstruction <i>Yu. A. Dzitstsoity, A. I. Falileyev</i>	57
On the Sart-Kalmyk Written Sources <i>B. Kh. Borlykova, B. V. Menyaev</i>	74

From the History of Philology

Peter Simon Pallas and the Making of Academic Field Lexicography in Russia <i>V. I. Karpov, S. A. Senator, D. O. Vorontsov, N. V. Belenov</i>	82
Mechanism of Theme-Formation in a Text as Represented by Boris Tomashevskij and Georgij Shengeli (Based on the Works of 1925) <i>S.I. Gindin</i>	100

Reviews

J. Fernández-Domínguez, A. Bagasheva, C. Lara-Clares (eds.) <i>Paradigmatic Relations in Word Formation.</i> (Empirical Approaches to Linguistic Theory, Vol. 16). Leiden, Boston: Brill, 2020. 265 p. [In Engl.] <i>N. B. Pimenova</i>	110
Hodel R. <i>Andrey Platonov: Homeland and Electricity.</i> Robert Hodel; International Platonic Seminar. Moscow, Polymedia, 2021. 206 p.; (Poetics of Andrey Platonov; issue 5) [In Russ.] <i>K. A. Barsht</i>	115

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800022740-0

Ранняя лирика И. А. Бунина: истоки и влияния

© 2022 г. Т. М. Двинятина

Доктор филологических наук,
старший научный сотрудник Института мировой литературы
им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
tatiana.dvinyatina@gmail.com

Резюме. В статье прослеживается связь ранней лирики И.А. Бунина с русской поэтической традицией XIX века. Эта проблематика становится особенно актуальной в свете подготовки первого научного Полного собрания сочинений и писем Бунина, которая начинается сейчас в ИМЛИ РАН. Задача публикуемой статьи – проследить общие линии и закономерности влияния на юного поэта классической русской поэзии (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.А. Фет, Ф.И. Тютчев, А.В. Кольцов, С.Я. Надсон, А.Н. Плещеев, Я.П. Полонский, А.Н. Майков, А.А. Григорьев, Е.А. Баратынский, Н.А. Некрасов, К.Р. и др.) и соотнести их со складывающимся в 1880–1890-е годы поэтическим мировоззрением Бунина. Задачей будущих исследований будет наполнение комментария в ПССиП конкретными примерами, причем не только из общепризнанных и ретроспективно узаконенных классиков, но и из массовой журнальной поэзии середины – конца XIX века, которая составляла органическую часть чтения и литературного воспитания молодого Бунина.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00347 “Раннее творчество И.А. Бунина: поэзия, проза, критика, публицистика, переводы (1883–1902 гг.)”.

Ключевые слова: И.А. Бунин, ранняя поэзия, литературная традиция, интертекстуальная поэтика, научный комментарий.

Для цитирования: Двинятина Т.М. Ранняя лирика И.А. Бунина: истоки и влияния // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 5. С. 5–17. DOI: 10.31857/S160578800022740-0

Ivan Bunin's Early Lyrical Poetry: Sources and Influences

© 2022 Tatiana M. Dvinyatina

Doct. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
tatiana.dvinyatina@gmail.com

Abstract. This article traces the connection between Ivan Bunin's early poetry and the Russian poetic tradition of the 19th century. Considering this topic has become particularly relevant at a time when the first critical edition of Bunin's complete works and letters is under preparation at the Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. The purpose of the present article is to trace the general direction and pattern of influence on the young poet of the Russian classical tradition (Pushkin, Lermontov, Fet, Tiutchev, Koltsov, Nadson, Pleshcheev, Yakov Polonsky, Apollon Maikov, Apollon Grigorjev, Baratynsky, Nekrasov, K.R. and others) and to relate them to Bunin's views on poetry as they formed in the 1880s–1890s. The goal of future investigations will be to annotate the critical edition with concrete examples of this influence,

not only by the widely-recognized and retrospectively canonized classics, but also by the popular poetry in magazines of the mid-late 19th century, which formed an organic part of the young Bunin's reading and literary education.

Acknowledgements. The research was supported by the grant of the Russian Scientific Foundation No. 22-18-00347 “Ivan Bunin's early work: poetry, prose, criticism, journalism, translations (1883–1902)”.

Key words: Ivan Bunin, early poetry, literary tradition, intertextual poetics, scholarly annotation.

For citation: Dvinyatina, T.M. *Rannyyaya lirika I.A. Bunina: istoki i vliyaniya* [Ivan Bunin's Early Lyrical Poetry: Sources and Influences]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serii literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 5, pp. 5–17. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800022740-0

Связь ранней лирики И.А. Бунина с русской поэтической традицией XIX века — тема столь же очевидная, сколь и малоизученная. Определенные результаты проведенных до сих пор исследований были представлены в первом научном издании его стихотворений, вышедшем в 2014 году в серии “Новая библиотека поэта” [1]. Для полноценного представления поэзии в планируемом первом научном Полном собрании сочинений еще необходимо систематическое сопоставление бунинской лирики не только с первыми именами русской классической поэзии, но и с массовой литературой середины — конца XIX века, теми поэтами, которые не столько постфактум, сколько изнутри литературного процесса считались наиболее яркими и привлекательными для широкого читателя вообще и для начинающего поэта в частности. Однако прежде всего необходимо проследить и обобщить влияние на молодого Бунина главных героев его отроческого чтения.

Поэтический образ своего детства Бунин запечатлел в “Жизни Арсеньева”, документальными свидетельствами об этом периоде его жизни являются автобиографические заметки, первые юношеские письма Бунина и мемуарные записи, оставленные его женой В.Н. Муромцевой-Бунинной. Настроение первых лет жизни будущего поэта определили разность характеров родителей: жизнелюбивого, одаренного художественным восприятием жизни отца, Алексея Николаевича Бунина, и задумчивой, склонной к меланхолии матери, Людмилы Александровны (урожд. Чубаровой), недолгая учеба в елецкой гимназии и жизнь “в людях” вдали от семьи, возвращение в родной дом и несколько лет самообразования. В те годы Бунины жили на хуторе Бутырки Елецкого уезда Орловской губернии, затем, продав их, переехали неподалеку, в деревню Озёрки. “Тут, в глубочайшей полевой тишине, летом среди хлебов, подступавших к самым нашим порогам, а зимой среди сугробов, и прошло все мое детство, полное поэзии печальной

и своеобразной”, — скажет Бунин спустя много лет [2, т. 9, с. 254]. Поэзия окутывала не только природный мир, окружавший мальчика, — она была и в самом укладе жизни, наследуемом из поколения в поколение и подходящем к своему завершению, и в семейных связях (среди предков Бунина были поэтесса А.П. Бунина и В.А. Жуковский — незаконный сын тульского помещика А.И. Бунина), и в занятиях, которым предавался в угасающем имении будущий поэт. Под руководством старшего брата Юлия он прошел весь гимназический курс и занимался по университетской программе (история, философия, общественные и естественные науки и т.д.). Любимым предметом в разговорах братьев была литература. В домашней библиотеке¹ были собраны книги Сумарокова, Державина, Пушкина, Батюшкова, Жуковского, Языкова, Баратынского. Впоследствии Бунин вспоминал, что в детстве он читал “что попало: и старые и новые журналы, и Лермонтова, и Жуковского, и Шиллера, и Веневитинова, и Тургенева, и Маколея, и Шекспира, и Белинского...” [2, т. 9, с. 259]. Чтение развивало и воспитывало, главное же — оно давало примеры для выражения собственных чувств.

Под влиянием прочитанных стихов, находясь в той же природной и культурной среде, что и любимые поэты еще совсем недавнего тогда прошлого, Бунин начал сочинять, обращаясь к традиционным поэтическим темам: жизнь природы, элегическое одиночество, юношеские мечтания, отголоски любовных переживаний. Этот спектр лирических переживаний был хорошо знаком

¹ Библиотеку собрал Иван Васильевич Пушешников, отец А.И. Пушешникова, мужа С.Н. Пушешниковой (урожд. Буниной), которая приходилась Бунину двоюродной сестрой (ее отец Н.Н. Бунин был братом А.Н. Бунина, отца Бунина). При жизни И.В. Пушешникова отношения между Пушешниковыми и Буниными были сложными, после его смерти в 1884 г. они восстановились, и молодой Бунин стал часто бывать в доме Пушешниковых и пользоваться их библиотекой. Справка С.Н. Морозова.

читателям по уже признанным образцам поэзии XIX века, а для того, чтобы в нем проступило собственно бунинское видение мира, нужны были время и опыт².

Первое из дошедших до нас стихотворений Бунина относится к 1883 г. и описывает (вероятно, осенний) отъезд юного гимназиста из родного дома в Елец, где ему предстояло учиться в гимназии и жить нахлебником в чужом доме.

Клубился туман над землею
Густою, густой пеленой,
Когда я поутру зарею
О<зёрки> оставил с тоской...

И северный ветер холодный
В лицо мне порывисто бил,
Когда я, закрывшись шинелью,
Оставил всё то, что любил...³

Возможно, именно этот отъезд Бунин вспомнит через 40 лет, когда напишет одно из последних своих стихотворений:

“Опять холодные седые небеса,
Пустынные поля, набитые дороги,
На рыжие ковры похожие леса,
И тройка у крыльца, и слуги на пороге...”

– Ах, старая наивная тетрадь!
Как смел я в те года гневить печалью Бога?
Уж больше не писать мне этого “опять”
Перед счастливою осеннею дорогой!
7.06.1923

Между этими текстами – наиболее плодотворная пора бунинского поэтического творчества, зарождение и раскрытие его лирического таланта.

В самых ранних стихах Бунина ясно слышится влияние А.В. Кольцова. Так, второе из известных бунинских стихотворений “За Ельцом есть село...” (1884) представляет собой перепев кольцовского стихотворения “Хуторок” (1839)⁴:

² Один из общих очерков влияний предшествующей традиции на Бунина, не потерявший своего значения и ныне, дан в работе Я.С. Марковича: [3].

³ Все стихи Бунина, если нет особых оговорок, цитируются и датируются по изданию [1], при этом даты, если это не имеет существенного значения в настоящем изложении, сокращаются до года.

⁴ Указано: [4, с. 232]. Вообще, до 1886 г. известно всего девять стихотворений Бунина, из них четыре образуют цикл “Песни былых годов”, см. ниже.

Кольцов:

За рекой, на горе,
Лес зеленый шумит;
Под горой, за рекой,
Хуторочек стоит.
В том лесу соловей
Громко песни поет;
Молодая вдова
В хуторочке живет. <...>
[5, с. 160]

Бунин:

За Ельцом есть село,
Что <Озёрками> звать.
На крутом берегу
Перед прудом большим,
Все любитесь в нем
Старый дом наш большой.
Там отец мой родной
Меня манит рукой.
Там сестра, там мой брат,
Там все милые мне...

В песенно-элегическом стиле Кольцова и характерной для него ритмике (см. двухсложный анапест в “Русских песнях” Кольцова “Не скажу никому...”, “Так и рвется душа...”, “Много есть у меня...”, “Я любила его...” и т.д.) юным Буниным написана первая часть цикла “Песни былых годов” (1884–1885):

Я любил сенокос,
Тихий звон острых кос
В колосистых полях
И в зеленых лугах...
Я любил над рекой
Побродить в час ночной, –
И все думы мои
Полны были любви!..
и т.д. [4, с. 232]⁵

Через год или два были написаны стихи, которыми Бунин спустя тридцать лет, в 1915 г., открыл Полное собрание своих сочинений [6]. Это было стихотворение “Шире, грудь, распахнись, для принятия...” – судя по авторской дате, Бунин сочинил его в 15 лет. Через много лет в статье, посвященной присуждению Бунину Нобелевской премии, В. Ходасевич писал:

Я беру с полки первый том Бунина в издании Маркса и читаю на первой странице:

Шире, грудь, распахнись для принятия Чувств весенних – минутных гостей! Ты раскрой мне, природа, объятия, Чтоб я слился с красотою твоей!

Ты, высокое небо далекое, Беспредельный простор голубой! Ты, зеленое поле широкое! Только к вам я стремлюсь душой!

Нынешнего Бунина от этих наивных, почти беспомощных стихов отделяют сорок семь лет жизни; стихи написаны 28 марта 1886 года. Однако ж, ему нет надобности за них стыдиться: они оправданы и не только шестнадцатилетним возрастом юноши, их писавшего, но и глубокой литературной давностью. После них прошло не только сорок семь лет жизни, но и сорок семь лет творческого труда. Прочитав их теперь, Бунин может сказать со спокойной гордостью:

– Вот чем я был – и вот чем стал [7].

⁵ Второе стихотворение цикла “То было чудное мгновенье!...” прямо отсылает к Пушкину.

При всей юношеской незрелости процитированное в этом отзыве стихотворение точно выражает мироощущение, которое владело Буниным в течение первых лет и, обогащенное новыми оттенками, осталось с ним на долгие годы. Желая слиться со *всей* природой, поэт называет два главных ее ориентира: *небо далекое и поле широкое*. Выделенные из всего природного ряда, они оказываются вертикальной и горизонтальной осями окружающего мира. Финальное признание: “Только к вам я стремлюсь душой!” — на первый взгляд парадоксально: “только” подразумевает исключительность. В действительности же это признание совершенно созвучно всему строю ранней бунинской лирики: каждый раз называя “только” что-то одно из природного целого, он будет обращаться к нему всему, во всей его полноте и многообразии, — самым ярким поэтическим выражением этого мироощущения станет стихотворение “Оттепель” (1901; см. ниже).

Это было время литературного самоопределения Бунина. Осенью 1886 г. он начал свой первый опыт в прозе — повесть “Увлечение” (окончена 26 марта 1887 г.)⁶. В конце февраля — начале марта 1887 г., взяв за образец “Евгения Онегина”, писал поэму “Петр Рогачев”⁷. В позднем разговоре с А.В. Бахрахом, спустя более чем полвека, Бунин вспоминал, что “роман в стихах” “Петр Лихачев” <так!> он “начал сочинять еще в Ельце, будучи гимназистом <...> В чем там было дело, конечно, не помню, помню только, что мой роман был не чужд народнических тенденций, которые, честно говоря, были от меня дальше, чем Большая Медведица, но эти тенденции носились в то время в воздухе, и я ими невольно заразился” [11, с. 31]. Вместе с тем, он, конечно, писал стихи, “подражал <...> больше всего Лермонтову <...> Потом пришла настоящая любовь к Пушкину, но наряду с этим увлечение, хотя и недолгое, Надсоном <...>” [2, т. 9, с. 259].

Подражая Лермонтову, юный Бунин перенял, прежде всего, общий романтической настрой его лирики. Характерные для любовных стихотворений Лермонтова мотивы отвержения, унижения и непонимания любимой чувств и чаяний влюбленного в нее поэта будут до начала 1900-х годов окрашивать и многие бунинские стихотворения. На реминисценциях лермонтовского “К***” (“Я не унижусь пред тобою...”, 1832) построено

раннее стихотворение Бунина “Я не могу того скрывать...” (5 февраля 1887; см.: [4, с. 242–243]), в подражание “Посвящению” к поэме Лермонтова “Демон” Бунин пишет стихотворение, озаглавленное им “Из дневника” (<май — июнь 1887>; см.: [4, с. 254]):

Я уже давно люблю... Ни годы, ни разлука
Затмить в душе твой образ не могли...
Хоть на нее, быть может, скорбь и мука
Тяжелым, мрачным пологом легли. <...>

За пределами любовного сюжета лермонтовские образы *паруса* на морском горизонте и летящего над землей *ангела* определяют поэтический строй бунинских стихотворений “Парус” и “Ангелы сна”; цитатами из стихотворения “И скучно, и грустно...” Бунин насыщает свое “Окутано небо ненастной мглой...” (все стихотворения 1887 года)⁸. Романтические формулы Лермонтова определяют образы и других поэтических текстов: “В полночь выхожу один из дома...” (1888), “На поднебесном утесе, где бури...” (1889), “...Зачем и о чем говорить?..” (1890), “Нет, не о том я сожалею...” и “Ангел” (оба 1891).

О любви к Пушкину, своем юношеском подражании ему “даже в почерке” Бунин не раз будет вспоминать впоследствии [2, т. 9, с. 259, 454]. “Когда он вошел в меня, когда я узнал и полюбил его? Но когда вошла в меня Россия? Когда я узнал и полюбил ее небо, воздух, солнце, родных, близких? Ведь он со мной — и так *особенно* — с самого начала моей жизни. Имя его я слышал с младенчества, узнал его не от учителя, не в школе: в той среде, из которой я вышел, тогда говорили о нем, повторяли его стихи постоянно” [2, т. 9, с. 456; выделено Буниным]. Когда, уже в эмиграции, затевалось издание серии художественных биографий, Бунину предлагали “Толстого или Мопассана”, а он хотел писать о Пушкине, считал, что для того, чтобы о ком-то писать, надо в него “перевоплотиться”, говорил: “Это я должен был бы написать роман о Пушкине! Разве кто-нибудь другой может так почувствовать? Вот это, наше, мое родное, вот это, когда Александр Сергеевич, рыжеватый, быстрый, соскакивает с коня, на котором ездил к Смирновым или к Вульффу, входит в сени, где спит на ларе какой-нибудь Сенька и где такая вонь, что вздохнуть трудно, проходит в свою комнату, распахивает окно, за которым золотистая луна среди облаков, и сразу переходит в какое-нибудь испанское

⁶ Опубликовано С.Н. Морозовым: [8, с. 46–78].

⁷ Поэма задумывалась в трех песнях, из которых была написана только первая. Авторская дата: “Начата 27 февраля, кончена 5 марта 1887 года. Сельцо Озёрки, Ел<ецкого> уезда” [9, с. 39]. Опубликовано С.Л. Гольдиным: [10, с. 41–48].

⁸ Тексты стихотворений “Парус” и “Окутано небо ненастной мглой...”, не опубликованных при жизни Бунина, см.: [4, с. 248, 261]. Стихотворение “Ангелы сна” было напечатано в газете “Родина” (1887. № 32, 9 августа), см. также: [1, т. 2, с. 205].

настроение... Да, сразу для него ночь лимоном и лавром пахнет... Но ведь этим надо жить, родиться в этом!" [12, с. 93–94]. Реминисценциями из Пушкина напитана поэзия Бунина 1886–1890-х годов⁹, “Подражанием Пушкину” называет он стихотворение о бегстве поэта “от суетных забав <...> под сень моих дубрав” (1890). Но бунинская общность с пушкинским миром была больше конкретных заимствований, — это было естественное единство жизни, ее общий исток и направление, и они остались таковыми, невзирая ни на какие исторические сломы и крушения.

Об увлечении С.Я. Надсоном, напротив, Бунин позже говорил, скорее, с неловкостью. Оно проходило на волне шумного успеха единственного сборника Надсона “Стихотворения” (вышедший в 1885 г., он выдержал при жизни поэта пять изданий¹⁰) и потрясения от его ранней смерти. Вопреки поздним уверениям Бунина, влияние Надсона на него было весьма значительным: об этом свидетельствуют не только автобиографические признания в “Жизни Арсеньева”¹¹, но и сквозные цитаты из его поэзии, и исповедальная “надсоновская” интонация, которой проникнуты стихи Бунина 1886–1888 гг. Среди них “Тяжелые мгновенья”, “О, если б жизнь моя спокойно, безмятежно...”, “Пошли, о Боже! — новой силы...”, “Из записной книжки” (ср. частый у Надсона жанр стихотворений “из дневника”, к которому Бунин будет прибегать и в будущем), “Поэт” (“Поэт печальный и суровый...”, в отличие от перечисленных выше, это последнее стихотворение Бунин включил в свое собрание 1915 г.)¹².

⁹ Отдельные реминисценции и прямые цитаты из пушкинских текстов отмечены в комментариях к стихам Бунина 1883–1900 гг.: [4, с. 232–234, 241, 247, 249, 259].

¹⁰ Надсон по популярности и в дальнейшем намного превосходил самых значительных поэтов уже новой эпохи. Так, в 1900 г. тиражом в 12000 экземпляров вышло 18-е издание его “Стихотворений”, и до 1917 г. вышло еще одиннадцать переизданий (для сравнения заметим, что “Urbi et Orbi” Брюсова было выпущено в 1903 г. тиражом в десять раз меньше: 1200 экземпляров).

¹¹ См. в “Жизни Арсеньева” (кн. 3, гл. VII): «Какой восторг возбуждало тогда даже в самой глухой провинции это имя! <...> Надсон был “безвременно погибший поэт”, юноша с прекрасным и печальным взором, “угасший среди роз и кипарисов на берегах лазурного южного моря...”» [2, т. 6, с. 122].

¹² О том, что стихи, написанные Буниным весной–летом 1887 г., складываются в особый “надсоновский” цикл, впервые написала Т.Г. Динесман [13, с. 124 и далее]. По ее наблюдению, ряд стихотворений этого времени соотносится с конкретными стихами Надсона, после его смерти (31 января 1887 г.) опубликованными в журнале “Русская мысль” и в посмертном собрании стихотворений, вышедшем в 1887 г. [13, с. 125].

Пушкинский образ музы Бунин облекает в формулы надсоновской поэзии: его стихотворение “В венке из свежих роз я Музу увидал...” повторяет стихотворение Надсона “Поэзия” (“За много лет назад, из тихой сени рая, / В венке душистых роз, с улыбкой молодой...” и т.д.; 1880) и завершается признанием:

Действительность подкралася; она
Заставила восстать от сладостного сна
И жить заставила, действительно страдая.

Вот отчего, мой друг, теперь стихи мои
Поют не те надежды и желанья;
Вот отчего меж песнями любви
Теперь найдешь упрёки и страданья.

Это стихотворение написано 19 февраля 1887 г., ровно через месяц после смерти Надсона: 24-летний поэт скончался от туберкулеза 19 января 1887 г. в Крыму¹³. Очевидно, вскоре после получения известия об этом Бунин написал еще несколько стихотворений и прежде всего “Над могилой С.Я. Надсона”, явно восходящее к “Смерти Поэта” М.Ю. Лермонтова (в автографе стоит даже эпиграф из него: “Замолкли звуки дивных песен, / Не раздаваться им опять; / Приют певца угрюм и тесен, / И на устах его печать”¹⁴) и неявно — к образному строю пушкинской лирики¹⁵.

Образ Надсона еще будет некоторое время владеть поэтическим воображением Бунина, ибо как иначе, как не еще один некролог ему, можно прочесть опубликованное год спустя стихотворение “Поэту” (“Не разрешит твой ум тревожного сомненья...”)¹⁶? Однако, как отмечает Т.Г. Динесман [13, с. 124–127], уже весной–летом 1887 г. Бунин, ориентируясь на конкретные тексты Надсона, вступает с ним в поэтическую полемику. Если Надсон хотел властвовать толпой, стать “в ряды бойцов поруганной свободы”, стать “певцом труда, познания и скорбей” (стихотворение “Грезы”, 1882–1883), то Бунин после всех страданий желает

¹³ Когда через два года Бунин впервые отправится в Крым, это будет не только путешествие “в молодость отца”, участника Крымской кампании, но, возможно, и своего рода паломничество в те края, где провел последние месяцы жизни кумир молодости.

¹⁴ ОГЛМТ. Ф. 14. № 983 оф. Л. 2–3.

¹⁵ Т.Г. Динесман говорит не только о заимствованиях из “арсенала поэтики романтизма” в целом, но и конкретно — из пушкинского стихотворения “Для берегов отчизны дальней...” (<1830>), см.: [13, с. 123–124].

¹⁶ См. также стихотворение “Поэт” (“Поэт печальный и суровый...”), авторская датировка которого в [6] “1886”, возможно, не точна: если “поэтом” Бунин действительно видит Надсона, то текст написан, скорее, тогда же, когда и другие стихи, ему посвященные, — в 1887 г.

Вернуться в старый сад над тихими лугами,
Вернуться на простор знакомых мне полей...
("Не шумный бал, увенчанный цветами...", 1887).

Гражданственному идеалу Надсона, его пафосу скорби и борьбы он противопоставляет "печаль и красоту" "близкого, родного" мира, для него сто- крат важней

Поэзия немой, задумчивой природы,
Поэзия пустеющих полей...
("Пустынные поля, пейзажи деревень...", 1889).

В стихотворении "На юге", где повторяются приведенные строки, вместо определения "не- мой" дано другое — "родной природы". И то, и другое не случайно: именно поэтом — голосом *немой родной природы* хочет быть Бунин в нача- ле своего пути, об обретении *языка* для передачи лучшего, что есть в мироздании, молит он.

Под орган душа тоскует,
Плачет и поет,
Торжествует, негодует,
Горестно зовет:

О Благий и Скорбный! Будь
Милостив к земле!
Скудны, нищи, жалки люди
И в добре, и в зле!

О Иисусе, в крестной муке
Преклонивший лик!
Есть святые в сердце звуки, —
Дай для них язык!

Авторская датировка этого стихотворения — 1889 год, впервые оно опубликовано в 1935 г.¹⁷; значит, и спустя более чем 40 лет Бунин не отка- зывается от юношеских строк, пронизанных ан- титезами "плачет и поет", "торжествует, негоду- ет", "О Благий и Скорбный", "и в добре, и в зле", полюса которых сосуществуют в мире на равных и отзываются в сердце *святыми звуками* — форму- ла, близкая пушкинскому призванию поэта:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв
("Поэт и толпа", 1828; [14, т. 3, кн. 1, с. 142])¹⁸.

Но в 1887 г. до бунинской мольбы *дать язык* для выражения *святых звуков* оставалось еще два года напряженного поэтического труда. Нахо- дясь в самом начале этого пути, Бунин (очевидно,

¹⁷ Последние новости. Париж, 1935. 31 октября, № 5334, в со- ставе цикла "Первые стихи".

¹⁸ Очевидной репликой на это пушкинское стихотворение является и одно из наиболее ранних стихотворений Бунина "Поэт! Когда перед тобой..." (1886, см.: [4, с. 241–242]).

по совету старшего брата¹⁹) послал стихотворение "Над могилой С.Я. Надсона" и вместе с ним не- сколько других в петербургскую "Родину". В то время это была еженедельная иллюстрированная "политическая, общественная, литературная" га- зета (с 1888 г. — журнал), на страницах которой перемежались рассказы, стихи, выкройки мод, новости сельского хозяйства, цветоводства и кухни, шарады и просто "разные известия". Сти- хотворение "Над могилой С.Я. Надсона" было напечатано в ней 22 февраля 1887 г. и стало ли- тературным дебютом Бунина. В том же номере на последней странице, в рубрике "Почтовый ящик" было помещено адресованное ему сооб- щение: "Ст. Измалково. *И.А. Бу-ну*. Трудитесь, со временем выйдет прок. Из присыла некоторые возьмем".

Видимо, Бунин не получил вовремя этого номера и послал в редакцию письмо с вопро- сом о своих стихах, потому что 12 апреля (№ 15) в той же рубрике его извещали: "Ст. Измалково. *Ив. А. Б-ну*. В № 8 вам было отвечено. Теперь по- вторяем то же. Присылайте, и чем можно — вос- пользуемся". Но и пропустив свое первое появ- ление в печати, и потом, уже зная о нем, Бунин больше не перепечатывал "Над могилой С.Я. Над- сона" и продолжал называть своим первым опу- бликованным произведением следующее, напи- санное в народнической традиции стихотворение "Деревенский нищий" (см.: [2, т. 9, с. 526]). Оно было напечатано в "Родине" 17 мая 1887 г. "Утра, когда я шел с этим номером с почты в Озерки, рвал по лесам росистые ландыши и поминутно перечитывал свое произведение, никогда не за- забуду", — вспоминал Бунин в 1915 г. [2, т. 9, с. 260]. В течение 1887 г. в том же издании увидели свет еще восемь стихотворений, так или иначе связан- ные с "надсоновским" циклом и позже Буниным уже не перепечатывавшиеся, а кроме того, рас- сказы "Два странника" (28 сентября) и "Нефедка" (20 декабря).

Народническая традиция, которой отмечены ключевые произведения этих публикаций, вби- рала в себя и творчество поэтов, писавших про народ (Н. А. Некрасов), и творчество поэтов, вы- шедших из народа (А.В. Кольцов, И.С. Никитин — оба, кстати, бунинские земляки, из Воронежа).

Влияние Некрасова сказалось уже в самых первых стихотворениях Бунина: "Клубился ту- ман над землею..." (1883) и "Апрельский день"

¹⁹ О том, что идея отправки стихов начинающего поэта при- надлежала его брату Ю.А. Бунину, см. в мемуарной книге В.Н. Муромцевой-Буниной: [15, с. 75, 77].

“Весело в поле весною бродить...”; 17 апреля 1886)²⁰. В “Деревенском нищем” ассоциации с лирикой Некрасова вызывают трехстопный анапест (частый, кстати, и у Кольцова), заглавный образ стихотворения и реалистичность его подраччи (бунинский “деревенский нищий” как будто один из тех, о ком некрасовские “Размышления у парадного подъезда”)²¹. Некрасовская линия протянется до зрелых стихов Бунина и, в частности, до единственного у него образца собственно “гражданской” лирики, в котором преломляется некрасовское “Не может сын глядеть спокойно...” (“Поэт и гражданин”; 1855–1856):

РОДИНЕ

Они глумятся над тобою,
Они, о родина, корят
Тебя твоею простотою,
Убогим видом черных хат...

Так сын, спокойный и нахальный,
Стыдится матери своей –
Усталой, робкой и печальной
Средь городских его друзей,

Глядит с улыбкой состраданья
На ту, кто сотни верст брела
И для него, ко дню свиданья,
Последний грошник берегла.

28.09.1899

С поэтами, вышедшими из народной среды, юного Бунина связывали и личные отношения. В 1888 г. в Ельце он познакомился с “самоучкой-стихотворцем из мещан” Егором Ивановичем Назаровым [2, т. 9, с. 259–260], который, будучи гораздо старше его, уже публиковался в различных столичных изданиях (ему посвящена статья Бунина “Поэт-самоучка. По поводу

²⁰ Первое из названных здесь стихотворений (и, повторим, вообще первое из дошедших до нас бунинских произведений) ориентировано на вторую часть “Секрета” Некрасова (ср. “Огни зажигались вечерние, / Выл вечер и дождик молчил, / Когда из полтавской губернии / Я в город столичный входил”, и т.д.; <1851>; 1855). Второе стихотворение, как отмечает Т.Г. Динесман, написано дактилическими двустопиями, заимствованными из некрасовской “Саши” (1855), см.: [13, с. 137].

²¹ Это стихотворение могло быть написано несколько раньше, авторская дата в [6] – 1886 г. Однако собственные бунинские датировки настолько запутаны и так часто недостоверны, что мы вынуждены предпочитать им объективные даты публикаций, и в таком случае “Деревенский нищий” следует после “надсоновского” цикла. И тем не менее, однозначная “хронология влияний” тут едва ли возможна, точнее было бы рассматривать поэтические предпочтения Бунина 1886–1887 гг. как некий сплав, в котором то один, то другой элемент оказывается ярче и значительнее других.

стихотворений Е.И. Назарова”, см. ниже)²². В январе 1889 г. Назаров подарил Бунину книгу И.А. Белоусова «Из “Кобзаря” Т.Г. Шевченко и украинские мотивы» (Киев, 1887), и это положило начало переписке и затем дружбе Бунина с Белоусовым. Как и Назаров, Белоусов относился к писателям “из народа”, посвятил свои “Народные мотивы” (Киев, [1892]) памяти А.В. Кольцова, писал о И.С. Никитине. Будучи старше Бунина на семь лет, Белоусов поддержал его интерес к украинской поэзии в целом и Шевченко в частности (его Белоусов много переводил и часто издавал), давал Бунину пример современной пейзажной лирики (с которым юный поэт мог сравнивать свои собственные опыты) и позже способствовал его контактам с журналом “Детское чтение” и московским издательством “Утро”.

Немногочисленные народнические мотивы ранней бунинской лирики питались и творчеством поэтов, легко совмещавших гражданские, пейзажные и любовные темы. Так было, например, с лирикой А.Н. Плещеева, при возможном посредничестве которого в стихи начинающего Бунина пришли и характерная риторика (ср. “Страдал он в жизни много, много...” и “Поэту” Плещеева – с одной стороны, и “Над могилой С.Я. Надсона” и “Поэту” Бунина – с другой), и конкретные сюжеты: во всяком случае, в “Деревенском нищем” отзываются “Нищие” Плещеева (а как затем эволюционирует эта тема, можно увидеть в бунинском стихотворении “Шла сиротка пыльной дорогой...”, 1907). Природные зарисовки зачастую приобретали в этом контексте оттенок размышлений о выборе жизненного пути: вспомнить хотя бы два равно юношеских стихотворения: “После грома, после бури...” (<1844>) Плещеева и “Не пугай меня грозою...” (1888; <1898>) Бунина. Конечно, Плещееву же (точнее, Плещееву в том числе) Бунин обязан многими мотивами, связанными с описанием природных явлений, элегических воспоминаний и усадебного быта (см. такие стихотворения Плещеева, как “Безотчетная грусть”, “Дачи”, “Notturmo”). В будущем для Бунина особенно значимым оказалось “песенное начало” творчества Плещеева (см. его стихотворения “Песня” (“«Доброй ночи!» – ты сказала...»), “Песня” (“Выйдем на берег; там волны...”), “Любовь певца” (“На грудь ко мне челом прекрасным...”) и др.), перешедшее в стихотворения Бунина “Я – простая девка на баштане...” (<1905>), “Зацвела на воле...” (1907), “На пирах

²² Е.И. Назаров (1848–1900) публиковался в таких изданиях, как “Русский курьер”, “Сын Отечества”, “Гражданин”, а также в газ. “Орловский вестник”. См. о нем: [16].

веселых...” (<1911>), “Мне вечер, молодой, скучен терем был...” (1916), — все они одинаково названы “Песня”²³.

Однако бóльшую часть ранней лирики Бунина составляли пейзажные стихотворения, которые порой складывались в своеобразный лирический дневник времен года. Вот тексты 1892 г., идущие друг за другом: “В феврале” — “Бушует полая вода...” — “Догорел апрельский светлый вечер...” — “Гаснет вечер, даль синее...” (с описанием раннего лета) — “Соловьи” (разгар лета) — “Еще от дома на дворе...” (где *травы в холодном серебре* и запахи *грибов* и *листвы* предвещают переход к первым заморозкам). Позже по тому же принципу лирического дневника будет составлен второй сборник Бунина “Под открытым небом” (1898), но и вне этой природной очередности конкретные темы стихотворений (и уж тем более упомянутых, описанных или промелькнувших в них образов) были столь же разнообразны, сколь разнообразны сами природные явления. В этих стихах, по общему мнению критики и читателей, молодой поэт наследовал традиции А.А. Фета, Ф.И. Тютчева и целого ряда других лириков XIX века, среди которых были и известные, общепризнанные и малоизвестные авторы, чьи стихи печатались и в столичных журналах, и в провинциальной периодике. Их поэзия стала органической частью поэтической речи Бунина, он впитал ее с юных лет, и она осталась в его стихах навсегда. Так, “Чудная картина...” (1832) Фета отразилась и в раннем стихотворении Бунина “Ночь и даль седая...” (1896):

Фет:	Бунин:
Свет небес высоких, И блестящий снег, И саней далеких Одинокий бег.	Метеор зажжется, Озаряя снег... Шорох пронесется Зверя легкий бег.

и в более позднем стихотворении “Вечерний жук” (1916):

Фет:	Бунин:
<...> Белая равнина, Полная луна <...> [17, с. 157]	На лиловом небе Желтая луна <...>

и далее анаграмматически:

Лишь луна да небо
Да бледнее льна
Зреющего хлеба
Мертвая страна.

²³ См. также стихотворения Бунина “Песни бури” и “Ночная песня” (оба <1900>) и др.

В этом последнем стихотворении фонетический комплекс *луна* распылен по всей последней строфе, а фетовской *белой равнине* находится соответствие в *мертвой стране*, которая *бледнее льна* (так же, как в первом случае, параллельны *блестящий снег* и *озаренный снег*). Стихотворение Фета в обоих случаях вовлечено Буниным в тексты с тем же тематическим ореолом лирического пейзажа: здесь нет ни переосмысления текста-источника, ни усложненного использования его в связке с другим источником или в чуждом ему стилистическом или тематическом контексте. На протяжении всех поэтических лет Бунин испытывал влияние Фета и в нюансировке природных описаний, и в выстраивании поэтического облика автора; фетовское стихотворение “Нет, не жди ты песни страстной...” молодой поэт поставил эпиграфом к своей первой книге “Стихотворения 1887—1891 гг.” (Орел; Тип. газ. “Орловский вестник”, 1891), что дало повод критикам сразу причислить Бунина к ученикам Фета, и это впечатление (осложненное и другими влияниями) не изменилось, по крайней мере, до середины 1910-х годов.

Другим ключевым для Бунина поэтом был Тютчев. Поэтическая система Бунина оказалась восприимчива к тютчевским контрастам дня и ночи, бытия и небытия, космоса и хаоса (в бунинском варианте, скорее, беспредельности постижимой и непостижимой), тверди и воды и т.д. — но наполнение всего мира, расположившегося между этими полюсами, оттенки, нюансы, трепет и колебания воздуха пришли к Бунину, скорее, от Фета. Иначе говоря, если в природных описаниях (при всей условности подобных дефиниций, см. [2, т. 6, с. 117]) Бунин был ближе всего к Фету, то бунинская метафизика (прежде всего, природы и любви) формировалась под сильнейшим воздействием Тютчева. Многочисленные “ночные” и “звездные” тексты Бунина — сгустки его поэтической мифологии — пронизаны тютчевскими мотивами²⁴. Стихотворения, объединенные темой “ночной пейзаж”, образуют, по подсчетам М.Л. Гаспарова, “53% бунинского корпуса — несомненное его семантическое ядро” [19, с. 256]. “Звездные” тексты — его неотъемлемая часть, и вот сопоставление одного из них с тютчевским:

²⁴ До известной степени обозначение мотивов через имя Тютчева условно, ибо “тютчевскую” метафизику ночи встречаем и у других поэтов, ср., напр., гораздо позже Тютчева написанное стихотворение И.С. Аксакова “Ночь” (“Спустилась ночь в убранстве звездном...”, 1884), где варьируется тот же комплекс настроений и образов, см.: [18, с. 76].

Тютчев:

НОЧНЫЕ МЫСЛИ (Из Гёте)

Вы мне жалки, звёзды-горемыки!
— Так прекрасны, так светло горите,
Мореходцу светите охотно,
Без возмездья от богов и смертных!
Вы не знаете любви — и ввек не знали!

Неудержно вас уводят Оры
Сквозь ночную беспредельность неба.
О! какой вы путь уже свершили
С той поры, как я в объятьях милой
Вас и полночь сладко забываю!
(<1832>; [20, с. 128–129])

Бунин:

ЗВЕЗДЫ

Не устанем воспевать вас, звезды!
Вечно вы таинственны и юны.
С детских дней я робко постигаю
Темных бездн сияющие руны.

В детстве я любил вас безотчетно, —
Сказкою вы нежною мерцали.
В молодые годы только с вами
Я делил надежды и печали.

Вспоминая первые признанья,
Я ищу меж вами образ милый...
Дни пройдут — вы будете светиться
Над моей забытою могилой.

И быть может, я пойму вас, звезды,
И мечта, быть может, воплотится,
Что земным надеждам и печалам
Суждено с небесной тайной слиться!
1901

В более зрелых стихах субъективные переживания теснятся абстрактными обобщениями, природным явлениям сообщаются черты космической мистерии. В стихотворении “Сумерки” (1900), где стена скал стоит

Как неугасший жертвенник титанов,
И Ночь спускаясь с гор, вступает точно в храм,
Где мрачный хор поет в седых клубах туманов
Торжественный хорал неведомым богам,

Бунин дает будто развернутое продолжение второй, “ночной” части стихотворения Тютчева “День и ночь” (<1839>) и в то же время заставляет вспомнить “Как океан объемлет шар земной...” (<1830>), ср. с бунинским: “Настанет ночь — и звучными волнами / Стихия бьет о берег свой”. Кроме того, “Сумерки” написаны двойным шестистишием с межстрофным пробелом, что вызывает ассоциации с восьмистишной “двойчаткой” Тютчева: Бунин хотя и сокращает каждую строфу на две строки, но сохраняет за формой в целом присущее ей у Тютчева значение архаичного мирового “перводеления”, вертикального строя и взаимной обращенности верха и низа [21, с. 304, 310 и др.]. Своего

апогея в лирике Бунина тютчевский пантеизм и метафизика Ночи достигнут в стихотворении, написанном еще через пятнадцать лет, в 1915 г.:

Взойди, о Ночь, на горний свой престол,
Стань в бездне бездн, от блеска звезд туманной,
Мир тишины исполни первозданной
И сонных вод смири немой глагол.

В отверстый храм земли, небес, морей
Вновь прихожу с мольбою и тоскою:
Коснись, о Ночь, целящею рукою,
Коснись чела, как Божий иерей.

Дала судьба мне слишком щедрый дар,
Виденья дня безмерно ярки были:
Росистый хлад твоей епитрахили
Да утолит души мятежный жар.

Любовная лирика Тютчева, несомненно, повлияла на бунинскую метафизику любви (разворачивающуюся, однако, главным образом, уже в прозе): и для Тютчева, и для Бунина самым важным в ней было предельное напряжение между ощущениями блаженства и гибели, то самое “силна как смерть любовь”, которое известно еще по Песни Песней. Любви как высшему проявлению человеческого бытия в природном мире соответствует гроза — высшее пиршество природы. Вот параллели и в описаниях грозы:

Тютчев:

Как *весел грохот* летних бурь
<...>
 (“Как весел грохот летних бурь...”, 1851; [20, с. 187])

Бунин:

Не пугай меня грозою:
Весел грохот вешних бурь!
 (“Не пугай меня грозою...”, <1888; 1898>²⁵,

и в сближении любви и смерти:

Тютчев:

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
 (“Последняя любовь”, (“После землетрясения”, 1909). <1852–1854>; [20, с. 197])

Бунин:

В дни скорби *любим мы*
нежнее <...>

При этом у Тютчева и Бунина схожи не только основы и эмоциональное наполнение “любовно-грозового” мифа, но и отдельные его фрагменты, например, устойчивая в поэтическом языке связь

²⁵ Ср. также стихотворения “Весенняя гроза” (<1828>; нач. 1850-х) Тютчева и “В туче, солнце заступающей...” Бунина (1891), в которых одно и то же явление природы трактуется в мифопоэтическом ключе (пусть и по-разному подобранном: *ветреная Геба* у Тютчева — *ангел*, *взмахнувший золотым крестом*, у Бунина), и стихотворения, в которых Бунин цитирует Тютчева, описывая совсем иное природное явление. Ср., например: описание радуги у Тютчева — горной вершины у Бунина:

Тютчев:

Один конец в леса вонзила,
Другим за облака ушла —
Она полнеба охватила <...>
 (“Как неожиданно и ярко...”, 1865; [20, с. 226])

Бунин:

Она полнеба заступила,
За облака ушла венцом <...>
 (“Вершина”, 1905).

ресницы (возлюбленной) — зеницы — зарницы (производная, очевидно, от более общей *гроза — глаза*):

Тютчев:

<...> Словно тяжкие *ресницы*
Подымались над землею,
И сквозь беглые зарницы
Чьи-то грозные зеницы
Загорались порою...
(“Не остывшая от зною...”, 1851; [20, с. 186])

Бунин:

Иду — и вспоминается мерцанье
Мне звезд иных... глубокий мрак *ресниц*,
И ночь, и тучи жаркое дыханье,
И молодой *грозы* благоуханье,
И трепет замирающих *зарниц*...
(“Гроза прошла над лесом стороною...”, 1901)

Из приведенных примеров понятно, что, как и в случаях с Плещеевым и Фетом, пунктирные отсылки к стихам Тютчева встречаются и в юношеской и, затем, в зрелой поэзии Бунина.

В целом, можно было бы дать десятки соответствий тех или иных стихотворений Бунина 1880–1890-х годов тем или иным стихотворениям его предшественников. Приведем еще только несколько штрихов к этой обширной теме.

Так, у А.Н. Майкова Бунин учится передаче не только природных настроений (ср., например, стихотворение “Осенние листья по ветру кружат...” Майкова и “Ветер осенний в лесах подымается...”, 1888–1895, Бунина; майковский цикл “В степях” — и бунинский “Ковыль”, 1894; <1898>), но и любовных переживаний (ср. “Люблю, если, тихо к плечу моему головой прислонившись...” Майкова и “Беру твою руку и долго смотрю на нее...”, 1898, Бунина).

К той же любовно-лирической линии присоединяются стихи Я.П. Полонского и К.Р. (ср. хотя бы “Серенаду” и “Отдохни” К.Р. и “Отдохни, — еще утро не скоро...”, 1900, Бунина), причем с К.Р. Бунина связывают еще и цепочки “крымских” и библейских мотивов, а с обоими авторами — идеи любви и красоты как главной ценности поэзии и искренности как главного качества поэта. И одно из первых стихотворений Бунина “Снились мне цветущие долины...” (<1888>) заканчивается прямой цитатой из стихотворения К.Р. “Когда меня волной холодной...” (1887), и стихотворение “Оттепель” (1901), подводящее итог его юношеским исканиям, звучит репликой на те же строки:

К. Р.:

Звездой мне служит путеводной
Любовь и красота. [22, с. 67]

Бунин:

Любовь и радость бытия <...>
Она везде, где красота.

Общими с Полонским оказываются не только вехи ранней биографии: бедная молодость, поездка в Одессу (это у Бунина еще впереди). От раннего признания в письме к брату (22 июля 1890), сделанного за чтением стихов старшего поэта (“Что за милый и дорогой Полонский!” [23, с. 34]), до позднего рассказа, озаглавленного строчкой из него, “В одной знакомой улице”, Полонский — один из постоянных литературных спутников Бунина. Как и в случае с Пушкиным, их связывали не буквальные (или буквальные) совпадения, не “влияние”, а “однородный строй души”, отмеченный А.А. Блоком в рецензии на “Стихотворения 1903–1906” (СПб.: Изд-е т-ва “Знание”, 1906)²⁶. В статье “Я.П. Полонский” (написанной в связи со смертью поэта 18 октября 1898 г.) Бунин повторит свои самые первые юношеские представления о том, каким должен быть поэт: “Полонский был и умный, и образованный человек, но главная черта его характера — это именно благородство и задушевность. <...> Он умел необыкновенно искренно, правдиво, просто и трогательно передавать свои думы и чувства”²⁷.

Этот идеал поэта сформировался у Бунина в конце 1880-х годов. Тогда, читая сочинения Я.П. Полонского, А.А. Фета, А.А. Григорьева²⁸, он впитывал натурфилософские идеи Шеллинга о романтической поэзии и единстве природной и человеческой жизни. Согласно им, от поэта требуется уже прежде найденная Буниным “искренность” (ее синонимы — “благородство и задушевность”), а сам он становится чутким выразителем того сокровенного движения жизни, которое совершается в природе и неотделимо от его собственного существования²⁹.

²⁶ Блок вообще выше всего оценил те бунинские стихи, которые напоминали ему Полонского (“Дагестан”, “Песня” (“Я — простая девка на баштане...”), “Канун Купалы”, “Одиночество” (“И ветер, и дождик, и мгла...”), — на “родстве” двух поэтов была построена основная часть его рецензии на этот главный поэтический том собрания Бунина [24].

²⁷ Опубл.: Юный читатель. 1899. № 2; цит. по: [9, с. 299]. О Я.П. Полонском см. также: [2, т. 9, с. 344–345].

²⁸ См.: [23, с. 34–35, 39, 47] (письма к Ю.А. Бунину от 22 июля и 28 августа 1890 г. и В.В. Пашенко от 22–23 августа 1890 г.).

²⁹ Художественной параллелью к этим настроениям служит автобиографическое признание в “Жизни Арсеньева” (при всей осторожности, не допускающей смешения автора и лирического героя): «Было сознание своей юношеской чистоты, благородных побуждений, правдивости, презрения ко всякой низости. Был повышенный душевный строй, как прирожденный, так и приобретенный за чтением поэтов, непрестанно говоривших о высоком назначении поэта, о том, что “поэзия есть бог в святых мечтах земли”, что “искусство есть ступень к лучшему миру» [2, т. 6, с. 117].

В статье “Поэт-самоучка. По поводу стихотворений Е.И. Назарова” Бунин, между прочим, проговаривает то, что более всего влечет его в поэзии: “Романтизм значительно расширил пределы поэтического творчества: жизнь сердцем и искреннее проявление нежных чувств составляли главное содержание романтических произведений” (Родина. 1888. № 24; [2, т. 9, с. 488]). Точнее та же мысль высказана в написанной следом статье “Недостатки современной поэзии”, в которой Бунин в качестве главной категории эстетики выдвигает искренность: “Поэт должен быть отзывчив на всякое движение души, на всякое проявление нравственного и умственного мира, он должен жить душой с людьми и с природой” (Родина. 1888. № 28; [2, т. 9, с. 489]). В статье “Е.А. Баратынский. По поводу столетия со дня рождения”, опубликованной в 1900 г., Бунин снова повторит: “К числу особенно характерных черт, свойственных от природы Баратынскому, надо прежде всего отнести его *искренность* и *прямоту*, то есть именно черты, без которых немислима истинная поэзия” [2, т. 9, с. 518; выделено Буниным]³⁰.

Эти качества определяют развитие поэзии Бунина, по крайней мере, до начала 1900-х годов. До выхода в свет сборника “Листопад” (1901) — четвертого поэтического сборника, с которого Бунин начинал отсчет своей зрелой лирики, — он написал более 300 стихотворений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Т.М. Двинятиной. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014. (Новая Библиотека поэта).
2. Бунин И.А. Собрание сочинений: в 9 т. / Под общ. ред. А.С. Мясникова, Б.С. Рюрикова, А.Т. Твардовского. М.: Художественная литература, 1965—1967.
3. Маркович Я.С. Традиционное и новаторское в поэзии И.А. Бунина (1883—1917). Автореф. дис. кандидата филол. наук / ИМЛИ АН СССР. М., 1977. 13 с.
4. Бунин И.А. Из ранних стихов (1883—1900) // Иван Бунин: [Сб. материалов]: В 2 кн. Кн. 1. М.: Наука, 1973. С. 232—286. (Лит. наследство; Т. 84).
5. Кольцов А.В. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. и примеч. Л.А. Плоткина; подгот. текста М.И. Маловой и Л.А. Плоткина. 2-е изд. Л.: Советский писатель, 1958. 305 с. (Библиотека поэта. Большая серия).
6. Бунин И.А. Полное собрание сочинений: В 6 т. Пг.: Изд-во т-ва А.Ф. Маркс, 1915. (Прилож. к ж. “Нива”)
7. Ходасевич В. О Бунине // Возрождение. Париж, 1933. 16 ноября, № 3089. (Републ.: Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. / Сост. И.П. Андреева, С.Г. Бочаров. М.: Согласие, 1996—1997. Т. 2. С. 283—287.)
8. И.А. Бунин. Новые материалы и исследования: в 4 кн. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 1186 с. (Литературное наследство. Т. 100, кн. 1.)
9. Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 1 (1870—1909) / Сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 1184 с.
10. Гольдин С.Л. О литературной деятельности И.А. Бунина конца восьмидесятых — начала девяностых годов // Ученые записки Орехово-Зуевского педагогического института. Т. XI. Кафедра литературы. Вып. 3. М., 1958. С. 3—48.
11. Бахрах А.В. Бунин в халате. По памяти, по записям / Сост., вступ. ст., коммент. Ст. Никоненко. М.: Вагриус, 2004. 592 с.
12. Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад / Сост., подгот. текста, предисл. и коммент. А.К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1995. 410 с.
13. Динесман Т.Г. По страницам ранних поэтических тетрадей Бунина // Иван Бунин: [Сб. материалов]: В 2 кн. Кн. 2. М.: Наука, 1973. С. 121—138. (Лит. наследство; Т. 84).
14. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1959.
15. Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью / Вступ. ст., примеч. А.К. Бабореко. М.: Вагриус, 2007. 512 с.
16. Бабореко А.К. Назаров Егор Иванович // Русские писатели. 1800—1917. Биограф. словарь / Гл. ред. П.А. Николаев. Т. 4. М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. С. 218.
17. Фет А.А. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Б.Я. Бухштаба. 2-е изд. Л.: Советский писатель, 1959. 897 с. (Библиотека поэта; Большая серия).
18. Аксаков И.С. Сборник стихотворений. Изд. 2-е. М., 1886. 180 с.
19. Гаспаров М.Л. Метр и смысл: Об одном механизме культурной памяти. М.: РГГУ, 1999. 289 с.

³⁰ Тот же критерий определяет отношение к творчеству других поэтов, см. статью “Поэт-гуманист”, посвященную А.М. Жемчужникову, и “Е.А. Баратынский. По поводу столетия со дня рождения” (обе 1900 г.). Позже, в 1910 г., комментируя инцидент с Шаляпиным (который во время исполнения оперы Даргомыжского “Русалка” ушел со сцены, недовольный уровнем труппы и ошибками оркестра), Бунин скажет: “Единственным, руководящим его <художника. — Т.Д.> деятельностью критерием должно быть человеческое его сердце. К голосу сердца и велениям совести должен прислушиваться истинный художник. Этот верный собственный суд и укажет границы дозволенного и недозволенного” [2, т. 9, с. 535].

20. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. Б.Я. Бухштаба; подгот. текста и примеч. К.В. Пигарева. Изд. 2-е. Л.: Советский писатель, 1957. 422 с. (Библиотека поэта. Большая серия).
21. Чумаков Ю.Н. Принцип “перводеления” в лирических композициях Тютчева // Чумаков Ю.Н. Пушкин. Тютчев: Опыт имманентных рассматриваний. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 299–311.
22. К.Р. Времена года: Избранное / Вступ. ст., сост. и комм. А.Б. Муратова. СПб.: Северо-Запад, 1994. 510 с.
23. Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. Подгот. текста и коммент. С.Н. Морозова, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 767 с.
24. Блок А.А. О лирике // Золотое руно. 1907. № 6. С. 41–53. (Републ.: Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. / Под общ. ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова, К.И. Чуковского. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1962. Т. 5. С. 141–144).
- Ed by I.P. Andreeva, S.G. Bocharov. Moscow, Soglasie Publ., 1996–1997, Vol. 2, pp. 283–287.) (In Russ.)
8. I.A. Bunin. *Novye materialy i issledovaniia: v 4 kn. Kn. 1.* [New Materials and Studies in 4 bks. Book 1]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019. 1186 p. (Literary Heritage, Vol. 100, Book 1.) (In Russ.)
9. *Letopis zhizni i tvorchestva I.A. Bunina* [The Chronicle of Ivan Bunin’s Life and Works]. Comp. S.N. Morozov, vol. 1 (1870–1909). Moscow, IWL RAS Publ., 2011. 1184 p. (In Russ.)
10. Goldin, S.L. *O literaturnoi deiatelnosti I. A. Bunina kontsa vospredesiatykh – nachala devianostykh godov* [On I.A. Bunin’s Literary Work in the Late 1880s and Early 1890s]. *Uchenye zapiski Orekhovo-Zuevskogo pedagogicheskogo instituta* [Scientific Notes of the Orekhovo-Zuevo Pedagogical Institute]. Vol. XI, Literature Department, No. 3. Moscow, 1958, pp. 3–48. (In Russ.)
11. Bakhrakh, A.V. *Bunin v khalate. Po pamiati, po zapisiam* [Bunin in Dressing-gown. By Memory, by Notes]. Ed by St. Nikonenko. Moscow, Vagrius Publ., 2004. 592 p. (In Russ.)
12. Kuznetsova, G.N. *Grasskii dnevnik. Rasskazy. Olivkovyi sad* [The Grasse Diary. Stories. The Olive Garden]. Ed. by A.K. Baboreko. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1995. 410 p. (In Russ.)
13. Dinesman, T.G. *Po stranitsam rannikh poeticheskikh tetradei Bunina* [Through the Pages of Bunin’s Early Poetry Notebooks]. *Ivan Bunin: [Sb. materialov]: V 2 kn. Kn. 1* [Ivan Bunin: [Collected Materials] in 2 Books, Book 1]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 121–138. (Literary Heritage, Vol. 84). (In Russ.)
14. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii v 16 t.* [Complete Works in 16 Volumes.]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1937–1959. (In Russ.)
15. Muromtseva-Bunina, V.N. *Zhizn Bunina. Besedy s pamiatiu* [The Life of Bunin. Conversations with Memory]. Ed. by A.K. Baboreko. Moscow, Vagrius Publ., 2007. 512 p. (In Russ.)
16. Baboreko, A.K. *Nazarov Egor Ivanovich* [Nazarov Egor Ivanovich]. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograf. slovar* [Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary]. Ed. by P.A. Nikolaev, Vol. 4, Moscow, Bolshaia Rossiiskaia entsiklopediia Publ., 1999, p. 218. (In Russ.)
17. Fet, A.A. *Polnoe sobranie stikhotvorenii* [Complete Poems]. Ed. by B.Ia. Bukhshtab, 2nd ed., Leningrad, Sovetskii pisatel Publ., 1959. 897 p. (The Poet’s Library, Large Series) (In Russ.)
18. Aksakov, I.S. *Sbornik stikhotvorenii* [Collected Poems]. 2nd ed., Moscow, 1886. 180 p. (In Russ.)
19. Gasparov, M.L. *Metri i smysl: Ob odnom mekhanizme kulturnoi pamiati* [Meter and Meaning: On One Mechanism of Cultural Memory]. Moscow, RGGU Publ., 1999. 289 p. (In Russ.)

REFERENCES

1. Bunin, I.A. *Stikhotvoreniia v 2 t.* [Poems in 2 Volumes]. Ed. by T.M. Dvinyatina. St. Petersburg, Izd-vo Pushkinskogo Doma Publ., Vita Nova Publ., 2014. (New Poet’s Library). (In Russ.)
2. Bunin, I.A. *Sobranie sochinenii v 9 t.* [Collected Works in 9 Volumes]. Ed. by A.S. Miasnikov, B.S. Riurikov, A.T. Tvardovsky. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1965–1967. (In Russ.)
3. Markovich, Ia.S. *Traditsionnoe i novatorskoe v poezii I.A. Bunina (1883–1917). Avtoref. dis. kandidata filol. Nauk. IWL RAS* [Traditional and Innovative Elements in the Poetry of I.A. Bunin (1883–1917): PhD Thesis, Summary]. Moscow, 1977. 13 p. (In Russ.)
4. Bunin, I.A. “*Iz rannikh stikhov (1883–1900)*” [“From Early Poems (1883–1900)”]. *Ivan Bunin: [Sb. materialov]: V 2 kn. Kn. 1* [Ivan Bunin: [Collected Materials] in 2 Books, Book 1]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 232–286. (Literary Heritage, Vol. 84). (In Russ.)
5. Koltsov, A.V. *Polnoe sobranie stikhotvorenii* [Complete Poems], introd. by L.A. Plotkin; ed. by M.I. Malova i L.A. Plotkin, 2nd ed., Leningrad, Sovetskii pisatel Publ., 1958. 305 p. (The Poet’s Library, Large Series). (In Russ.)
6. Bunin, I.A. *Polnoe sobranie sochinenii v 6 t.* [Complete Works in 6 Volumes] Petrograd, Izd-vo t-va A.F. Marks Publ., 1915. (Suppl. for the “Niva” Magazine). (In Russ.)
7. Khodasevich, V. “*O Bunine*” [On Bunin]. *Vozrozhdenie*. Paris, 16 nov., no. 3089, 1933. (Publ. by: Khodasevich, V.F. *Sobranie sochinenii v 4 t.* [Collected Works in 4 Volumes].

20. Tyutchev, F.I. *Polnoe sobranie stikhotvoreniĭ* [Complete Poems]. Introd. by B.Ia. Bukhshtab, ed by K.V. Pigarev, 2nd ed., Leningrad, Sovetskii pisatel Publ., 1957. 422 p. (The Poet's Library, Large Series) (In Russ.)
21. Chumakov, Iu.N. *Printsip "pervodeleniia" v liricheskikh kompozitsiakh Tyutcheva* [The Principle of "Primordialism" in Tyutchev's Lyrical Compositions]. Chumakov, Iu.N. *Pushkin. Tyutchev: Opyt immanentnykh rassmotrenii* [Pushkin. Tyutchev. Experience of Immanent Considerations]. Moscow, Iazyki slavianskoi kultury Publ., 2008, pp. 299–311. (In Russ.)
22. K.R. *Vremena goda: Izbrannoe* [The Seasons: Selected Poems]. Ed. by A.B. Muratov. St. Petersburg, Severo-Zapad Publ., 1994. 510 p. (In Russ.)
23. Bunin, I.A. *Pisma 1885–1904 godov* [Letters of 1885–1904]. Ed. by O.N. Mikhailov, text, comment. S.N. Morozov, L.G. Golubeva, I.A. Kostomarova. Moscow, IWL RAS Publ., 2003. 767 p. (In Russ.)
24. Blok, A.A. *O lirike* [On Lyric Poetry]. *Zolotoe runo* [The Golden Fleece]. 1907, No. 6, pp. 41–53. (Publ. by: Blok, A.A. *Sobranie sochinenii v 8 t.* [Collected Works in 8 volumes]. Ed. by V.N. Orlov, A.A. Surkov, K.I. Chukovsky. Moscow, St. Petersburg, Gos. izd-vo khudozh. lit. Publ., 1962, Vol. 5, pp. 141–144.) (In Russ.)

*Дата поступления материала в редакцию: 1 июля 2022 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 19 июля 2022 г.
Статья принята к публикации: 31 августа 2022 г.
Дата публикации: 31 октября 2022 г.*

*Received by Editor on July 1, 2022
Revised on July 19, 2022
Accepted on August 31, 2022
Date of publication: October 31, 2022*

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800022741-1

“У него мания величия”: образ “гения силы” в трагедии Ф. Шиллера “Разбойники”

© 2022 г. Д. Д. Черепанов

Кандидат филологических наук,
старший преподаватель Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51
ddcherep@gmail.com

Резюме. Первая драма Шиллера, “Разбойники”, в отечественном литературоведении традиционно относится к направлению “Бури и натиска”. В данной статье предпринимается попытка пересмотреть этот тезис. Интерес Шиллера к образу “сильного человека” (“Kraftmensch”) бесспорен: о нем свидетельствуют параллели между текстом “Разбойников” и драмами “бурных гениев”. Однако отношение Шиллера к этому типу персонажей более сложное, чем принято считать. Это становится очевидным при сопоставлении двух вариантов трагедии, драмы для чтения и сценической редакции. Последняя имеет вполне “штюрмерский” характер, она утверждает величие героя, который противостоит всему миру и переживает своего рода трагический триумф. Принося в жертву свою возлюбленную и себя самого, Карл Моор в сценической версии выступает в роли жреца некоей своеобразной религии. Реплики и действия Моора в финале содержат очевидные аллюзии на Евангелие, а сам герой оказывается новым искупителем, примиряющим своих товарищей с небесным Отцом. Первая редакция “Разбойников” организована иначе: образ “сильного человека” в ней рассматривается как проблема, а мессианские притязания “бурного гения” трактуются как самообман. В качестве альтернативы драматург уже в первой трагедии вводит тему “терпения”, объединяющую “Разбойников” с последующими произведениями. Эта тема ярче всего выражена в образе Луизы Миллер, вынужденной противостать “штюрмерским” действиям Фердинанда. Представляется, что расхождение между вариантами первой трагедии Шиллера свидетельствует о том, что Шиллер уже на этом этапе критически переосмысливает штюрмерский культ “гения силы” или “сильного человека”.

Ключевые слова: Ф. Шиллер, “Буря и натиск”, “бурный гений”, Милтон, Достоевский, история драмы, история немецкой литературы.

Для цитирования: Черепанов Д.Д. “У него мания величия”: образ “гения силы” в трагедии Ф. Шиллера “Разбойники” // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 5. С. 18–25. DOI: 10.31857/S160578800022741-1

“Es ist die Großmannsucht”: The “Kraftgenie” as Reconsidered in “The Robbers” by F. Schiller

© 2022 Daniil D. Cherepanov

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Teacher at the M.V. Lomonosov Moscow State University,
1 bild. 51 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
ddcherep@gmail.com

Abstract. Schiller’s early play, “The Robbers” (“Die Räuber”), is broadly considered to be a typical example of the Sturm and Drang movement. This article suggests rethinking of that conjecture. Schiller’s interest in the image of the “strong man” (“Kraftmensch”) is undeniable: it is evidenced by the parallels between the text

of “The Robbers” and the plays by several Sturm und Drang authors. However, Schiller’s attitude towards this type of character is more complex than is commonly believed. This becomes apparent when comparing the two versions of the tragedy, i.e. the closet drama printed in 1781 and the version adapted for the theatre in Mannheim. The latter version fits well into the Sturm und Drang canon: it asserts the greatness of a strong person who opposes the entire world reaching a tragic triumph. In the scenic version, Karl Moor acts as a pagan priest sacrificing Amalia and himself. Some parts of Karl’s speech and action obviously allude to the Gospel, and Karl himself acts as the redeemer who is able to reconcile his fellow robbers with the heavenly Father. In the closet drama, by contrast, the “Kraftmensch” is treated as a problematic figure; his messianic pretensions are shown to be inadequate. Instead of relying on the character’s strength, Schiller stresses the necessity of patience, an idea that the first version of “The Robbers” has in common with Schiller’s next works. The motive of patience is clearly expressed in Luise Miller, while Ferdinand (whom Luise on certain occasions opposes) acts according to the Sturm und Drang model. It appears that the difference between the two variants of “The Robbers” is caused not by external circumstances, but by internal factors: Schiller’s first play is a critical reconsideration of such Sturm und Drang notions as the “Kraftgenie” or “Kraftmensch”.

Key words: F. Schiller, Sturm und Drang, Kraftgenie, Milton, Dostoevsky, history of drama, history of German literature.

For citation: Cherepanov, D.D. “*U nego maniya velichiya*”: obraz “geniya sily” v tragedii F. Shillera “*Razbojniki*” [“Es ist die Großmannsucht”: The “Kraftgenie” as Reconsidered in “The Robbers” by F. Schiller]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 5, pp. 18–25. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800022741-1

Как известно, Н.Я. Берковский охарактеризовал первые три драмы Шиллера — “Разбойники” (1781), “Заговор Фиеско в Генуе” (1783), “Коварство и любовь” (1784) — как принадлежащие к направлению “Бури и натиска”, которое “снова возродилось” под рукой Шиллера [1, с. 155]. Это суждение повторяется до последнего времени и вошло в учебные пособия [2, с. 256]; [3, с. 265]. В таком ключе “Разбойники” интерпретируются и в относительно недавней биографии Шиллера: с точки зрения биографа, Р. Сафрански, Карл — персонаж вполне штюрмерский, гордо отстаивающий свою свободу, в том числе свободу от “трансцендентного”. “Карлу, а вместе с ним и Шиллеру, — пишет Сафрански, — удалось здесь благополучно избежать обращения к идее божественного миропорядка”, поэтому финал пьесы — это “триумф гордой свободы Карла, оставшегося верным самому себе” [4, с. 113]; см. также [5, S. 137].

Представляется, однако, что на самом деле отношение между ранним творчеством Шиллера и поэтикой штюрмеров — иное, более сложное. Было бы излишне доказывать, что фигура “бурного гения” занимала Шиллера. В предисловии к первому изданию “Разбойников” он пишет о намерении подвергнуть анализу “трех необычайных людей” [6, S. [4–5]]. Первый из них — Карл Моор, которого, по замечанию Шиллера, “великий грех влечет лишь из-за того *величия* (Größe), которое с ним связано, из-за той *силы*, которую он дает” [7, S. 486]. Некоторые детали подчеркивают сходство Карла и героев предыдущей

эпохи. В частности, главного персонажа драмы Ф.М. Клингера “Буря и натиск”, давшей впоследствии название всему движению, тоже звали Карл. Подобно тому как Гвельфо, центральное действующее лицо “Близнецов” Клингера, вдохновляется жизнеописанием Брута (отдавая, впрочем, предпочтение Кассию), Карл Моор читает Плутарха и противопоставляет великих людей древности измелечавшим современникам. На роль “необычайного человека”, “гения” претендует и Франц Моор. В своем стремлении к величию и силе он оказывается близок своему брату: “Неужто моим замыслам склониться под железное ярмо естества? Неужто мне приковать свой парящий дух к медленному, черепашьему шагу материи?” [8, с. 400]. Здесь Франц пользуется категориями “органической поэтики”, а себя хотел бы считать художником-гением: “Отравить тело через дух... Ха! Вот — подлинное, оригинальное произведение (ein Originalwerk)! <...> Вот новое искусство (eine Kunst), достойное быть твоим изобретением!” [7, S. 522]. Легко узнается и ряд мотивов, типичных для драмы “Бури и натиска”. Конфликт двух братьев, которые борются за признание, наследство и любимую женщину, причем один из братьев — сильный человек, открыто выражающий необузданные чувства и именно из-за них страдающий, — мотив, хорошо знакомый по “Близнецам” Ф.М. Клингера и “Юлию Тарентскому” И.А. Лейзевица. Борьба за правду, критерием которой выступает чувство героя, и конфликт с обществом измелечавших людей роднит Карла Моора с Гёцем фон Берлихингом (на сходство “Разбойников” с драмой Гёте

обращал внимание еще К.Ф. Тимме, автор одной из первых рецензий, появившейся в 1781 г.). Следует отметить и некоторое стилистическое сходство: Моор, как и Берлихинген, прибегает к подчеркнuto крепким выражениям, отсылающим к стихии “телесного низа”¹.

Однако отношение раннего Шиллера к образу “бурного гения” сложнее, чем может показаться. Хорошо известно, что последние сцены второй драмы Шиллера — “Заговор Фиеско в Генуе” — возникали непросто и существуют в нескольких вариантах [4, с. 149]: 1) печатное издание (“книжная редакция”), 2) сценическая редакция для театров в Мангейме, 3) две переработки для театров в Лейпциге и Дрездене. Расхождения между вариантами существенные: в печатном издании Фиеско, свергнув старого дожа, собирается стать новым единоличным правителем и гибнет от руки республиканца Веррины. Во втором варианте, театральном, Фиеско отрекается от власти и становится “счастливейшим гражданином” новой республики [9, S. 229]. Для Лейпцига и Дрездена Шиллер переработал текст и вновь сделал Фиеско узурпатором, которого Веррина, как новый Брут, убивает на глазах у толпы, преклоняющейся перед гением Фиеско. Эти варианты объединены фигурой Фиеско, “сильного человека” и творца, причем Шиллера, по-видимому, привлекала именно амбивалентность этого персонажа, существование которого в одно и то же время жизненно необходимо и смертельно опасно для республики [10]. Гораздо меньше внимания привлекало до сих пор то обстоятельство, что и первая трагедия Шиллера, “Разбойники”, существует в нескольких версиях. Редакторы историко-критического издания произведений Шиллера выделяют два основных варианта: первый восходит к анонимно опубликованной в 1781 г. драме для чтения (“Разбойники. Драма” — “Die Räuber. Ein Schauspiel”), которая была переиздана в 1782 г. уже с указанием имени Шиллера; второй — к сценической редакции (“Мангеймская книга суфлера”), которая в чистовой версии была напечатана в том же 1782 г. под названием “Разбойники. Трагедия” (“Die Räuber. Ein Trauerspiel”). Существующие интерпретации “Разбойников”, как правило, не учитывают принципиальных различий

¹ Кажется закономерным, что, например, фраза Карла, посвященная акту зачатия (“Kerls, die in Ohnmacht fallen, wenn sie einen Buben gemacht haben, kritteln über die Taktik des Hannibals”, [7, S. 503], в переводе Н. Ман была смягчена: “молодчики, которые, *единожды сплутовав*, готовы тут же упасть в обморок от страха, критикуют тактику Ганнибала” [8, с. 381] (курсив мой. — Д.Ч.).

между этими вариантами, особенно заметных в финальной сцене. Вторая версия, сценическая, вполне может быть отнесена к поздним драмам “Бури и натиска”. Основное содержание ее финала излагает сам Шиллер в анонимной рецензии: после смерти Моора-отца Амалия по-прежнему верна Карлу, “но против него восстает шайка, напоминающая о торжественно принесенной им клятве”. Герой, предвкушавший состояние “счастливейшего из смертных”, внезапно и навсегда лишается этой надежды. В этих тяжелых обстоятельствах Карл приносит “нечеловеческую жертву”: убивает Амалию и “добровольно отдается в руки правосудия”, проявляя тем самым свою внутреннюю силу [11, с. 521–522]. Именно мотив особой власти “мужественного человека” (в оригинале просто “Mann” — “мужчина”, “муж”) находится здесь в центре внимания. Карл не только как “господин” (“Herr”) возвышается над разбойниками и силой прокладывает себе дорогу, когда шайка пытается задержать бывшего атамана; его воля способна преодолеть законы природы: “Доселе — природа! Здесь начинается муж” [11, с. 532]. Речь идет о преодолении клятвы, соединившей Карла с разбойниками, и — шире — о достижении состояния “по ту сторону добра и зла”: “И пусть теперь небеса влекут ее к себе, а меня к себе — ад! — Любовь выше всех клятв!” [12, S. 233]. Карл спасает себя сам силой собственного чувства, а затем “мечом” обручает себе невесту, минуя “стороживших ее волшебных псов, поставленных враждебным роком” [12, S. 234]. Здесь в произведении Шиллера появляются отчетливые аллюзии на религиозные тексты; изменяя известную цитату из Евангелия от Матфея (“что Бог сочетал, того человек да не разлучает”, Мф. 19:6), Карл провозглашает: “Что природа сочетала — кто возьмется разделить?” [12, S. 233]. “Гений силы” выступает как жрец некоей своеобразной религии. Он закалывает Амалию на камне со словами: “Благословение священника не соединит нас, но я знаю лучший путь!” [12, S. 233]. Такое жертвоприношение трактуется в сценической редакции “Разбойников” как единственный путь к соединению возлюбленных и как поступок “великого человека”: “Отныне она моя! <...> И долго еще земля будет вращаться в танце вокруг Солнца, прежде чем она породит великий поступок (Tat), подобный этому” [12, S. 234]. Далее Моор не только уходит от разбойников, но и благословляет их, направляя на королевскую службу. Для Косинского и Швейцера он проводит особый обряд очищения:

Моор: Дай мне твою правую руку, Косинский; ты, Швейцер, дай левую. <...> Я глубоко погрузил эту руку в кровь — <...> и этим пожатием беру обратно то, что сделал я. <...> Швейцер, и ты чист. (*С молитвенным воздушевлением возносит их руки к небу*). Отец Небесный! Я возвращаю их тебе... [12, S. 235].

Жесты и слова Моора напоминают описание Тайной вечери в Евангелии от Иоанна (гл. 13–16). Впечатление, что Карл играет роль “нового спасителя”, закрепляется, так как Моор добровольно предает себя на смерть, говоря в связи с этим о своем “завещании” или “завете” (“Testament”) [12, S. 235]. Согласно Мангеймской театральной рукописи, эта сцена и вся драма завершались словами Карла: “Так я умру великим человеком!” (“Ich sterbe groß durch eine solche Tat!”) [12, S. 385]. При издании сценической редакции Шиллер снял эти слова, но главная мысль финала осталась неизменной: “Моор должен быть свободен, если он хочет быть великим” [12, S. 234]. “Триумф” Карла-бунтаря напоминает рассуждения милтоновского Архиврага (здесь можно согласиться с Дж. Гутри, писавшего о сходстве этих персонажей [5]). Сатана говорит о победе в смысле сохранения “неукротимой воли” и “мужества — не уступать вовек” (“unconquerable Will”, “courage never to submit or yield”) [13, с. 10], Карл же готов противостоять “какому угодно иному миру”, если только у него «останется это мое “я” (“mein Selbst”): “Я сам для себя — рай и ад. <...> Ты можешь уничтожить меня, но этой свободы отнять у меня не можешь” [7, S. 592].

Именно такая, штюрмерская, трактовка сюжета (смягченная интендантом Мангеймского театра, Ф.Х. фон Дальбергом, превратившим жертвоприношение Амалии в ее самоубийство [12, S. 318]) обусловила реакцию публики и, в частности, часто цитируемые воспоминания очевидца о “сжатых кулаках”, “хриплых выкриках” и братании незнакомых людей после представления [14, S. 67–68]. При сопоставлении с драмой для чтения (в ненапечатанном предисловии автор назвал ее “драматическим романом” [11, с. 516]) очевидно, что финал последней организован сложнее. Первые акты драмы подобны своего рода мысленному эксперименту, в ходе которого рассматривается судьба героя, отчетливо ощутившего, что “век расшатался”, и решившего *силой* бороться с “вывихами” падшего мира. Восстание Карла вызвано уверенностью, что повсеместно попираются не только законы естества — Карл призывает в союзники “воздух, сушу и море”, т.е. “всю природу” [7, S. 514], — но и законы божественные: неслучайно решающим толчком, сделавшим Карла разбойником, было

нарушение образца, заданного притчей о блудном сыне, — отец не ответил на покаяние сына (письмо, сухо сообщающее о проклятии, было написано Францем якобы по указанию Максимилиана фон Моора). Подспудно ссылаясь на текст Евангелия, Карл, очевидно, проводит параллель между действиями “правящего графа” и Провидением и с горечью отмечает, что миром правит не Провидение, но “непреклонная судьба” (“ein unbeugsames Fatum”) [7, S. 516]². Соответственно, бунт Карла (здесь сложно не вспомнить Ивана Карамазова) обусловлен стремлением к правде и направлен не только против человечества, но и “против мироправителей тьмы века сего” (Еф. 6:12), против некой безликой враждебной силы, занявшей место Отца. Однако герой-бунтарь быстро сталкивается с печальным парадоксом: начав как новый Робин Гуд с борьбы против богатых и сильных, которую он обосновывает их злодеяниями [8, с. 420, 431–432], он оказывается в союзе с резко отрицательными персонажами, подобными Шуфтерле и Шпигельбергу, и сам становится причиной гибели слабых и незащищенных людей. Так Карл именно из-за своих положительных качеств оказывается причастен мировому злу: “Слышите этот взрыв пороховой башни над постелями рожениц? <...> Вот он, твой венчальный факел! <...> А потому любовь для меня пытка! Вот оно, возмездие!” [8, с. 491–492]. Параллельно крепнет связь Карла с его товарищами: их союз проверяется во втором акте, когда разбойники ради своего атамана отказываются от предложенной амнистии, а затем скрепляется кровью, включая кровь только что спасенного Роллера. Такой союз, состоящий из свободных людей, напоминающих гётевских Гёца и Лерзе, оказывается сильнее “девяти кругов ада” и окружившей разбойников армии [7, S. 555]. В третьем действии — неожиданно коротком, состоящем только из двух сцен, — Карл проговаривает эту двойную связь: осознавая себя “чудовищем”, “прикованным ко греху железными цепями” [7, S. 561], он в то же время дважды повторяет клятву: “Клянусь душой моей! *Я никогда вас не оставлю*” [7, S. 563]. Представляется, что эта клятва, соединяющая Карла с его друзьями-разбойниками и одновременно закрепляющая состояние “Абадонны, рыдающего среди цветения

² Здесь возможен еще один отголосок “Потерянного рая”: Архивраг, потерпев поражение, уверяет соратников, что судьба или природа стоят над ними и их врагом, Богом. Ср. “... since by Fate the strength of Gods / And this Empyrean substance cannot fail” — “... волею судеб / нетленны эмпирейский наш состав / И сила богоравная” [13, с. 11].

счастливого мира” [8, с. 441], находится в композиционном центре драмы.

К этой ситуации союза, сопоставимого с браком, Карл возвращается при встрече с отцом и Амалией в последнем явлении. Узнав, что Амалия его по-прежнему любит, он *субъективно* ощущает себя спасенным: “Она прощает меня, она любит меня! Я чист, как небесный эфир <...> Благодарю тебя, милостивый Боже! <...> Мир души моей восстановлен” [7, S. 613]. Однако Карлу напоминают о его *объективной* связи со злом: разбойники клинками разделяют Карла и Амалию со словами — “Вспомни богемские леса! <...> Мы кровью нашего сердца купили тебя, ты наш крепостной” [7, S. 614–615]. В театральной версии Моор разгоняет разбойников, а в книжном варианте, напротив, признает, что собственной силой разорвать союз и спастись от греха не может: “Все кончено! — Я хотел покаяться и вернуться к моему отцу, но Отец небесный решил, что этому не быть” [7, S. 615]. В театральной версии жертвоприношение Амалии происходит по инициативе Карла, совершающего “великий поступок”. В драме для чтения, напротив, Амалия не может жить без Карла и собирается совершить самоубийство (“Дидона, научи меня умереть”) [8, с. 494]. Ее гибель на сцене кажется скорее драматическим приемом, позволяющим ярко завершить действие; Карл действует спонтанно и как бы неожиданно для самого себя. Теперь уже Амалия выступает как искупительница, освобождающая своей смертью Моора от связи с разбойниками: “Ваши шрамы и богемские леса! Да, да, за них, конечно, нужно было расплатиться, — говорит Карл разбойникам. — <...> Больше нам с вами вовек не сойтись” [7, S. 616]. Вероятно, будет преувеличением считать “Разбойников” “богословской драмой”, как это делает Б. фон Визе [15, S. 164], или же “богословской драмой наоборот” [5, S. 137], однако можно согласиться с тем, что мотив греха и искупления играет заметную роль в “Разбойниках”. Следует отметить, что трактовка данной темы может свидетельствовать о влиянии “Эмилии Галотти” Лессинга. Однако на этом проблема “большого человека” в драме не исчерпана. Последующее ее обсуждение строится как диалог-спор Карла и разбойников. Освобожденный от клятвы Карл собирается принести себя в “жертву” и — как в театральной редакции — говорит о себе как о новом Примирителе: чтобы восстановить погрязшие законы, необходима “жертва, которая всему человечеству покажет нерушимое величие порядка, и эта жертва — я сам” [7, S. 617]. Разбойники трактуют эти слова как намерение совершить самоубийство: “Отнимите у него

шпагу — он хочет себя заколоть” [7, S. 617]. Карл поясняет, что намерен добровольно сдаться властям. В этом месте появляется важное различие между вариантом для театра и драмой для чтения. В последней автор устами разбойников *критикует* намерение Карла, используя для этого неологизм: “Пусть идет! У него мания величия (die Großmannsucht)” [7, S. 617]. Данная реплика отвечает на очередную попытку Карла повлиять на “все человечество” и одновременно резюмирует центральную проблему драмы: бунт Карла был вызван не столько протестом против социальной или метафизической неправды, сколько стремлением к величию или, как выражается в четвертом действии сам герой, “гордыней” (“Stolz”) [8, с. 469]. В этом отношении характерна песня Карла, в которой Брут и Цезарь представлены как два равновеликих близнеца: “Лишь Цезарь Рим был в силах уничтожить, / Один лишь Брут мог Цезаря столкнуть” [8, с. 468]. На первый взгляд, предметом подражания для Карла является Брут, образец добродетелей, борец за свободу и одновременно отцеубийца; но возможно, что разбойник Моор не менее похож на Цезаря, тирана и узурпатора, занявшего не подобающее ему место. Сравнение героя-бунтовщика с Мессией-искупителем получает в таком контексте новое значение: среди литературных прототипов Карла не только милтоновский Сатана, но и образ Антихриста, т.е. “лжехриста” (ср. Мф. 24:24), подменяющего собой Иисуса из Назарета. В театральной версии Карл до самого конца желает быть именно *великим человеком*. Намереваясь сдаться бедняку, чтобы облагодетельствовать последнего (как это происходит и в театральной версии), Карл продолжает ту же линию “самоспасения”. В драме для чтения Карл, услышав упрек в “мании величия”, задумывается: “Действительно, мной могут восхищаться” [7, S. 617]. По-видимому, Шиллер имел в виду именно этот момент, когда писал в предисловии к первому изданию драмы, что его герой имел все задатки, чтобы стать и Брутом, и Катилиной, и лишь после “чудовищного заблуждения” вернулся к первому из этих двух путей [6, S. [7]]. Очевидно, что во время “некоторого размышления” Моор ищет решение. Мало было бы просто сдаться бедняку, а не представителю властей: это лишь добавило бы еще одну причину для восхищения поступком Карла. Приходится предположить, что Карл намерен *сделать вид*, будто бедняк захватил его случайно. Из-за своего активного, волевого, сильного начала Карл стал “раскаленным быком, во чреве которого страдает человечество” [7, S. 591], и чуть не разрушил “здание нравственного миропорядка” [8, с. 495], поэтому

решение проблемы он видит в отказе от своеволия и умалении себя: “Тебе отмщение, и ты воздашь! Нет нужды тебе в руке человеческой!” [8, с. 495–496]. Впрочем, приходится признать, что ответ Моора на упрек разбойников не вполне удовлетворителен. Карл оказался в союзе со злом, поскольку действовал как “сильный человек”, “Kraftmensch”, отказаться же от своей силы он не может. Его последний жест, намерение сдаться, может быть истолкован как попытка умалить себя, но эта попытка может быть отравлена если не “изумлением толпы” [8, с. 496], то самолюбованием: ведь сам Карл знает, что сдается добровольно. С этой точки зрения финал первой трагедии Шиллера остается открытым. Однако тема “великого человека” продолжала волновать Шиллера и после завершения работы над “Разбойниками”. Это отчетливо видно во второй трагедии Шиллера, “Заговор Фиеско в Генуе”, главный герой которой, охарактеризованный как “великий человек” (“großer Mensch”), предстает как гений-художник, рассматривающий заговор как “удивительное произведение” (“das erstaunliche Werk”). Как наследник “диких”³ героев “Бури и натиска” Фиеско соединяет “опасную мудрость” с “самыми неистовыми желаниями” [7, S. 693]. Гораздо менее очевидно появление схожих мотивов в мещанской трагедии “Коварство и любовь”. В “снятой” форме они собраны в образе Фердинанда, повторяющего за Карлом Моором жалобы на “капающий чернилами век”: “Полюбуйтесь на этот позор шестому дню творения! Можно подумать, что он — не творение Всевышнего, а пиратская копия тюбингенского книгопродавца!” [7, S. 820], ср. [8, с. 682]. В этих трагедиях развивается линия, начинающаяся в последнем явлении “Разбойников” с аллюзии на известный стих “Мне отмщение, я воздам, говорит Господь” (Рим. 12:19). Ее девизом могло бы стать слово “dulden” (“терпеть”, “страдать”): она объединяет образы Амалии, Леоноры (жены Фиеско), Луизы Миллер. Последней принадлежит программный ответ на штюрмерские призывы Фердинанда: “Позволь теперь *мне* быть героиней. <...> Мой долг велит мне оставаться здесь и терпеть” [7, S. 809]. Речь Луизы почти дословно повторяет покаянные слова Карла Моора (она призывает возлюбленного “отказаться от союза, который <...> уничтожит вечный мировой порядок” [8, с. 670]). При этом вновь наблюдается сближение семейной ситуации героев и притчи о блудном сыне: Луиза надеется с помощью отречения от страстной любви

“вернуть отцу сбежавшего сына” [8, с. 670]. В тот же период творчества Шиллера тема терпения звучит в “Оде к радости”: “Duldet mutig, Millionen! / Duldet für die beßre Welt!” (“Терпите мужественно, о миллионы! / Терпите ради лучшего мира!” [7, S. 134]). Луиза как олицетворение смирения противопоставляет Фердинанду, который, подобно Карлу Моору в сценической версии “Разбойников”, берется заменить собой Провидение и “сочетать браком” разделенных возлюбленных: “Судия вселенной! Предоставь действовать мне самому. <...> Какое это страшное обручение, но зато вечное!” [7, S. 822], ср. [8, с. 684]. Именно “штюрмерство” Фердинанда не позволило ему дослушать до конца гофмаршала Кальба, который был готов рассказать ему подробности заговора и тем самым предупредить трагическую развязку [8, с. 683–684]. Так в третьей драме в упрощенной форме повторяются действия Карла и показывается их ошибочность: Моор поднял бунт из-за “мнимого проклятия” [8, с. 491] (курсив мой. — Д.Ч.). Не исчезает полностью проблема “сильного человека” и во второй половине 1780-х годов. Как отметил И.Л. Альми, Шиллер рассматривал образ маркиза Позы, “великого человека”, как проблемный [16, с. 89–90]. Подобно тому, как разные редакции “Разбойников” предлагают противоположные оценки Карла, Шиллер дает две почти взаимоисключающие характеристики Позе; в трагедии “Дон Карлос” он изображен “как идеальный герой”, а в «Письмах о “Доне Карлосе”» подвергается обвинению [16, с. 90]. При этом было отмечено, что Поза, как и Карл Моор, “присваивает себе божественную привилегию править миром” и на этом пути терпит крах [17, с. 6].

Такая двойственная трактовка “сильного человека” в последующих драмах Шиллера позволяет думать, что различия между редакциями “Разбойников” не объясняются исключительно вмешательством Дальберга, вкусами публики или иными внешними факторами. Представляется, что варианты трагедии с разных сторон показывают единого героя, “гения силы” или “сильного человека”, и демонстрируют сложное отношение Шиллера к этому образу. Герой сохраняет свою привлекательность не только для зрителя, но и для автора, и в то же время является предметом внимательного анализа, в результате которого драматург выявляет неразрешимую в рамках поэтики “Бури и натиска” проблему. Здесь выражается творческий поиск Шиллера, который не столько выражает “штюрмерскую идеологию”, сколько доводит ее до логического предела и подвергает критическому осмыслению.

³ Характерно, что Карл Буши, герой “Бури и натиска”, использует псевдоним “Wild” (“дикий”, “необузданный”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берковский Н.Я. Театр Шиллера (К двухсотлетию со дня рождения Шиллера – 10 ноября 1759 года) // Вопросы литературы. 1959. № 11. С. 155–185.
2. Лагутина И.Н. Движение “Буря и натиск” // История немецкой литературы: Новое и новейшее время. М.: РГГУ, 2014. С. 252–257.
3. Маркин А.В. Фридрих Шиллер // История немецкой литературы: Новое и новейшее время. М.: РГГУ, 2014. С. 263–272.
4. Сафрански Р. Шиллер, или Открытие немецкого идеализма / Пер. с нем. А. Гугнина. М.: Текст, 2007. 551+[6] с.
5. Guthrie J. Karl Moors satanische Rebellion // Schillers Theaterpraxis. Berlin, Boston u.a.: De Gruyter, 2020. S. 124–137.
6. Schiller F. Die Räuber. [Stuttgart], Frankfurt u Leipzig, 1781. [8]+222 S.
7. Schiller F. Sämtliche Werke. Bd. 1. München, 1962. [8]+858 S.
8. Шиллер Ф. Собр. соч. в 7 т. Т. 1. М.: ГИХЛ, 1955. 779 с.
9. Schiller F. Werke: National-Ausgabe. Bd. 4. Weimar: Böhlau, 1983. 520 S.
10. Черепанов Д.Д. Тайные движения души и жизнь государства: проблематика сильного человека в ранних драмах Ф. фон Шиллера // XVIII век: интимное и публичное. СПб.: Алетейя, 2021. С. 478–488.
11. Шиллер Ф. Собр. соч. в 7 т. Т. 6. М.: ГИХЛ, 1957. 791 с.
12. Schiller F. Werke: National-Ausgabe. Bd. 3. Weimar: Böhlau, 1953. XXXI+463 S.
13. Милтон Дж. Потерянный рай. Возвращенный рай. М.: Наука, 2006. 860 с.
14. Pichler A. Chronik des großherzoglichen Hof- und Nationaltheaters in Mannheim. Mannheim: Bensheimer, 1879. [4]+359 S.
15. Wiese B. v. Friedrich Schiller. Stuttgart: Metzler, 1978. XXI+866 S.
16. Альми Г.И. Идеологический комплекс “Преступления и наказания” и «Письма о “Доне Карлосе”» Ф. Шиллера // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 13. СПб.: Наука, 1996. С. 88–97.
17. Жеребин А.И. Маркиз Поза и “русские мальчики” (К 250-летию со дня рождения Фридриха Шиллера) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2009. Т. 68. № 6. С. 3–7.
2. Lagutina, I.N. *Dvizhenie “Burya i natisk”* [“The Sturm und Drang” Movement]. *Istoriya nemetskoi literatury: Novoe i noveishee vremya* [History of German Literature: Modern and Late Modern Periods]. Moscow, 2014, pp. 252–257. (In Russ.)
3. Markin, A.V. Friedrich Schiller. *Istoriya nemetskoi literatury: Novoe i noveishee vremya* [History of German Literature: Modern and Late Modern periods]. Moscow, 2014, pp. 263–272. (In Russ.)
4. Safranski, R. *Shiller, ili Otkrytie nemetskogo idealizma* [Schiller: oder die Erfindung des Deutschen Idealismus]. Moscow, 2007, 551+[6] pp. (In Russ.)
5. Guthrie, J. Karl Moors satanische Rebellion. *Schillers Theaterpraxis*. Berlin, Boston u.a.: De Gruyter, 2020. S. 124–137. (In German)
6. Schiller, F. *Die Räuber*. [Stuttgart], Frankfurt u Leipzig, 1781. [8]+222 S. (In German)
7. Schiller, F. *Sämtliche Werke*. Bd. 1. München, 1962. [8]+858 S. (In German)
8. Schiller, F. *Sobranie sochinenii v 7 t.* [Collected Works in 7 Vols.]. Vol. 1. Moscow, 1955. 779 p. (In Russ.)
9. Schiller, F. *Werke: National-Ausgabe*. Bd. 4. Weimar: Böhlau, 1983. 520 S. (In German)
10. Cherepanov, D.D. *Tainnye dvizheniya dushi i zhizn gosudarstva: problematika sil'nogo cheloveka v rannikh dramakh F. von Shillera* [The Intimate Movements of the Soul and the Life of States: The Problem of the Strong Man in F. von Schiller's Early Plays]. *XVIII vek: intimnoe i publichnoe* [The 18th Century: Intimate and Public]. St. Petersburg, 2021, pp. 478–488. (In Russ.)
11. Schiller, F. *Sobranie sochinenii v 7 t.* [Collected Works in 7 Vols.]. Vol. 6. Moscow, 1957. 791 p. (In Russ.)
12. Schiller, F. *Werke: National-Ausgabe*. Bd. 3. Weimar: Böhlau, 1953. XXXI+463 S. (In German)
13. Milton, J. *Poteryannyyi rai. Vozvrashchennyi rai* [Paradise Lost. Paradise Regained]. Moscow, 2006. 860 p. (In Russ.)
14. Pichler, A. *Chronik des großherzoglichen Hof- und Nationaltheaters in Mannheim*. Mannheim: Bensheimer, 1879. [4]+359 S. (In German)
15. Wiese, B. v. Friedrich Schiller. Stuttgart: Metzler, 1978. XXI+866 S. (In German)
16. Almi, G.I. *Ideologicheskii kompleks “Prestupleniya i nakazaniya” i «Pis'ma o “Done Karlose” F. Shillera»* [The Ideological Complex of Dostoevsky's *Crime and Punishment* and Schiller's “Briefe über Don Carlos”]. *Dostoevskii: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Research]. Vol. 13. St. Petersburg, 1996, pp. 88–97. (In Russ.)
17. Zherebin, A.I. *Markiz Poza i “russkie malchiki” (K 250-letiyu so dnya rozhdeniya Fridriha Shillera)* [Marquis Posa and “Russian Boys” (The 250th Anniversary of Friedrich von Schiller's Birth)]. *Izvestiâ*

REFERENCES

1. Berkovsky, N.Ya. *Teatr Shillera* [Schiller's Theatre]. *Voprosy literatury* [Topics in the Study of Literature]. 1959, Vol. 11, pp. 155–185. (In Russ.)
17. Zherebin, A.I. *Markiz Poza i “russkie malchiki” (K 250-letiyu so dnya rozhdeniya Fridriha Shillera)* [Marquis Posa and “Russian Boys” (The 250th Anniversary of Friedrich von Schiller's Birth)]. *Izvestiâ*

Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka in Literature and Language]. 2009, Vol. 68, No. 6,
[Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies pp. 3–7. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 15 июля 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 10 августа 2022 г.

Статья принята к публикации: 31 августа 2022 г.

Дата публикации: 31 октября 2022 г.

Received by Editor on July 15, 2022

Revised on August 10, 2022

Accepted on August 31, 2022

Date of publication: October 31, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800022742-2

**“Перед нами блестящая метафора России...”
(Символика и поэтика рассказов М. Горького “Проводник”
и “Мамаша Кемских”)**

© 2022 г. Н. Н. Примочкина

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Института мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
ORCID ID: 0000-0002-5536-7657
nprim47@yandex.ru

Резюме. В статье сделана попытка по-новому прочесть два малоизвестных широкому читателю произведения М. Горького – “Проводник” и “Мамаша Кемских”, напечатанных в 1925 г. под общим заголовком “Записки из дневника” в журнале “Молодая гвардия”. Показана символическая, притчевая природа этих миниатюр, написанных с помощью художественных приемов символизма и экспрессионизма. Выдвинуто предположение, что в символическом подтексте “Проводника”, написанного в год смерти В.И. Ленина, могли отразиться напряженные размышления писателя о характере вождя русской революции. В обоих произведениях Горький попытался решить мучительный для него в это время вопрос: почему революция в России, о которой он мечтал всю жизнь, приняла такие бесчеловечные, зверские формы? И приходил к выводу, что виновата в этом рабская, искалеченная веками жестокого угнетения психика русского человека.

Ключевые слова: М. Горький, “Записки из дневника”, “Проводник”, “Мамаша Кемских”, символический смысл, поэтика, экспрессионизм.

Для цитирования: Примочкина Н.Н. “Перед нами блестящая метафора России...” (Символика и поэтика рассказов М. Горького “Проводник” и “Мамаша Кемских”) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 5. С. 26–31. DOI: 10.31857/S160578800022742-2

**“Before Us is a Brilliant Metaphor of Russia...”
(Symbolism and Poetics of M. Gorky’s Essays “The Guide”
and “Mama Kemsykh”)**

© 2022 Natalia N. Primochkina

Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
ORCID ID: 0000-0002-5536-7657
nprim47@yandex.ru

Abstract. The article attempts to read, in a new way, two works of M. Gorky that are little known to a wide audience – “The Guide” and “Mama Kemsykh”, published in 1925 under the general title “Notes from a diary” in the Russian magazine “Molodaya Gvardiya” (“Young Guard”). The symbolic, parable nature of these miniatures, painted with the help of artistic techniques of symbolism and expressionism, is shown. It is suggested that the symbolic subtext of the “Guide”, written in the year of Lenin’s death, could reflect the

writer's intense reflections on the character of the leader of the Russian Revolution. In both works, Gorky tried to solve the question that was tormenting him at that time: why did the revolution in Russia, which he had dreamed of all his life, has taken such inhuman, brutal forms? And he suggested that the slavish psyche of a Russian person crippled by centuries of cruel oppression is to blame for this.

Key words: M. Gorky, "Notes from a diary", "The Guide", "Mama Kemsykh", symbolic meaning, poetics, expressionism.

For citation: Primochkina, N.N. "Pered nami blestyashchaya metafora Rossii..." (*Simvolika i poetika rasskazov M. Gorkogo "Provodnik" i "Mamasha Kemskih"*) ["Before Us is a Brilliant Metaphor of Russia..." (Symbolism and Poetics of M. Gorky's Essays "The Guide" and "Mama Kemsykh")]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literaturny i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 5, pp. 26–31. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800022742-2

В 1924 г. Горький намеревался создать очередной цикл небольших произведений под названием "Записки из дневника", который был бы своеобразным продолжением его только что вышедшей книги "Заметки из дневника. Воспоминания". Но, увлеченный работой над большим романом "Дело Артамоновых", а затем над эпопеей "Жизнь Клима Самгина", писатель не завершил этот цикл, от него сохранилось лишь несколько небольших очерков, которые Горький при жизни не публиковал. Два из них — о почтмейстере Павлове и Якове Васильевиче Еремине — представляют собой наброски будущих рассказов "Правдивое изложение случая с почтмейстером Павловым" и "О тараканах".

Вероятно, к этому же циклу первоначально принадлежали и два наиболее значительных по содержанию и законченных по форме среди этих произведений — "Проводник" и "Мамаша Кемских". Писатель счел возможным напечатать их в 1925 г. в журнале "Молодая гвардия" под общим заглавием "Записки из дневника". Эту публикацию Горький сопроводил послесловием, которое совпадает с первой частью вступления к неоконченному циклу.

Весьма существенным представляется нам и факт первой публикации этих произведений в иностранной прессе. Хотя Горький с весны 1924 г. проживал уже в Италии, у него сохранились тесные литературно-издательские и культурные связи с Германией, в которой он прожил первые два года после того, как осенью 1921 г. покинул Россию. Оба рассказа — и "Проводник", и "Мамаша Кемских" — были впервые опубликованы за рубежом в переводе на немецкий язык в журнале "Europäische Revue" (Leipzig).

Символический, философский план "Проводника", этого, на первый взгляд, простенького, всего в несколько страничек, повествования, задан автором-рассказчиком в самом его начале: "Все наиболее сложные вопросы цивилизации и культуры мы

с доктором окончательно решили еще вчера, установив, что пылкий разум человека развяжет все узлы и петли социальной путаницы, разрешит все загадки бытия и, освободив людей из хаоса несчастий, из тьмы недоумений, сделает их богоподобными" [1, т. 18, с. 7]. Этот панегирик человеческому разуму можно было бы принять за чистую монету, тем более, что в нем повторяются многие самые любимые идеи Горького-художника и публициста, если бы не его явно иронический тон и, главное, если бы не тот факт, что эти высказывания проверяются и успешно опровергаются всем дальнейшим развитием сюжета.

В основу рассказа легли автобиографические события, связанные с "хождением" молодого Горького "по Руси". Автор вспоминает в нем свой давний пеший поход с доктором Полтановым (в рассказе — Полкановым) в Муром. Сначала путешественники шли по дороге вдоль берега Оки, но затем решили сократить путь и идти через заповедный Муромский лес.

Противопоставление художественных образов "леса" и "дороги" в их символическом звучании, которое было характерно для Горького на протяжении всего творчества, сохранилось и в рассказе "Проводник". В художественном мире писателя выход из враждебного леса на широкую дорогу, на степной простор означал обретение человеком, после долгих поисков и блужданий, верного жизненного пути, ведущего к свету и счастью. Так, в романтическом рассказе "Старуха Изергиль" появляется любимый герой Горького Данко, который ведет за собой людей через мрачный губительный лес к счастливой жизни.

Устами своей героини, старухи Изергиль, писатель рисует сказочно страшную, грозную картину этого движения людей через ставший для них враждебной силой лес: "Трудный путь это был! Темно было, и на каждом шагу болото разевало свою жадную гнилую пасть, глотая людей, и деревья заступали дорогу могучей стеной.

Переплелись их ветки между собой; как змеи, протянулись всюду корни, и каждый шаг много стоил пота и крови тем людям. Долго шли они... Все гуще становился лес, все меньше было сил! <...> Шли маленькие люди между больших деревьев и в грозном шуме молний, шли они, и, качаясь, великаны-деревья скрипели и гудели сердитые песни, а молнии, летая над вершинами леса, освещали его на минутку синим, холодным огнем и исчезали так же быстро, как являлись, пугая людей. И деревья, освещенные холодным огнем молний, казались живыми, простирающимися вокруг людей, уходивших из плена тьмы, корявые, длинные руки, сплетая их в густую сеть, пытаясь остановить людей. А из тьмы ветвей смотрело на идущих что-то страшное, темное и холодное. Это был трудный путь, и люди, утомленные им, пали духом” [1, т. 1, с. 94].

Чтобы спасти людей, Данко вырвал из своей груди сердце и осветил им дорогу к свободе. “И вот вдруг лес расступился пред ним, расступился и остался сзади, плотный и немой, а Данко и все те люди сразу окунулись в море солнечного света и чистого воздуха, промытого дождем. Гроза была — там, сзади них, над лесом, а тут сияло солнце, вздыхала степь, блестела трава в брильянтах дождя и золотом сверкала река...” [1, т. 1, с. 96].

Интересно сопоставить картины леса в романтической легенде о Данко и в реалистической, но с символическим подтекстом миниатюре “Проводник”. В последней лес нарисован скупыми, но яркими и выразительными красками. Он похож на древний заброшенный храм, поражающий своей величественной красотой: “Сначала шли по дороге, между стволами мощных сосен, их корни, пересекая глубокий песок, размятый колесами телег, затейливыми изгибами лежали, как серые, мертвые змеи. Пройдя с полверсты, путеводитель наш остановился, поглядел в небо, постучал палкой по стволу дерева и молча круто свернул на тропу, почти незаметную под хвоей и среди каких-то маленьких елочек; захрустели под ногами еловые шишки, нарушая важную тишину; она очень напоминала внушительное безмолвие древнего храма, в котором давно уже не служат, но еще не иссяк теплый запах ладана и воска. В зеленоватом сумраке, кое-где пронзенном острыми лучами солнца, в золотых лентах стояли бронзовые колонны сосен, покрытые зеленой окисью лишайника, седыми клочьями моха; среди мохнатых лап сверкали синеватые узоры небесного бархата” [1, т. 18, с. 8–9].

Нельзя не заметить, что в этих разных по времени и мастерству описаниях есть нечто сходное.

Это и уподобление корней деревьев змеям, и изображение леса как живой субстанции, враждебной людям, как символа их тяжелого, запутанного существования. «Потом, — продолжает автор-рассказчик в “Проводнике”, — когда вошли глубже в лес, мне показалось, что весь он как-то внезапно и чудесно оживился. <...> Тропа, — если только она была, — удивляла меня своим капризным характером: иногда, там, где ей следовало бы лежать прямо, она огибала кольцом отдельные группы деревьев, там же, где пред нею деревья стояли плотной стеною и у корней их густо росли кусты черники, она с прямолинейностью, которая казалась мне излишней, лезла сквозь стволы сосен и, невидимая, врезалась в заросли» [1, т. 18, с. 9].

Чтобы не заблудиться, герои рассказа наняли в ближайшей деревне “знающего” проводника, мужика Петра. После долгих и мучительных блужданий по лесным тропам выяснилось, что проводник завел путешественников в непроходимую чащу. В конце концов, он вынужден был признаться, что на самом деле дороги из леса не знает. Беда же заключалась в том, что местные власти и деревенские жители почему-то уверовали в талант Петра и неизменно посылали его в лес проводником людей. «Довели до того, — жаловался “путеводитель” Петр своим спутникам в конце рассказа, — что я сам обманулся, поверил, будто действительно знаю я лес. Иду храбро, а войду и вижу: ничего я не знаю. А сказать людям, что не знаю, — совестно» [1, т. 18, с. 12].

Если в ранних произведениях революционно настроенного писателя, таких как “Старуха Изергиль”, герой Данко, жертвуя собой, выводил людей из леса к солнцу, к счастью, то теперь Горький, глубоко разочарованный реально совершившейся революцией, показывает, как человек, всеми признанный “знатком” леса и вызвавшийся провести по нему людей, на самом деле заводит их в глухие дебри.

Как нами отмечалось ранее в одной из статей [2], “Проводник” был написан в год смерти В.И. Ленина, поэтому нельзя исключить, что напряженные размышления Горького о вожде революции и его деле могли найти своеобразное отражение в символическом подтексте этого произведения. В пользу этих соображений говорит и тот факт, что автор несколько раз называет мужика Петра не просто “проводником”, но и более значимо — “путеводителем”. Возможно, тайный, символический смысл этого образа “разгадал” первый переводчик рассказа-притчи на немецкий язык, пророчески назвав его “Der Führer” (фюрер, вождь) — словом, которое будет вскоре вызывать у людей всего мира куда более страшные ассоциации.

Публикуя “Проводника” вместе с рассказом “Мамаша Кемских”, редакция “Молодой гвардии” сочла необходимым сопроводить их статьей А.В. Луначарского, сумевшего уловить в них тонкий “подвох” со стороны Горького. “При всей реалистичности письма, при всей жизненности образов, — говорилось в рецензии, — оба очерка производят впечатление апологов, так сказать, специально придуманных, хотя и очень сочно рассказанных притч. <...> Как всякая притча, рассказы символичны. Вряд ли об этом можно спорить, ведь первый очерк начинается с того, что два, по-видимому, молодых человека, идя по ровному песку берега Оки, с чрезвычайной ясностью обсуждают все человеческие вопросы и приходят к наиутешительнейшим выводам. Но вот они решаются вступить в лес. Случай дает им, как будто, испытаннейшего проводника. И что же оказывается? Проводник совершенно беспомощен в лесу, и весь тот опыт, который он приобрел, нелеп и случаен”. Далее Луначарский объяснял “смысл сей басни”: “... жизнь есть дремучий лес, и даже те люди, которые думают, что знают его, на самом деле близоруки, бестолковы и могут завести вас в чашу”. В заключение он заявлял, что “аполог этот в наше время, пожалуй, гораздо менее уместен, чем в 18 веке” [3, с. 203].

Как видим, нарком просвещения весьма проницательно указал в своей рецензии на притчевую природу и символический смысл новых произведений писателя. Не отрицал этого и сам автор. Ссылаясь на мнение своего спутника доктора, вместе с ним плутовавшего по лесу, Горький в письме от 5 февраля 1928 г. С.Н. Сергееву-Ценскому, высоко оценившему “Проводника”, подчеркнул именно символизм жизненной ситуации, отраженный в сюжете рассказа: «Рад, что Вам понравился “Проводник”. Д-р Полканов, хватаясь за голову и вытаращив детски умные глаза свои <...> кричал тогда: “Д-да ведь это же си-мволич-ческая кикимора, п-послушай!”» [4, т. 17, с. 186–187].

Так же, как “Проводник”, напечатанный вместе с ним небольшой, всего на несколько страниц, рассказ “Мамаша Кемских” написан от лица повествователя, близкого автобиографическому герою Горького, молодому Алексею Пешкову. Это обозначено уже первой фразой рассказа: “Вошел я в город вечером...” [1, т. 18, с. 13]. Далее следует столь же краткое, “экономное” описание места действия: “Из ограды маленькой, убогой церковки, затисканной в глухой тупик, застроенный каменными домами, бородатый босой мещанин выгнал палкой свинью и семь штук пестрых поросят” [1, т. 18, с. 13]. Всего в одном предложении Горький создает емкий социально-философский образ

одного из тысяч затерянных на просторах России городков, которые ранее многократно появлялись на страницах его произведений под названиями Окурова, Дремова, Воргорода. Символически-обобщенный образ такого уездного города — мучительного и бессмысленного обиталища его жителей — был создан писателем в художественном очерке “Городок”, открывающем книгу “Заметки из дневника. Воспоминания” (1924).

В “Мамаше Кемских” юный герой-рассказчик, сидя в трактире этого безымянного города, задается мучающим его этическим вопросом: что в окружающей жизни надо “проклинать, что благословлять?” [1, т. 18, с. 13]. Описывая свое тяжелое душевное состояние, он признается: “Мне трудно и глупо, как вот этой мухе, которая бьется головою о стекло окна, — как будто ничего нет, а — непроницаемо” [1, т. 18, с. 13]. Напомним, что в заключительных строках того же “Городка” эпитет “непроницаемый” был неоднократно использован Горьким для изображения тоскливого, давящего душу пейзажа в окрестностях уездного города. А лаконичным образом бьющейся о стекло мухи — символом запутанного, безысходно-мучительного существования человека — автор подводил читателя к появлению главной героини рассказа — мамаша Кемских, которую молодой Пешков увидел в окне.

С первой фразы ее “необыкновенный” образ противопоставлен “обыкновенному” городу: “По безлюдной, скучной, чисто выметенной улице идет необыкновенная старуха...”. Далее идет живописное описание фантастического внешнего облика мамаша, которое выполнено в мрачной эстетике экспрессионизма, в авангардном стиле, с широким использованием анималистических портретных деталей: “...В ее походке есть что-то птичье, летящее, ныряющее, неожиданные, неправданные фигурные изгибы, изломы, пугливые прыжки назад и в сторону при встрече с людьми; люди тоже отскакивают от нее, провожают старуху косыми взглядами, хмурятся. Поистине — походка ее напоминает капризный и резвый полет ласточки; сходство с птицей еще более усиливают пестрые лохмотья, развеваясь на ее маленькой, легкой фигурке, она вся в каких-то лоскутках, на серых волосах птичьей головы бумажные ленты. Голова тревожно вертится на тонкой шее, остренький нос что-то вынюхивает, короткая нижняя челюсть непрерывно шевелится, жует воздух, на темной коже подбородка торчат седые волосы. Из-под подола юбки, обильно и, должно быть, нарочно украшенной разноцветными заплатами, мелькают грязные голые ноги, звериные лапы, такие же лапы судорожно хватаются

за столбы фонарей, тумбы, заборы и стены домов. Человеческого — мало в этом странном существе, оно напоминает химеру, уродливую выдумку и кажется слепым, глаза спрятаны в темных ямах и под густыми ключьями сердито соединенных бровей” [1, т. 18, с. 14].

Трактирный буфетчик охотно поведал рассказчику историю этой “необыкновенной старухи”. Молодая образованная девушка-институтка влюбилась в промотавшего состояние потомка древнего княжеского рода Кемских, вышла за него замуж и родила ему пятерых сыновей. «При жизни Кемского она кормила его и детей, зарабатывая уроками музыки и рисования, продавая мебель и вещи, а когда Кемской умер, тринадцать комнат двухэтажного дома были совершенно опустошены, и “мамаша” с детьми забились в две. <...>

Она так оборвалась, обносила, одичала, что “порядочные люди” уже не пускали ее к себе, и она не могла больше учить детей их музыке, рисованию. Стремясь насытить своих детей, она воровала овощи по огородам, ловила на чердаке голубей, воровала кур, летом собирала шавель, съедобные корни, грибы и ягоды; в зимние ночи, в метели ходила в лес воровать дрова, выламывала доски из заборов, чтоб согреть хотя одну печь полуразрушенного дома. Весь город изумляла неиссякаемая энергия “мамаши”; ее даже будто бы не преследовали за воровство.

— Разве иногда побьют маленько, но чтобы в полицию отправить — никогда! Жалели ее.

Горожан удивляло, что она не просит милостыню, ее даже уважали за это, но никто никогда не помогал ей жить.

— А — почему? — спросил я.

— Как вам сказать? Потому, надо думать, что уж очень злая и горда, хотелось поглядеть, куда этой гордости хватит. Теперь, уж четвертый год, стали ей милостыню подавать; теперь она совсем с ума сошла» [1, т. 18, с. 16–17].

Эта страшная, леденящая душу история постепенного превращения молодой девушки под влиянием жизненных невзгод в “жилистую, лохматую, голодную волчиху” [1, т. 18, с. 16, 18] вызывает чувство шемящей жалости к человеку, доведенному до животного состояния, чувство стыда за его оскорбленное человеческое достоинство.

В первые послереволюционные годы Горький постоянно размышлял над мучительным для него вопросом: почему революция в России, о которой он мечтал всю жизнь, приняла такие бесчеловечные, зверские формы? И приходил чаще всего к выводу, что виновата в этом рабская, искалеченная

веками жестокого угнетения психика русского человека, его равнодушие к чужому горю, неуважение к личности другого человека. И в этом рассказе, показывая страшное, нечеловеческое существование образованной девушки-институтки, пытавшейся любыми способами прокормить своих пятерых детей и мужа-калеку, Горький противопоставил ее образ эгоистичным и равнодушным жителям города, среди которых не нашлось ни одного человека, готового прийти ей на помощь.

Мамаша Кемских спасает свою семью не только в силу материнского инстинкта, но из самых высоких, благородных побуждений, желая поддержать честь и достоинство древней фамилии князей Кемских: “Фамилию, говорит, поддержать надо, невозможно, говорит, чтоб такая фамилия вымерла, — Кемские, дескать, Россию спасали много раз”. Однако подобные резоны были совершенно чужды и непонятны местным обывателям. Тот же буфетчик трактира так прокомментировал слова мамыши: “Конечно, это — глупая фантазия: от чего Россию спасать? Россию никто похитить не может, Россия — не лошадь, ее цыгане не своруют” [1, т. 18, с. 16].

В образе этого буфетчика Горький как будто сконцентрировал обывательскую, мещанскую сущность всех жителей города. Очень емкий, обрисованный всего несколькими фразами образ буфетчика контрастно противопоставлен главной героине. В отличие от страшной, потерявшей человеческий облик мамыши, “буфетчик — старый человек, сытый, с гладким лицом актера или повара, у него вставные зубы, он любезно улыбается золотой улыбкой” [1, т. 18, с. 14]. Эти искусственные золотые зубы, которые для буфетчика были знаком его благополучия, в образной системе рассказа становятся символом ложной, аморальной обывательской философии. “Жаловаться — грех...” [1, т. 18, с. 17], — вот жизненный девиз буфетчика. Даже смерть любимой жены не смогла его вывести из душевного равновесия. Скоро буфетчик утешился тем, что у него, якобы, после смерти жены перестали болеть зубы. Однако Горький одной короткой иронической фразой разбивает обывательскую философию буфетчика: “Он, очевидно, забыл, что зубы у него искусственные” [1, т. 18, с. 17].

Ночью молодой Пешков пришел к дому мамыши Кемских. Картина ночного пейзажа с “рыбьим глазом луны”, осветившей полуразрушенную усадьбу, нарисована в мрачной тональности, характерной для эстетики экспрессионизма: “Предо мною двухэтажный дом с тремя облупленными колоннами по фасаду; зияют окна верхнего этажа; рамы из них выломаны, колоды — тоже, вывалилась и часть кирпичей; окна — зубчатые, рваные дыры, и кажется,

что из них на улицу холодным дымом лезет густейшая тьма. Вокруг дома ничего нет – ни забора, ни служб; от широких ворот остались только кирпичные обломанные столбы. Дом как будто выброшен из города на пустырь» [3, т. 18, с. 18].

Здесь рассказчик снова увидел мамашу Кемских. Во время этой ночной встречи в фигуре и повадках главной героини еще сильнее проступило что-то нечеловеческое, фантастичное, звероное: «Из-за угла дома выползает призрачная фигура неопределенных форм, кажется, что она идет на четвереньках. Присмотревшись – узнаю: это “мамаша Кемских”; она, согнувшись, подбирает что-то с земли, кладет в подол; слышно, как она ворчит. Вот она подползла ко мне, почти наткнулась на мои ноги, стремительно выпрямилась и, бросая в меня щепками, прутьями, кричит:

– А-а, проклятый...

Это неестественный, нечеловеческий крик; человек не может, не должен так кричать» [1, т. 18, с. 18–19].

Кончается этот маленький шедевр трагическим вопросом, который переключается с тем, что был задан в самом начале. Но теперь его задает, вероятно, не юный Пешков, а зрелый, много переживший писатель Горький: «А зачем это нужно – “мамаша Кемских” и подобные ей? Кому нужны бессмысленные страдания человека?» [1, т. 18, с. 19]. Этот риторический вопрос, кроме всего прочего, почти дословно повторяет тот, который Горький поставил перед читателями в открывающем книгу “Заметки из дневника. Воспоминания” очерке “Городок”: “Зачем нужен город этот и люди, населяющие его?”, как бы подчеркивая этим почти навязчивую повторяемость своих размышлений о национальных особенностях русского народа и неразрешимость многих связанных с этим, мучительных для него проблем.

Автор книги о Горьком Д.Л. Быков назвал “Мамашу Кемских” “лучшим” рассказом во всем творчестве писателя. «...Мучительная, надрывная жалость, – пишет он, – переполняет лучший рассказ Горького – трехстраничную “Мамашу Кемских” <...> За один этот рассказ, написанный с необыкновенной музыкальной силой и композиционной

точностью, – куда “Старухе Изергиль”! – Горький заслуживал бы памятника» [5, с. 215]. Приведа обширную цитату из “Мамаша Кемских”, Быков в заключение так же, как в свое время Луначарский, только безоговорочно со знаком плюс, сделал вывод о символическом, притчевом характере этого произведения: “Перед нами блестящая метафора России, нищей, сошедшей с ума, но все не желающей проститься с былой славой” [5, с. 215].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: В 25 т. М.: Наука, 1968–1976.
2. Примочкина Н.Н. “Человек с большой буквы”? (Образ В.И. Ленина и его “метаморфозы” в творчестве М. Горького) // *Studia litterarum*. 2019. Т. 4. № 3. С. 268–289.
3. Луначарский А. К “Заметкам из дневника” М. Горького // *Молодая гвардия*. 1925. № 10–11. С. 203–206.
4. Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М.: Наука. 1997–2019.
5. Быков Д.Л. Горький. М.: Молодая гвардия, 2016. 292 с.

REFERENCES

1. Gorky, M. *Poln. sobr. soch. Hudozhestvennyye proizvedeniya: V 25 t.* [Complete Collection of Works of Art: in 25 Vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1968–1976. (In Russ.)
2. Primochkina, N.N. “*Chelovek s bolshoj bukvy*”? (*Obraz V.I. Lenina i ego “metamorfozy” v tvorchestve M. Gorkogo*) [“A Man with a Capital Letter”? (The Image of V.I. Lenin and his “Metamorphoses” in the Works of M. Gorky)]. *Studia litterarum*, 2019, Vol. 4, No. 3, pp. 268–289. (In Russ.)
3. Lunacharsky, A. K “*Zametkam iz dnevnika*” M. Gorko [To the “Notes from the Diary” of M. Gorky]. *Molodaja gvardija* [Young Guard]. 1925, No. 10–11, pp. 203–206. (In Russ.)
4. Gorky, M. *Poln. sobr. soch. Pisma: V 24 t.* [Complete Collection of Works. Letters: in 24 Vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1997–2019. (In Russ.)
5. Bykov, D.L. *Gorkij* [Gorky]. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 2016. 292 p. (In Russ.)

*Дата поступления материала в редакцию: 21 ноября 2021 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 1 августа 2022 г.
Статья принята к публикации: 31 августа 2022 г.
Дата публикации: 31 октября 2022 г.*

*Received by Editor on November 21, 2021
Revised on August 1, 2022
Accepted on August 31, 2022
Date of publication: October 31, 2022*

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800022744-4

Отражение эпохи “экономического бума” в произведениях Итало Кальвино

© 2022 г. Л. Е. Сабурова

Кандидат филологических наук,
доцент Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ),
Россия, 125993, Москва, Миусская площадь, д. 6,
старший научный сотрудник Института мировой литературы А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25
mila.saburova@gmail.com

Резюме. Данная статья посвящена проблеме репрезентации периода расцвета итальянской экономики 1950–1960-х годов в литературных текстах. Период “экономического бума” не только вызывал живую полемику в итальянском обществе, но и нашел отражение во многих литературных произведениях. Литературная Италия, постепенно отказываясь от поэтики неореализма, обращалась к новым литературным формам, позволявшим отобразить перемены в общественном сознании. Так, Итало Кальвино от неореалистического периода в своем творчестве переходит в 1950-е годы к новой, так называемой философско-фантастической фазе. Произведения Кальвино, всегда содержавшие рефлексию по поводу процессов, происходивших в современной ему Италии, с 1950-х годов в значительной степени будут посвящены осмыслению эпохи “экономического чуда” и порожденного им общества потребления. Такие темы, как загрязнение окружающей среды, создание искусственной реальности взамен природной и естественной, нашли отражение в книге “Марковальдо, или Времена года в городе”, повести “Облако смога”, романе “Невидимые города”. Образ человека эры потребления писатель воплотил в последней части трилогии “Наши предки” – “Несуществующий рыцарь”.

Ключевые слова: итальянская литература XX века, Итало Кальвино, “экономический бум”, “экономическое чудо”, общество потребления.

Для цитирования: Сабурова Л.Е. Отражение эпохи “экономического бума” в произведениях Итало Кальвино // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 5. С. 32–39. DOI: 10.31857/S160578800022744-4

Reflection of the Era of “Economic Boom” in the Works of Italo Calvino

© 2022 Liudmila E. Saburova

Cand. Sci. (Philol.),
Associate professor at Russian State University for the Humanities,
6 Miuskaya Sq., Moscow, 125993, Russia,
Senior research fellow in M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
mila.saburova@gmail.com

Abstract. This article is devoted to the problem of representation of the Italian economic boom of the 1950s–1960s in literary texts. The period of the “economic boom” not only gave rise to a lively controversy in Italian society but also was reflected in many literary works. Literary Italy was gradually abandoning the poetics of neorealism and turning to new literary forms that made it possible to reflect changes in the public consciousness. Thus, in the 1950s, Italo Calvino moves from the neorealist period in his work to a new,

so-called philosophical-fantastic phase. The works of Calvino, which had always contained reflection of the processes taking place in his contemporary society, since the 1950s, were largely devoted to understanding the era of the “economic miracle” and the consumer society generated by it. Topics such as environmental pollution, the creation of artificial reality, instead of a natural one, are reflected in the book “Marcovaldo, or the Seasons in the City”, the story “Smog”, the novel “Invisible Cities”. The writer embodied the image of a man in the era of consumption in the last part of the trilogy “Our Ancestors” – “The Nonexistent Knight”.

Key words: Italian literature of the twentieth century, Italo Calvino, “economic boom”, “economic miracle”, consumer society.

For citation: Saburova, L.E. *Otazhenie epokhi “ekonomicheskogo buma” v proizvedeniakh Italo Kalvino* [Reflection of the Era of “Economic Boom” in the Works of Italo Calvino]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 5, pp. 32–39. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800022744-4

Период “экономического чуда” или так называемого бума выпал в Италии на 1950–1960-е годы. Небывалый рост экономики: увеличение количества товаров, производств и вместе с ними рабочих мест резко контрастировало с послевоенным обнищанием и неустроенностью. Благодаря чрезвычайно быстрому повышению потребительской способности стремительно развивалась и рекламная отрасль, теперь направленная на агитацию обывателя с весьма средним доходом. Рекламодатели стали формировать вкусы рядового итальянца, искусственно расширяя его потребности [1]. Столь существенные изменения в обществе оказали влияние и на развитие литературы. Неореализм с его обличительным пафосом, во многом сделавшийся летописью тягот военного времени [2], стал постепенно сдавать позиции. Сменившая его литературная волна в разных формах старалась осмыслить новый этап социально-экономического развития. П.П. Пазолини – самый яркий критик перемен, охвативших страну, в многочисленных статьях и эссе описывал общество потребления как серую массу, напрочь утратившую представление о добре и зле [3]. И. Кальвино, нередко полемизировавший с Пазолини [4] и значительно мягче высказывавшийся о процессах, происходящих в стране, предпочитал облекать свои размышления на злободневные темы в художественную форму. Немалая доля произведений писателя посвящена проблеме резко меняющейся действительности Италии середины XX века.

* * *

По праву считается [5], что облик “новой Италии” четче всего проступает в книге “Марковальдо, или времена года в городе” (Marcovaldo ovvero Le stagioni in città), состоящей из юмористических зарисовок. В публиковавшихся с 1952 г. историях о Марковальдо, которые в 1963 г. были собраны в отдельном издании, проявился интерес писателя к повествованию, приближенному

к традициям сказки. Неслучайно книга была выпущена издательством “Эйнауди” в последние дни ноября. Предполагалось, что она займет достойное место среди рождественских подарков для детей, которых, кроме того, должны были покорить двадцать три иллюстрации Серджо Тофано. Несмотря на то, что рассказы сразу стали пользоваться популярностью в школьной среде благодаря их яркой образности и стилистической насыщенности, спустя шесть лет книга все же вышла в серии, рассчитанной на взрослого читателя. Сложные лирические описания с использованием высокой лексики, содержащиеся в книге, выходили за рамки детской литературы.

Книга стала прямым отражением меняющейся итальянской действительности 1950-х годов, хотя и не содержала дат или точных указаний на время. Здесь читатель может проследить, как социально неблагополучная послевоенная Италия постепенно ввергается в эйфорию эпохи “экономического бума”, который становится смысловым фоном произведения. Станный почти неузнаваемый мир, в котором нивелируются различия между людьми и товарами, обществом и его потреблением, на поверку становится главным героем рассказов.

Общая направленность книги, во многом написанной на злобу дня, для сегодняшнего читателя превращает истории о Марковальдо в повествование о тех временах, когда слова “бикини” и “телекамера” еще ставились в кавычки, рекламные плакаты изготовлялись из дерева, а большие города пересекали стада коров. Заполнившая Италию тех лет реклама становится главной приметой эпохи. В холодную послевоенную зиму дети Марковальдо принимают рекламные щиты за странные деревья (“Лес на автостраде”), из окон мансарды они не могут отличить рекламный щит от звездного неба (“Луна и Ньяк”), а производители моющих средств в рекламных

целях наводняют весь город переливающимися мыльными пузырями, которые затем смешиваются с дымом фабричных труб (“Дым, ветер и мыльные пузыри”).

Рассказы о Марковальдо становятся первой книгой Кальвино, в которой оглавление отражает четкую геометрию замысла писателя. Далее работа со структурой произведения делается одной из отличительных черт его писательской манеры. Книга состоит из двадцати новелл, каждая из которых повествует об определенном времени года. Циклы новелл о четырех временах года повторяются в книге пять раз. Некоторые новеллы приобретают анекдотичный характер, оканчиваясь на неожиданной и, как правило, трагикомической ноте (“Грибы в черте города”, “Лечение осами”), другие принимают вид юмористических очерков, написанных в реалистическом ключе (“Хороший воздух”, “Путешествие с коровами”), есть и лирические рассказы, в которых преобладает описание пейзажа и душевных состояний героев (“Не та остановка”). В книге писатель прибегает к двум характерным для его манеры приемам: остранению, благодаря которому привычная жизнь города рассматривается под необычным углом зрения, и описанию реальности в мельчайших, часто незаметных глазу деталях.

Марковальдо становится главным героем всех новелл, подчиненных общей схеме: герой наблюдает за наступлением очередного времени года, стараясь разглядеть в нем приметы возвращения к первоначальной природной чистоте, но неизменно остается разочарован. Хотя читателю не сообщается о месте рождения Марковальдо и его прошлой жизни, можно предположить, что волею судеб он оказывается в чуждом ему индустриальном мире. Марковальдо простой рабочий в некоей анонимной фирме. Загружая и разгружая товары, он растворяется в собственных фантазиях, но никогда не предается воспоминаниям. Мировосприятие Марковальдо проникнуто ностальгией не по конкретной местности, но по безвозвратно ушедшему идиллическому прошлому. В предисловии Кальвино замечает [6], что ностальгия главного героя скорее приближена к общечеловеческой тоске по потерянному раю, а его идеализированные представления о природе свойственны как раз городским жителям. В результате автор рисует здесь обобщенный образ человека, ощущающего себя чужаком в условиях быстро меняющейся действительности. Нередко простота сюжетов новелл намеренно контрастирует с образцами лирической прозы, к которой автор прибегает в описаниях картин природы,

противопоставляя ироническое повествование о городе мечте об идиллической жизни. Так, в предисловии к изданию 1966 г. Кальвино называет новеллы сборника “идиллиями”, а в публикации 1971 г. останавливается на определении “воспитание пессимизмом”.

Разочарования, преследующие главного героя, однако, не превращают его в пессимиста. Порой в самых неожиданных и непригодных для того местах Марковальдо, не сдаваясь, находит покой и умиротворение. Как и во многих других произведениях писателя, критика окружающей действительности гармонично сочетается в книге с общим оптимистическим посылом. Комический эффект в книге, повествующей о серых буднях индустриального города, призваны усилить позаимствованные из рыцарских поэм звучные имена дворников, ночных сторожей и самого главного героя (Амадиджи, Торнаквинчи, Марковальдо). Город, часто походящий на Милан или Турин, намеренно остается безымянным, воскрешая в сознании читателя обобщенный образ мегаполиса, в котором, несмотря на значительную удаленность от каких-либо морей, временами ощущается дуновение сказочного морского бриза. Неслучайно книга об обобщенных героях и городах оканчивается расширением границ пространства повествования до абстрактного измерения белого листа, сообщая всем событиям характер метафоры.

В рассказах о Марковальдо, как и во многих других своих произведениях, писатель не дает психологических портретов героев. Вместе с тем, в книге, следуя традиции сказок, встречается антропоморфный образ животного, наделенного психологией человека. Зараженный лабораторный кролик, которому были вживлены болезнетворные бактерии, вызывает в людях страх и ненависть. От беспросветного одиночества и тоски он решает броситься с крыши (“Ядовитый кролик”).

Рассказы, где сюжетная коллизия ясна из названия, писатель нередко снабжает лирическими отступлениями, причудливыми деталями, переводя внимание читателя на второстепенные события и избегая, таким образом, однозначного прочтения истории. Во второй части книги, создававшейся в период с 1955 г. по 1963 г., сюжеты становятся более фантастичными, а стиль упрощается, часто за счет сокращения описаний. Там же, где сказка проникает в бытовую жизнь обычных людей, стилистическая отделка приобретает первостепенное значение.

В книге находит отражение как приверженность Кальвино приключенческой литературе и сказкам, к примеру, общий фон нищеты и лишений, переносимых с достоинством и оптимизмом, а также мотив поиска дров, отсылающие к "Приключениям Пиноккио", так и следование классической итальянской традиции и прежде всего Леопарди. К "Песням" поэта, которые М. Фубини называет апологами-идиллиями [7, р. 301], отсылают лексика и стилистическая отделка нескольких первых новелл книги. Ритмический рисунок многих фрагментов книги близок к стихотворному, к примеру, название одной из новелл построено на очевидной аллитерации "Un sabato di sole, sabbia e sonno" (Солнечная суббота, песок и сон).

Между тем, в историях о Марковальдо прочитывается и автобиографическая основа. Растерянность сельского жителя, оказавшегося в большом городе, была близка Кальвино, переехавшему из провинции Лигурии в индустриальный Турин. Кроме того, и построение популярной книги родителей Кальвино "Двести пятьдесят решенных проблем садоводства" [8], содержащей рекомендации по уходу за растениями, строго распределённые по временам года и месяцам, перекликается с метеорологической подоплекой историй о Марковальдо.

Во многом близка рассказам о Марковальдо и проблематика знаменитой повести Кальвино "Облако смога" (La nuvola di smog, 1958). Образ героя повести и здесь не лишен автобиографических черт. Редактор средних лет нанимает убогую комнату в центре большого индустриального города, задыхающегося от дыма заводских труб. Облако смога, нависшее над городом, становится метафорой "уродства" и бесчеловечности нового мира, перед которым не может устоять "старая красота". Более того, здесь образ гнетущего индустриального города становится продолжением внутреннего состояния нового человека, моделью его глубинной сущности. "Только погрузившись в самое сердце облака, только вдыхая по утрам мглистый воздух наших городов <...>, только в этом случае можно до конца постичь правду и, может быть, обрести освобождение" (пер. А. Короткова) [9, с. 397]. Но, как часто бывает в произведениях писателя, облаку нечистот противопоставлен бинарный образ белых простыней, развешенных в почти что сказочной деревне прачек, весело и спорно смывающих весь поступающий из города налет грязи.

Городу как искусственному конструкту, рожденному, с одной стороны, человеческим

желанием, а с другой – страхом, посвящен роман Кальвино "Невидимые города" (Le città invisibili, 1972). В "Американских лекциях" Кальвино называет "Невидимые города" книгой, в которой высказался наиболее полно [10, р. 731]. Здесь образ города становится одновременно и воспоминанием о прошлом, и проекцией в будущее. Внутри рамочного повествования, представляющего собой философскую беседу между могущественным владыкой империи Кублай-ханом и его проводником по ее тайным закоулкам Марко Поло, содержатся вставные зарисовки с описанием городов, носящих причудливые названия, напоминающие женские имена. Каждая зарисовка нового города, по признанию самого Кальвино [11, р. 1360], раскрывает невидимую глазу сущность места и его жителей.

В период быстро развивающегося производства, обусловленного "экономическим бумом", город все чаще символизирует в литературных произведениях разрыв связей с природой, загрязнение. В "Невидимых городах" немало размышлений посвящено теме замусоривания, захламления жизненного пространства. К примеру, одним из апокалиптических образов современного города становится Леония. Жители города гордятся тем, что каждый день меняют все предметы обихода на новые: "Мерою богатства Леонии является не столько то, что каждый день там создается, продается и покупается, сколько то, что ежедневно ее жители выбрасывают, освобождая место новому" (пер. Н. Ставровской) [12, с. 213]. Неудивительно, что самая почетная профессия в городе – мусорщик. "Леония окружена твердой из своих несокрушимых остатков, возвышающихся вокруг нее как плоскогорья" [12, с. 213]. Стремление к совершенству, понимаемому как постоянное обновление, обрекает город на неминуемое исчезновение. В скором будущем "катаклизм сравняет отвратительные горные цепи, уничтожит все следы большого города, без устали менявшего наряды" [12, с. 214].

Между тем, мусор, ненужные, выброшенные вещи могут оказаться и на другой чаше весов, все зависит от их функции в человеческом сознании. По преданию, над Вирсавией раскинулся прекрасный небесный град, состоящий из одних только драгоценностей, а под городом, напротив, таится подземный город нечистот. Так жители Вирсавии воображают себе рай и ад, но представления их ошибочны. Парадокс заключается в том, что ад под землей построен лучшими архитекторами из ценных металлов и украшен "оборками, кисточками и бахромой", в то время

как парящий над городом рай состоит из “сокро-вищ выброшенных городом вещей”, представляя собой целую “планету со шлейфом из картофельных очисток” [12, с. 212]. Горожане, одержимые накоплением каратов и драгоценностей, не осознают, что “город обретает благородство только в те моменты, когда что-то отбрасывает, роняет, рассыпает” [12, с. 212]. Здесь в основу ада ложится именно идея накопительства, вне зависимости от его эстетических целей.

Образ города как воплощения человеческих надежд, фантазий и представлений о мире точнее всего в произведениях Кальвино отражает эпоху “экономического бума” и переход к новой реальности общества потребления. Вместе с тем, представителя общества потребления, иными словами, того самого потребителя, Кальвино делает героем романа “Несуществующий рыцарь” (*Il cavaliere inesistente*, 1959), события которого разворачиваются в Средневековье. Роман станет последней по времени написания частью трилогии “Наши предки” (*I nostri antenati*).

По словам Кальвино, трилогия “Наши предки”, прежде всего, была вдохновлена духом Ариосто [13]. С одной стороны, “легкостью, элегантно-стиля” поэмы об Орlando, а с другой — особым видением мира сквозь призму иронической деформации. Вместе с тем, по характеру повествования “Наши предки” приближаются к таким образцам аллегорических сказок, как “Алиса в стране чудес”, “Питер Пэн” или же рассказам о приключениях барона Мюнхгаузена, объединяющим мотивом которых становится стремление преобразить реальность благодаря игре воображения. Важным источником для создания трилогии послужил жанр философско-фантастической повести XVIII века, с которой произведение Кальвино роднит явно проступающий за фантастическими аллегориями идейный пласт и аллюзии на современную писателю действительность. Между тем, если писатели эпохи Просвещения стремились при помощи повестей, во многом выполнявших дидактическую функцию, достичь определенных целей, то, по замыслу Кальвино, его трилогия скорее дает пищу к размышлению и допускает разные интерпретации, рожденные причудливым образным рядом.

В первом романе трилогии “Раздвоенный ви-конт” (*Il visconte dimezzato*, 1952) писателя занимает образ раздвоившегося сознания, во втором — “Барон на дереве” (*Il barone rampante*, 1957) — проблема целостности личности, обретенной благодаря стремлению к самосовершенствованию, третий роман “Несуществующий

рыцарь”, напротив, посвящен размышлениям об отсутствии в современном человеке признаков индивидуальности. Сегодня, согласно концепции Кальвино, человек настолько сливается с толпой, что как будто и вовсе перестает существовать. “Ясно, что сегодня мы живем не в мире чудиков, а среди людей, лишенных самой элементарной индивидуальности, настолько их человеческое начало сводится к абстрактной сумме заранее установленных правил поведения. Сегодня вопрос заключается не просто в частичной утрате самих себя, а в утрате полной, в абсолютном несуществовании” [13, с. 453].

В отличие от полусказочной размытости первого романа и исторической конкретности второго, “Несуществующий рыцарь” выстраивается по модели рыцарского романа. Повествование разветвляется на несколько сюжетных линий, посвященных историям разных героев, судьба которых переплетена самым неожиданным образом. В “Несуществующем рыцаре” на первый план выходят философская и лирическая составляющие. Здесь Кальвино обращается к теме взаимосвязи человека и природы. Согласно мысли писателя, некогда неотделимый от мира природы человек постепенно потерял связь не только с природой, но и с собственной историей. По признанию Кальвино, “Несуществующий рыцарь” стал рефлексией о потере индивидуальности в эпоху “экономического чуда”. «Мы пришли к человеку искусственному: составляя одно целое на сей раз с продуктами производства и ситуациями, он не существует, поскольку ни с чем не соприкасается и не вступает в отношения (и в борьбу, а через борьбу в гармонию) с тем (природой или историей), что его окружает; он лишь абстрактно “функционирует» [13, с. 453]. По мысли Кальвино, искусственная жизнь, на которую обрекает себя современный человек, превращает его в безучастного потребителя, лишённого критического мышления. Именно такой “очень распространенный человеческий тип, существовавший во все времена” [13, с. 453], воплотил в себе безупречный рыцарь Агилульф.

Главного героя повествования Агилульфа на самом деле не существует. Он лишь “пустая броня в погоне за славой” [14, с. 396], функция, движимая долгом. Между тем, осознание собственной принадлежности к привилегированной свите палладинов Карла Великого столь сильно, что вдохновляет Агилульфа на подвиги невероятной доблести. Несуществующий рыцарь становится лучшим воином при дворе короля. По признанию автора, здесь двигателем сюжета стал

визуальный образ уверенно шагающих по земле доспехов, оказывающихся полыми внутри.

Размышляя о серых человеческих массах времен "экономического бума", Кальвино вообразил себе их войском, подчиненным чужой воле или же скорее незыблемым армейским правилам, окрашивающим мир в черно-белые тона. Тем не менее, образ несуществующего героя получился сложнее, чем, согласно предисловию, задумывал автор. Агилульф отнюдь не ограничивается функцией выполнения воинского долга. Рыцаря, не обладающего ни душой, ни телом, переполняют противоречивые чувства, связанные с рефлексией по поводу его положения среди окружающих. Одно из них — зависть к обладателям пресловутого тела. "Тела у тех, кто имел их, — вот что вызывало у него неприятное чувство, похожее на зависть, и вместе с тем заставляло сердце сжиматься от гордости и пренебрежительного преходства" [14, с. 339].

Зависть вовсе не единственная эмоция, доступная несуществующему рыцарю. Осознание собственной призрачности, незначительности временами выливается в гнев, крушащий все на своем пути. "Беспредметная ярость, копившаяся в нем, вдруг прорвалась наружу: он вытащил из ножен меч, схватил его обеими руками и стал изо всех сил размахивать в воздухе, стараясь задеть каждого спускавшегося нетопыря" [14, с. 341]. Столь вожеленное живое тело, с одной стороны, является для него предметом зависти, а с другой — вызывает отторжение. "Да, я вправе считать себя обладателем особой привилегии <...> многие вещи мне удаются лучше, чем существующим, ибо мне не присущи их обычные изъяны: грубость, неточность, непоследовательность, вонь" [14, с. 378].

Агилульф по праву считает себя безукоризненным воином в рядах армии Карла Великого. Доспехи его сияют чистотой, он не пьянствует по ночам и никогда не устает. "Внимательный, напряженный, надменный" он неустанно печется лишь об одном: о соблюдении устава, следовании незыблемым для него правилам. Отступления от установленного порядка не просто вызывают в нем раздражение, но и становятся источником подлинной боли. "Малейшее упущение по службе вызывало у Агилульфа неодолимую потребность все проверить, найти в чужих действиях оплошности и небрежности, он чувствовал острую боль за то дело, которое делается плохо или не к месту" [14, с. 340]. Кроме тела, предметом зависти Агилульфа становится еще один признак существования. Несовершенные и временами дурно пахнущие люди обладают индивидуальностью.

Агилульф сетует: "Тот, кто существует, вкладывает во все деяния нечто свое, придает им особый отпечаток, а мне этого ни за что не добиться" [14, с. 378]. Причина верности рыцаря незыблемым армейским правилам восходит к его неспособности принимать самостоятельные решения. Мир без четко сформулированных директив ввергает Агилульфа в состояние беспомощности. "В моменты колебаний Агилульф останавливался в задумчивости и не решался выбрать ни ту, ни другую линию поведения, только чувствовал, что докучает всем" [14, с. 341]. В пограничных ситуациях, требующих от рыцаря личного участия, он теряет самообладание. Для того чтобы не попадать в подобное положение, Агилульф даже старается оказываться лишь в обстановке хорошо знакомых твердых вещей: "Агилульфу каждый миг необходимо было ощущать перед собой предметы, подобные массивной стене, которой следует противостоять напряжением всей своей воли: только так он сохранял неприкосновенным свое самосознание" [14, с. 347]. Более того, бестелесный рыцарь ни на миг не может позволить себе погрузиться в сон, усни он хоть на одно мгновение, "он бы ни за что не нашел себя больше, потерял бы себя навсегда" [14, с. 349]. Самым страшным временем суток для Агилульфа становятся предрассветные сумерки, в которых все предметы теряют ясные очертания. "Мир вокруг окутывался туманом, делался неопределенным, Агилульф чувствовал, что и сам растворяется в мягком полусвете, и не мог добиться, чтобы из пустоты выплыла отчетливая мысль, быстрое решение, педантичная придирка" [14, с. 347]. В такие минуты Агилульф чувствует, что теряет себя и лишь "крайним усилием воли не дает себе улетучиться" [14, с. 347].

Несуществующий рыцарь — наглядное воплощение всех свойств комичной и в то же время устрашающей армии Карла Великого, которая скорее походит не на группу людей, а на причудливый искусственный конструкт. Рыцари, закованные в латы, лишаются человеческих черт. Более того, никто не знает, что на самом деле происходит в их стальном убежище, спят ли они, жуют или и вовсе отсутствуют. В войске Карла Великого так легко "быть именитым рыцарем со множеством титулов, исправно нести службу, быть доблестным воителем и в то же время совсем не обязательно существовать" [14, с. 345], потому что само войско служит образцом обезчеловечивания. Невозможно "отделаться от ощущения, что весь этот скрежет железа о железо не больше, чем трепыханье жестких надкрылий насекомых, потрескивание пустых оболочек" [14, с. 346].

Каждый из рыцарей по отдельности напоминает искусственную модель насекомого: “Под таким стальным туловищем ноги кажутся особенно тонкими, вроде лапок кузнечика; что-то от кузнечиков или муравьев было и в том, как при разговоре люди качали круглыми безглазыми головами” [14, с. 346]. Выстроившись в ряд, рыцарское войско походит на “длинную, покрытую чешуей рыбу, вроде угря” [14, с. 349].

Образ идеального воина, беспрекословно выполняющего свой долг, вызывает отклик в душе многих героев романа, но более всего он прельщает бесстрашную воительницу Брадаманту. Завистливым паладинам Карла Великого не удастся понять, почему известная своим строптивым и страстным нравом воительница полюбила пустые доспехи. Один из них дает вульгарное объяснение огорчительному факту: “Когда баба утолит свою похоть со всеми существующими мужчинами, остается только хотеть мужчину, которого нет” [14, с. 385]. Между тем, сама Брадаманта признается в том, что Агилульф привлек ее верой в неизбежность установленного порядка. “Вся наша жизнь — одно шатание между постелью и гробом, — восклицает воительница, — он один знал ее тайную геометрию, порядок, правило, умел понять, где начало, где конец!” [14, с. 400].

В завершение повествования несуществующего Агилульфа ждет бесславный конец. Выяснив, что он не может больше называться паладином Карла Великого и носить звучное имя, согласно весьма сомнительным правилам, несуществующий рыцарь сбрасывает с себя доспехи и бесследно исчезает. В образе несуществующего рыцаря и армии Карла Великого Кальвино отражает стремление человека к упорядоченному миру четких форм и все разъясняющей идеологии, упрощающей существование в сложной и многослойной действительности. Финал романа показывает прозрачность любых искусственных правил и установок, в основе которых лежит не что иное, как пустота.

Задумав объединить все три романа в единый макротекст, Кальвино решает не придерживаться хронологического порядка написания произведений. Для писателя важнее объединяющая трилогию концепция. В опубликованной трилогии “Несуществующий рыцарь”, написанный последним, поставлен в начало произведения под предлогом того, что фоном романа становится самый ранний исторический период. Однако главная причина такой перестановки, по словам Кальвино, заключается в том, что роман не предлагает решение поставленных вопросов, а, напротив, выдвигает новые. Между тем, по признанию

Кальвино, воспитание и душевная склонность заставляли его “превращать все игры ума в позитивный процесс”, поэтому в “Наших предках”, кроме постановки проблемы, содержится своего рода рецепт ее решения. Структура макротекста, посвященного теме становления личности, выстраивается в “генеалогическое древо предков современного человека”. В предисловии Кальвино поясняет: «В “Несуществующем рыцаре” — это завоевание бытия, в “Раздвоенном виконте” — тяга к цельности, независимо от ограничений, навязываемых обществом; в “Бароне на дереве” — путь к цельности не ради себя, но через верность себе. Таковы три ступени на пути к свободе» [13, с. 458].

* * *

После 1950-х годов город в произведениях Кальвино становится символом меняющейся реальности. В почти сказочной парадигме историй о Марковальдо город является квинтэссенцией нового искусственного мира, рожденного безумной человеческой фантазией, где все естественное заменяется на причудливые вредоносные симулякры. В повести “Облако смога” загрязнение окружающей реальности передает внутреннее состояние современного общества, создающего город по образу и подобию своему. В “Невидимых городах” размышления о замусоривании, захлывании жизненного пространства приобретают вид метафоры, согласно которой потребление неразрывно связано со стремлением к величию. В романе “Несуществующий рыцарь” Кальвино рисует образ человека эпохи культа потребления, потерявшего индивидуальность и ставшего пешкой в чужой игре. Безликие, подчиненные навязанным правилам люди превращаются в оболочки без содержания, которые, согласно фантазии Кальвино, неминуемо соберутся в войско, являющее собой пример обезчеловечивания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Gabrielli P.* Anni di novità e di grandi cose: il boom economico fra tradizione e cambiamento. Bologna: Il mulino, 2011. 304 p.
2. *Calvino I.* Prefazione dell'autore. *Calvino I.* Il sentiero dei nidi di ragno. Garzanti: Milano, 1987, pp. 7–26.
3. *Pasolini P.P.* Lettera aperta a Italo Calvino. Pasolini: quello che rimpiango. “Paese Sera”. 1974.
4. *Benedetti C.* Pasolini contro Calvino: per una letteratura impura. Torino: Bollati Boringhieri, 1998. 203 p.

5. *Scarpa D.* Postfazione. *Calvino I.* Marcovaldo ovvero Le stagioni in città. Milano: Oscar Mondadori, 2012, pp. 135–144.
6. *Calvino I.* Presentazione dell'autore. *Calvino I.* Marcovaldo ovvero Le stagioni in città. Milano: Oscar Mondadori, 2012, pp. 6–11.
7. *Leopardi G.* Opere [a cura di Fubini M.]. Torino: Unione tipografico-editrice torinese, 1977. 1272 p.
8. *Mameli E., Calvino M.* Duecentocinquanta quesiti di giardinaggio risolti. Torino: Paravia, 1940. 260 p.
9. *Кальвино И.* Кот и полицейский: Избранное. М.: Мол. гвардия, 1964. 397 с. [*Calvino, I. Kot i politseiskii: Izbrannoe* [The Cat and the Policeman: Selected Works]. Moscow, Mol. gvardiia Publ., 1964. 397 p. (In Russ.)]
10. *Calvino I.* Saggi (1945–1985). Vol. 2. Milano: A. Mondadori, 1995, pp. 1542–3081.
11. *Calvino I.* Romanzi e racconti. Vol. 2 Milano: A. Mondadori, 1992. 1478 p.
12. *Кальвино И.* Собрание сочинений. В 3 т. Т. 2: Замок скрестившихся судеб. СПб.: Симпозиум, 2001. 416 с. [*Calvino, I. Sbranie sochinenii. V 3 t. T. 2: Zamok skrestivshikhsia sudeb* [Collected Works. In 3 Vols. Vol. 2: The Castle of Crossed Destinies]. St. Petersburg, Simpozium Publ., 2001. 416 p. (In Russ.)]
13. *Кальвино И.* Предисловие // Кальвино И. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1: Наши предки. СПб.: Симпозиум, 2000. С. 445–458. [*Calvino, I. Predislovie* [Preface]. *Calvino, I. Sbranie sochinenii. V 3 t. T. 1: Nashi predki* [Collected Works. In 3 Vols. Vol. 1: Our Ancestors]. St. Petersburg, Simpozium Publ., 2000, pp. 445–458. (In Russ.)]
14. *Кальвино И.* Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1: Наши предки. СПб.: Симпозиум, 2000. 458 с. [*Calvino, I. Sbranie sochinenii. V 3 t. T. 1: Nashi predki* [Collected Works. In 3 Vols. Vol. 1: Our Ancestors]. St. Petersburg, Simpozium Publ., 2000. 458 p. (In Russ.)]

Дата поступления материала в редакцию: 1 августа 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 18 августа 2022 г.

Статья принята к публикации: 31 августа 2022 г.

Дата публикации: 31 октября 2022 г.

Received by Editor on August 1, 2022

Revised on August 18, 2022

Accepted on August 31, 2022

Date of publication: October 31, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800022745-5

Психологизм Набокова на фоне традиционной парадигмы русской литературы

© 2022 г. Д. А. Бережнов

Аспирант филологического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские Горы, д. 1, стр. 51
inlitdenisberezhnov@yandex.ru

Резюме. При разговоре о психологизме обыкновенно ограничиваются его устойчивыми формами, по умолчанию отказывая в психологических качествах “неклассической”, “нетрадиционной” литературе. По мнению автора статьи, это связано с тем, что психологизм первой трети двадцатого века пока не становится предметом основательной литературоведческой рефлексии. Главным недостатком, как считает автор, является изолированный подход в изучении форм психологизма: парадигмы оказываются внеположны друг другу. В статье предлагается морфологическое и динамическое рассмотрение развития психологического метода от Толстого до Набокова, указывается, что маргинальные техники в “традиционных” работах становятся магистральными в “нетрадиционных”: они обнаруживают преемственность устремлений. Творчество Толстого содержит в себе потенции будущей динамической трактовки сознания. Толстой выходит за пределы “классической” парадигмы и предвосхищает интуитивизм, который будет развит и переработан в романе “Дар”. Набоков подхватывает интуитивную линию и развивает ее в лирико-музыкальной манере, последовательно выводя за пределы психологического описания поступок и систему причин. Психологизм Набокова в этом смысле смещает направленность, и платформой нового психологизма становится учение Анри Бергсона, принципы которого уже просвечивали в прозе Толстого. Предложенные выводы обосновываются на примерах из текстов Толстого и Набокова, где аналитический подход сменяется синтетическим.

Ключевые слова: психологизм, Набоков, Толстой, Бергсон, интуитивизм, поступок, длительность, мелодия.

Для цитирования: Бережнов Д.А. Психологизм Набокова на фоне традиционной парадигмы русской литературы // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 5. С. 40–47. DOI: 10.31857/S160578800022745-5

The Relation of Nabokov’s Psychologism to the Tradition of Russian Literature

© 2022 Denis A. Berezhnov

Postgraduate student
of the M.V. Lomonosov Moscow State University,
1 bild. 51 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
inlitdenisberezhnov@yandex.ru

Abstract. When we deal with psychologism, we usually limit ourselves to its approved forms, by default denying psychological qualities of “non-traditional” literature. According to the author of the article, this is due to the fact that psychologism of the first third of the 20th century has not yet become the subject of thorough literary reflection. The main disadvantage, as it seems, is an isolated approach to different forms of psychologism: there appears no overlap between the existing paradigms. The article offers a morphological and dynamic

investigation of the psychological method from Tolstoy to Nabokov, where, according to this article, what is considered to be a marginal technique in “traditional” works becomes magistral in “non-traditional” ones. Tolstoy’s works therefore foreshadows the dynamic understanding of consciousness. Tolstoy goes beyond the “classical” paradigm and anticipates intuitionism, which will be developed and reworked in the novel “The Gift”. Nabokov picks up the intuitive line and develops it in a lyrical and musical manner, consistently taking the act and the system of reasons beyond the psychological description. Nabokov’s psychologism in this sense shifts the focus, and Henri Bergson’s teaching serves as a basis for the new psychologism, the principles of which were already noticeable in Tolstoy’s prose. The proposed conclusions are based on examples from the texts of Tolstoy and Nabokov, where an analytical approach is yielding to a synthetic one.

Key words: psychologism, Nabokov, Tolstoy, Bergson, intuitivism, deed, duration, melody.

For citation: Berezhnov D.A. *Psihologizm Nabokova na fone tradicionnoj paradigmy russkoj literatury* [The Relation of Nabokov’s Psychologism to the Tradition of Russian Literature]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 5, pp. 40–47. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800022745-5

В современном литературоведении широко распространено мнение об антипсихологической направленности литературы первой трети XX века. Традиционный психологизм обычно противопоставляется “неклассической прозе”, потому что не находит в ней привычной опоры: тонкостей межличностных отношений, психологического разбора поступков и т.п. Тем не менее, не учитывается факт, что направленность психологического изображения подвижна и что во многих проявлениях “традиционный” психологизм не настолько традиционен, как можно полагать. Парадигмальный переход, таким образом, не становился предметом основательной литературоведческой рефлексии.

Прежде всего следует сказать, что психологизм в литературе не имеет привилегированного значения. Востребованность психологизма в творчестве Достоевского, Толстого и др. обусловлена той предельной идеей, которая не могла воплотиться вне психологического письма. Уместнее, на наш взгляд, было бы рассматривать психологизм как систему приемов, как метод, характерный только для *определенной* линии развития литературы. Каждый прием имеет свою направленность (телеологию), и потому психологизм не является самоцелью. *Преступление и наказание*, в таком осмыслении, не является только “психологическим отчетом одного преступления”, как предувещивал автор. Но предпочтительнее было бы говорить, что “метафизическая” или “экзистенциальная” проблематика романа *решается* посредством психологизма.

Психологизм как особая система приемов является системой динамической. Формы психологизма стихийно изменяются от одной парадигмы к другой. Каждая из них подготавливает дальнейшую и выступает за границы “своей” парадигмы. *Двойник* Достоевского, очевидно, при таком

рассмотрении выпадает из нее и предвосхищает ритмизованный *Петербург* и ранние вещи Набокова. Но при ближайшем рассмотрении *Двойник* имеет нечто “от парадигмы”, чего не имеет ни *Петербург*, ни *Соглядатай*, а именно – моральное истолкование природы сознания. Приемы аналогичны, и потому парадигмы сближаются – различия только направленность приема. Таким образом, психологический метод образует разомкнутую, транспарадигмальную линию. Авторская стратегия не уместается в узкую “парадигму” и намечает будущее развитие метода: маргинальные техники одного автора могут стать магистральными у других. Так, “интуитивизм” на заднем плане прозы Толстого выводится на передний в прозе Набокова. Таким же образом и “сюрреалистичность” при изображении душевной жизни в текстах Достоевского становится основанием психологизма Ф. Сологуба, А. Белого, В. Набокова и др., поскольку вводит “аутистический” (т.е. самозамкнутый, по Блейлеру) принцип повествования (подробнее см. [1]).

Потому и историю метода целесообразнее рассматривать *морфологически*, изучая органические переходы внутри общего метода. При обнаружении качеств, характерных для модернизма, в текстах традиционной литературы отпадает сомнение в том, что тексты модернизма, которые принято считать начисто лишены психологического значения, в сущности, напрямую произрастают из техники прежних авторов. Это становится ясным при тщательном рассмотрении, поскольку видимое “отрицание”, на деле, предполагает только преодоление и смещение направленности приема.

Психологизм — это метод изображения внутренней жизни, осуществленный путем прямого помещения повествования в сознание персонажа или передачи состояний и чувств средствами

косвенной, внешней экспрессии. Прежде всего, психологизм был связан с введением “внутреннего монолога”, где герой предпринимал попытки к тому, чтобы разобрать мотивы собственного поведения, нащупать рычаги и причины поступков. Такой вид психологизма разворачивается в *Герое нашего времени* М.Ю. Лермонтова.

Печорин производит аналитическую работу в ходе дневниковой рефлексии. Письменная форма такого анализа диктует автору определенные структурные законы выражения. Она имеет условный характер именно потому, что изображает не конкретно-подвижную жизнь сознания, но цепочку правильных отточенных формул: “Я был скромн — меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен. Я глубоко чувствовал добро и зло” и т.п. [2, с. 78]. Аналитический психологизм Лермонтова приближается к интеллектуальному “препарированию”, характерному для прозы Толстого.

Противоположная тенденция наблюдается в прозе Тургенева, где проникновенный лиризм и риторический вопрос перевешивают строгую аналитику утвердительных предложений. Тургенев только за редким исключением прибегает к средствам “внутреннего монолога”, поскольку утверждает, что некоторым “чувствам нет удовлетворительного выражения: они глубже и сильнее — неопределеннее всякого слова” [3, с. 381]. В этом он ближе к лирике Лермонтова, нежели к его прозе. Тургенев скептически относится к отвлеченному понятию. Фиксированному и потому “определенному” значению слова он противопоставляет музыку (чистый лиризм) как наиболее адекватный для душевного состояния способ трансляции. Стратегия Тургенева к тому же характеризуется сознательным самоограничением автора — “тайным психологизмом”, т.е. только имплицитным (жестовым, вокально-интонационным, ритмическим) намеком на то или иное душевное состояние. Тургенев отказывался и от толстовского “всеведения” и прозрачного авторского сознания. Оттого и возникают характерные оговорки при “суммарном обозначении” состояний, напр.: “Бог знает, где бродили его мысли”, по отношению к Павлу Петровичу, риторические вопросы: “Что это значит? Разве я не влюблен?” вместо точных ответов, потому что вопросы должны только наметить контур неопределенного чувства, но не произносить “сокровенное”.

Тем не менее, тенденции в психологизме Тургенева накладывают ограничения на метод, потому что не описывают интеллектуальную

работу сознания. Эта проблема разрешается в прозе Толстого.

Л.Я. Гинзбург называет творчество Толстого — “высшей точкой аналитического, объясняющего психологизма”, оно означает “не нарастание, не развитие предшествующего, но переворот” [4, с. 271]. Методы психологического письма в творчестве Толстого совершают продуктивный рывок по отношению к предыдущей традиции и двигаются к автономному изображению мысли и душевных процессов. Но “автономность” эта относительна. Прежняя литература, и произведения Толстого в том числе, понимала психологизм только как средство постижения моральных законов. Так, незримый пантеистический Бог, внутренний порядок связывания и наказания обуславливает психологическую ткань *Анны Карениной* и направляет фабулу к фаталистической точке. Психологизм выстраивает многочисленные сети причинно-следственных рядов и производит “напряжение обусловленностей”, ведущих к поступку [4, с. 317]. Поступок и становится центром, вокруг которого вращается “традиционный психологизм”. Если поступок убрать, то и большинство приемов утратит ценность. Получится *Преступление и наказание* без преступления и *Анна Каренина* без измены. Именно от поступка как от центра и раскручивается течение внутренней жизни, которая протекает с оглядкой на совершенное действие или на импульс к нему.

Однако в прозе Толстого психологизм начинает эмансипироваться от поступка. Метод приобретает двойную направленность: бесконечное усложнение мыслительного процесса выходит за пределы задач сугубо нравственного порядка. Толстой “открывает” мышление само по себе, безотносительно к моральному содержанию мысли, и потому предвосхищает автономный, интроспективный, “научнообразный” подход к изображению душевных явлений. Профессиональные психологи (Л.С. Выготский, Н.Е. Осипов и др.) для обоснования выводов обращаются к прозе Толстого [5, с. 321]; [6, с. 112].

Эйхенбаум в ранней работе указывал, что Толстой в ходе дневниковой рефлексии тренировался на чистой логике рассуждения, любовался формой и фактурой рассуждения больше, чем самим предметом, о котором рассуждал [7, с. 38]. Отсюда и выходил, по Эйхенбауму, корень того известного “рассудительства”, которое преследовало Толстого буквально до последних мгновений жизни, даже на станции Астапово. Толстого всегда привлекала сама динамика мышления, связность идей, кривая их движения. Чем больше

техника Толстого совершенствовалась, тем более заметной становилась страсть к самой процедуре мышления, рубрикации и дифференциации мыслей. В прозе Толстого, констатировал Эйхенбаум, “рассудок внедряется в художество как новое творческое начало” [7, с. 81].

Толстой первым проблематизировал динамическую природу сознания и показал “разнородное единство” внутренней жизни, понял мышление как процесс, притом спонтанный, интуитивный, зигзагообразный. До Толстого мышление не *становилось*, но *стояло*. Потому нет ничего ближе Толстому, чем определение психологии как *внутренней жизни*, т.е. текучего “сознания, не подлежащего разуму” [8, с. 190]. В связи с этим метод Толстого должен был отказаться от прежней ориентации на правильную, письменную речь и углубиться в довербальную жизнь интеллекта. Предметом изображения становилось непосредственное роение и сложение мыслей в цепочки и последовательности идей. Рассмотрим на примере из *Анны Карениной*:

Ну хорошо, электричество и теплота (1) одно и то же; но возможно ли в уравнении для решения вопроса поставить одну величину вместо другой? Нет. Ну так что же? Связь между всеми силами природы (2) и так чувствуется инстинктом... Особенно приятно, как Павина дочь (3) будет уже красно-пегою коровой, и все стадо, в которое подсыпает этих трех... Отлично! Выйти с женой (4) и гостями встречать стадо... Жена скажет: мы с Костей, как ребенка, выхаживали эту телку. Как это может вас так интересовать? – скажет гость. Все, что его интересует, интересует меня. Но кто она? (5). И он вспоминал то, что произошло в Москве [9, с. 110].

Толстой спускается по уровням сознания: от искусственного к естественному. Мышление идет по нелинейной траектории. Каждая из идей проникает в другую. Уровни не имеют четких демаркационных срезов. Монолог начинается размышлением по поводу термодинамики Тиндаля (“Теплота, рассматриваемая как род движения”, 1864), которую Левин читает в кабинете. Чтение (*уровень 1*) его не занимает, поскольку моментально отклоняется от умозрительных рассуждений к темам, более близким к хозяйственным проектам Левина (“связь между всеми силами природы” – *уровень 2*), и неожиданно совершает скачок по направлению к плану о разведении редкого сорта коров (*уровень 3*), чем он и занимался по приезду в имение. Между термодинамикой Тиндаля и коровой Павой нет никакой логической связи, но именно на таких особых отношениях и строится живое мышление. Потому неудивительно, что мысль спускается на *уровень 4*,

где Левин представляет себе семейное счастье, жену и наконец понимает, что доподлинно думал о Кити (*уровень 5*) и что остальное – только самообман, защита от нанесенной обиды. Стоит сказать и том, что уровни глубоко связаны. Если выделить одну мысль из цепочки, то и целое всей цепочки разрушится. Толстой изображает *переход* от одной мысли к другой. Мышление начинает выступать неким динамическим единством, нежели статическим набором идей, вводятся “новые отношения между текучим и устойчивым началом душевной жизни” [4, с. 271]. Это особенно проявляется при описании “внутренней речи”.

Наиболее подробно проблемы поэтического стиля Толстого рассматривались в работе В.В. Виноградова “О языке Толстого”. В ней предлагается обстоятельное описание приемов Толстого при изображении “внутренней речи”. Виноградов предварительно указывает, что “внутренняя речь” имеет “особую форму функционирования”, не является простым убавлением голоса (“речь минус звук”), но имеет качественно иную структуру, нежели устная речь [8, с. 181]. Она является промежуточной зоной между мышлением и внешней речью, сферой чистых значений и сферой слов. По Выготскому, речемыслительная активность строится на “неразрывном динамическом единстве переходов из одного плана в другой”: от мысли к внутренней речи, от внутренней к устной и обратно до “испарения речи в мысль” [5, с. 329]. При переходе от мыслительной активности, скажем, в чистых довербальных формах мышления к внутренней речи языковая структура начинает “уплотняться” и “отвердевать” во внешне устойчивых речевых формах, но не обладает пока никаким предметно-логическим содержанием. Она имеет только индивидуально-психологический смысл и тем отличается от внешней речи. Переходя во внешнюю речь через внутреннюю, мышление движется от личной среды к безличной, от конкретной динамики к статике. Оттого и не всегда мысль без ущерба “идет в слова” (по выражению Достоевского). Нейтральное, отвлеченное понятие не может передать другому человеку психологическую насыщенность того или иного мыслительного содержания. Так становятся непонятны для остальных предсмертные реплики героев Толстого. Такой “внутренней” репликой являются, например, предикативное восклицание *Так!*, произнесенное Николаем Левиным перед смертью, или слово *разумеется*, которым Вронский подытоживает внутреннюю борьбу перед тем, как выстрелить себе в грудь. “Внутренняя” (предикативная) реплика нетождественна внешней, как в речи

Вронского *разумеется* нетождественно вводному слову. Она колеблется между мыслью и словом и расшатывает рассудочную основу понятия. Аналогичный принцип выполняется и при передаче “внутренних монологов” Анны перед самоубийством [9, с. 710].

Таким образом, Толстой не менее, чем Тургенев, ощущал ограниченность слова для выражения душевного состояния и потому сознательно, аналитически разрушал рассудочные каркасы мышления и двигался к тому душевному центру, который не может найти воплощения в слове. Центральные “внутренние монологи” останавливаются перед порогом такого чувства. Позицией, которую занимают герои Толстого, является установка на ложь, когда слова противоречат внутренним импульсам (потому и появляется характерная тавтология: *она сказала словами*). “Внутренняя речь” же противопоставляется внешней. «Свободная от власти “фразы”» и “актерского позерства”, она не может психологически “соврать” [8, с. 187]. Такую речь можно, по Толстому, познавать только *интуитивно*, путем сочувственного проникновения в родственное сознание. В таком смысле введение внутренней речи является последней ступенью на пути к индивидуализации речевой выразительности, хоть и мотивируется морально.

Перечисленные нами черты психологического метода Толстого являются первой предпосылкой к художественному воплощению принципов бергсонизма. Среди указанных нами — недоверие к слову как условному знаку (“символу”), динамическая трактовка сознания, органицизм, “разнородное единство” душевных состояний, пафос возвращения к изначальной интуиции и простоте, интроспекция, выступление против интеллектуальных тенденций и, наконец, упор на непосредственность данных сознания — глубоко роднят Толстого и Бергсона. Это вполне закономерно, если помнить, какое влияние оказало на каждого из них учение Жан-Жака Руссо и философия Артура Шопенгауэра. Толстой и Бергсон вырастают из общего корня. Однако интуитивная философия Бергсона не может быть воплощена аналитическим путем (внутренняя речь дискретна) и требует сугубо синтетического воплощения. Предельным выразителем учения Бергсона, доработкой и переработкой толстовской техники становится “неоклассический” роман Владимира Набокова *Дар*.

Прежде чем обратиться к роману *Дар*, следует ответить на вопрос: в чем, собственно, заключается психологический метод Набокова? Если мы

прежде утверждали, что предметом психологического изучения в прозе “традиционной парадигмы” являлись *поступок, система причин* и наличие *авторских обобщений*, то мы можем заметить, что и первое, и второе, и третье в прозе Набокова опускаются. То, что было в прозе Толстого исключением, в текстах Набокова становится правилом. Автономное мышление и моральный поступок совершают рокировку: первое помещается в центр, второе отходит на периферию. Набоков старается постичь интуитивные основы мышления самого по себе.

Моральным поступком в русской прозе Набокова является творческий акт, но не внешнее поведение: роман *Дар* не может насчитать и десяти случаев значительного поступка. Психологически анализировать (в прежнем смысле) в нем нечего. Роман Набокова созерцателен и в некотором смысле бездействен. Внешняя праздность в *Даре* сопровождается интенсификацией внутренней, творческой работы сознания. Жизнь этого сознания интроспективна и замкнута, хоть и направляется, изнутри, к другим людям. Можно было бы сказать (довольно грубо, впрочем), что предметом психологического изображения в романе *Дар* становится *длительность*. Длительность как некая психологическая темпоральность, внутреннее время и “истекание моего я”, противопоставленное законам трансцендентального мышления и инструментальной практике, характеризуется “ритмической организацией” состояний и ускользает от словесного наименования [10, с. 96]. Кроме того, длительность как движущая сила творческой эволюции родственна самой тематике произведений Набокова. Она позволяет Набокову синтетически и органически развернуть *процесс* психологического созревания дара и материальных продуктов творчества, следуя принципу непрерывности, “не отнимая карандаша” [11, с. 79]. Наконец, роман Набокова не завершается и не представляет из себя чего-то готового, но, напротив, запускается на бесконечное самопорождение, творчество самого себя. Именно поэтому и “не кончается строка”. *Дар* — это не роман, но именно *процесс* создания романа, развернутый без конца.

Стилевые характеристики *Дара* изучались в статье Ю.И. Левина «О повествовательной структуре романа “Дар”». Исследователь называл *Дар* “образцом синтетического романа” и предлагал интерпретацию текста как “нерасчлененной контаминированной подачи элементов внешнего и внутреннего опыта”, единого “потока восприятия-воображения-воспоминания-осмысления” [12, с. 321]. В дело идет

все та же “единая разнородность”, упомянутая в отношении прозы Толстого (характерно, что и Левин цитирует Толстого на страницах статьи). Она представляет собой единый размолотый поток впечатлений, без разницы к какой сфере они принадлежат: идентифицировать их невозможно, так что при аналитической процедуре то, что казалось личным и живым, становится отвлеченным. Длительность возможна только в сплошном, едином, нерасчлененном виде. Ввиду этого и воспоминания, и представления, и повествовательные уровни, и разные стороны речи, и персонажи, и разнородные тексты, и восприятия, и события, и замыслы, и воображение, и пространство свободно проникают друг в друга и контаминируются внутри единого сознания персонажа. Конструируется универсальный синтетизм, где сливается все со всем.

Л.Я. Гинзбург писала: «Французский “новый роман” 1950–1960-х годов теоретически хотел представить более или менее чистые процессы, так сказать, процессы без человека, в идеале — чистую текучесть, что невозможно, поскольку противоречит самой природе искусства как значащей и организующей формы. Самое слово есть уже остановка потока и покорение хаоса» [4, с. 272]. Мы хотели бы переосмыслить идею Гинзбург в отношении русского модернизма. Точное замечание по поводу того, что “новый роман” стремится воссоздать *чистую текучесть* сознания, не учитывает того факта, что литература, по Бергсону, имеет средство к преодолению косной материальности слова. Непрерывное движение возможно, если реорганизовать речь, в которой само *слово станет процессуальным* и разрушатся “перегородки” между словами. В таком случае возможно преодолеть символическую природу слова (вербальность в нем) и писать текст по музыкальному принципу как на уровне общего повествования, так и на уровне конкретных синтагм. Изменение мелодики влечет за собой и изменение семантики. Более того, семантика набокских романов приближается к стиховой. Созвучным нашему рассуждению будет следующий отрывок:

После перерыва густо пошел поэт: высокий юноша с пуговичным лицом, другой, низенький, но с большим носом, барышня, пожилой в пенсне, еще барышня, еще молодой, наконец — Кончеев, в отличие от победоносной чеканности прочих тихо и вяло пробормотавший свои стихи, но в них сама по себе жила такая музыка, в темном как будто стихе такая бездна смысла раскрывалась у ног, так верилось в звуки, и так изумительно было, что вот, из тех же слов, которые нанизывались всеми, вдруг возникало, лилось и ускользало, не утолив до конца жажды, какое-то непохожее

на слова, не нуждающееся в словах, своеобразное совершенство [11, с. 276].

Отрывок представляет собой авторский комментарий по поводу выступления Кончеева, прототипами которого, как известно, являются Вл. Ходасевич и в данном фрагменте — Александр Блок. Характер публичного чтения Кончеева отсылает к “вялой”, траурной декламации Блока. Известно, что Набоков подчеркивал “исключительную музыкальность” блоковской лирики — она пронизывает и “прозрачную прозу” Набокова [13, с. 335].

В первую очередь стоит подчеркнуть, что отрывок самописателен: заявленные принципы воплощаются тут же. Базовая метафора — *речь лилась* (внутренняя форма: *речь от река*) — разворачивается на фонетическом, синтаксическом и образно-метафорическом уровне. Она подразумевает, во-первых, переход от практической речи к поэтической (“слова, которые нанизывались всеми”), во-вторых, деформацию понятийного содержания слова (“непохожие на слова”) и, наконец, подключение текучей, импрессионистической речи, где смысловое содержание обуславливается гармоническим распределением звука (“жила такая музыка”) и специальным синтаксическим построением.

На фонетическом уровне каждый звук составляет темы и переплетается по принципу контрапункта. Доминирующую роль играют звуки: [з], [ж], [л] и [в] — из согласных; и гласные — [у], [и], [е], [о], [а]. Перечисленные звуки, в связке, приобретают самостоятельную семантику, которая соединяет слова, формально далекие по значению (напр., *верилось — звуки — музыка — изумительно — нанизывались — возникало — лилось* и т.д.). Смыслы связываются фонетическим соответствием. Происходит синтез и других речевых аспектов: синтаксис переходит в метафорику, метафорика в синтаксис, как и фонетика проникает в другие уровни речи. Каждый из уровней выражает друг друга. Потому размывается и значение слов. Словарное значение глагола *возникать* имеет мало общего с тем, какое оно приобретает в контексте, главным образом потому, что является продолжением общей метафоры (*ручья и утоления жажды*) и находится в напряженных синтетических отношениях со смежными словами. Словесная пара *возникало* и *ускользало* симметрически обрамляет слово *лилось* и связывается полной рифмой на *-ало*, что поддерживается и ритмом (переходы анапеста на неровный ямб), и синтаксической разработкой речи. Слово *возникало*

теряется в синтезированном потоке смысла. Отрывок иконически выражает напряженную мелодию длительности.

«Да, я мечтаю когда-нибудь произвести такую прозу, где бы “мысль и музыка сошлись, как во сне складки жизни”» [11, с. 256]. Психологизм Набокова не только продолжает интуитивизм Толстого, но и развивает его на лирический лад: ритм душевной жизни приобретает чистый, экстравербальный характер. Другие примеры см. в статье [14]. Таким образом, отказ от психологической причинности, упразднение поступка и моральной дидактики, интериоризация повествования и удаление обобщений являются закономерными чертами новой парадигмы, где психологизм приобретает интроспективную направленность. Психологизм не заканчивается на Толстом, но только совершает революцию в череде революций, совершенных в литературе двадцатого века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Сконечная О.* Русский параноидальный роман: Федор Сологуб, Андрей Белый, Владимир Набоков. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 256 с.
2. *Лермонтов М.Ю.* Герой нашего времени. М.: Издательство Академии наук СССР, Серия: Литературные памятники, 1962. 234 с.
3. *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений. Т. 8. Повести и рассказы 1868–1872. М.: Наука, 1981. 546 с.
4. *Гинзбург Л.Я.* О психологической прозе. Л.: Художественная литература, 1977. 448 с.
5. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М. Издательство “Лабиринт”, 1999. 352 с.
6. *Сироткина И.* Классики и психиатры: психиатрия в российской культуре конца XIX–XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 272 с.
7. *Эйхенбаум Б.* Молодой Толстой. М.: Кабинетный ученый, 2019. 192 с.
8. *Виноградов В.В.* О языке Толстого: (50–60-е годы). М.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 117–220.
9. *Толстой Л.Н.* Анна Каренина. М.: Художественная литература, 1985. 766 с.
10. *Бергсон А.* Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. Опыт о непосредственных данных сознания. Материя и память. М.: Московский клуб, 1992. 325 с.
11. *Набоков В.В.* Русский период. Собрание сочинений в 5 т. Т. 4. Дар. Приглашение на казнь. Рассказы. СПб., 2002. 785 с.
12. *Левин Ю.И.* Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. 824 с.
13. *Долинин А.А.* Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове. СПб.: Академический проект, 2004. 400 с.
14. *Бережнов Д.А.* Техника “потока сознания”: бергсонское истолкование психологии в прозе В. Набокова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, № 1. С. 99–104.

REFERENCES

1. Skonechnaya, O. *Russkij paranoidalnyj roman: Fedor Sologub, Andrej Belyj, Vladimir Nabokov* [Paranoid Russian Novel by Fedor Sologub, Andrei Bely, Vladimir Nabokov]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 256 p. (In Russ.)
2. Lermontov, M.Ju. *Geroj nashego vremeni* [Hero of Our Time]. Moscow, Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR Publ., Serija: Literaturnye pamjatniki, 1962. 234 p. (In Russ.)
3. Turgenev, I.S. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 8. Povesti i rasskazy 1868 – 1872* [Collected Works. Vol. 8. Novellas and Stories 1868–1972]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 546 p. (In Russ.)
4. Ginzburg, L.Ja. *O psihologicheskoj proze* [On Psychological Prose]. Leningrad, Hudozhestvennaja literature Publ., 1977. 448 p. (In Russ.)
5. Vygotsky, L.S. *Myshlenie i rech* [Thinking and Speech]. Moscow, Izdatelstvo “Labirint” Publ., 1999. 352 p. (In Russ.)
6. Sirotkina, I. *Klassiki i psihiatry: psihiatrija v rossijskoj kulture konca XIX–XX veka* [Classics and Psychiatrists: Psychiatry in Russian Culture of the late 19th–20th Century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008. 272 p. (In Russ.)
7. Eikhenbaum, B. *Molodoj Tolstoj* [Young Tolstoy]. Moscow, Kabinetnyj uchenyj Publ., 2019. 192 p. (In Russ.)
8. Vinogradov, V.V. *O jazyke Tolstogo: (50–60-e gody)* [On the Language of Tolstoy (1850s–1860s)]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1939, pp. 117–220. (In Russ.)
9. Tolstoy, L.N. *Anna Karenina* [Anna Karenina]. Moscow, Hudozhestvennaja literature Publ., 1985. 766 p. (In Russ.)
10. Bergson, A. *Opyt o neposredstvennyh dannyh soznaniya. Materija i pamyat* [Time and Free Will. Matter and Memory]. *Sobr. soch., tom 1* [Collected Works, Vol. 1]. Moscow, Moskovskij klub Publ., 1992. (In Russ.)
11. Nabokov, V.V. *Russkij period. Sobranie sochinenij v 5 tomah. Tom 4. Dar. Priglasenie na kazn. Rasskazy* [Russian Period. Collected Works in 5 Volumes. Vol. 4. The Gift. Invitation of Beheading. Stories].

- St. Petersburg, Simpozium Publ., 2002. 785 p. (In Russ.)
12. Levin, Ju.I. *Izbrannye trudy. Poetika. Semiotika* [Selected Works. Poetics. Semiotics]. Moscow, Jazyki russkoj kultury Publ., 1998. 824 p. (In Russ.)
13. Dolinin, A.A. *Istinnaja zhizn pisatelja Sirina: Raboty o Nabokove* [Real Life of a Writer Sirin. Works about Nabokov]. St. Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2004. 400 p. (In Russ.)
14. Berezhnov, D.A. *Tehnika "potoka soznanija": bergsonianskoe istolkovanie psihologii v proze V. Nabokova* ["Stream of Consciousness": Bergsonian Interpretation of the Psyche in the Prose of V. Nabokov]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Filologija. Zhurnalistika* [Bulletin of the Saratov University. New Series. Series: Philology, Journalism]. 2022, Vol. 22, No. 1, pp. 99–104. (In Russ.)

*Дата поступления материала в редакцию: 21 июля 2022 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 1 августа 2022 г.
Статья принята к публикации: 31 августа 2022 г.
Дата публикации: 31 октября 2022 г.*

*Received by Editor on July 21, 2022
Revised on August 1, 2022
Accepted on August 31, 2022
Date of publication: October 31, 2022*

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800022746-6

О развитии абстрактной семантики: глаголы ‘делать’ в диахронической перспективе

© 2022 г. Т. И. Резникова

Кандидат филологических наук,
доцент Национального исследовательского университета
“Высшая школа экономики”,
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
treznikova@hse.ru

Резюме. В статье на примере развития лексем со значением ‘делать’ в германских, славянских, тюркских, семитских и некоторых других языках прослеживается процесс семантической генерализации. Эта эволюция включает переход от обозначения действий по созданию конкретных объектов (ср. ‘готовить еду’) через семантику любого креативного действия (ср. англ. *make*) к значению предельного действия, не ведущего к появлению нового объекта, и – далее – любой неопределяемой контролируемой деятельностью. Специфика такой эволюции состоит в сложном взаимодействии метонимических и метафорических механизмов, участвующих в становлении семантики абстрактных глаголов.

Благодарность. Статья подготовлена по результатам проекта “Лексический анализ библейских текстов в типологической перспективе” при поддержке фонда “Гуманитарные исследования” ФГН НИУ “Высшая школа экономики” в 2022 году. Автор глубоко признателен всем участникам проекта, и прежде всего Марии Беловой, за обсуждение семитского языкового материала.

Ключевые слова: абстрактные глаголы, семантическая генерализация, семантический сдвиг, глагол ‘делать’.

Для цитирования: Резникова Т.И. О развитии абстрактной семантики: глаголы ‘делать’ в диахронической перспективе // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 5. С. 48–56. DOI: 10.31857/S160578800022746-6

On the Development of an Abstract Meaning: Verbs of Doing and Making in a Diachronic Perspective

© 2022 Tatiana I. Reznikova

Cand. Sci. (Philol.),
Associate Professor at the HSE University,
20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russia
treznikova@hse.ru

Abstract. The paper discusses the process of semantic generalization, i.e. semantic evolution from a more concrete to a more abstract meaning. We focus on the development of verbs of doing as evidenced by available etymological data of Germanic, Slavic, Turkic, Semitic and some other languages. The general line of this development goes from the idea of creating a certain type of objects (cf. ‘cook’) via a more general meaning of any action that results in creation of a new entity (cf. Engl. *make*) to the expression of any telic action and then to a verb of any (including atelic) agentive activity. This evolution is challenging from a theoretical standpoint since it exhibits a complex interaction between metonymic and metaphorical mechanisms of semantic change.

Acknowledgements. This work was supported by the Humanitarian Research Foundation of the Faculty of Humanities, HSE University in 2022, Project “Lexical analysis of biblical texts in a typological perspective”. The author is deeply grateful to all the project participants, and especially to Maria Belova, for the discussion of the Semitic data.

Key words: abstract verbs, semantic generalization, semantic shift, verbs of doing, verbs of making.

For citation: Reznikova, T.I. *O razvitii abstraktnoj semantiki: glagoly ‘delat’ v diahronicheskoj perspektive* [On the Development of an Abstract Meaning: Verbs of Doing and Making in a Diachronic Perspective]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 5, pp. 48–56. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800022746-6

1. Генерализация и специализация в истории лексики

Основным двигателем диахронических изменений на лексическом уровне обычно признается метафора. Показательно, например, что Каталог семантических переходов — одна из крупнейших типологических коллекций регулярно воспроизводимых изменений в лексике — содержит прежде всего случаи метафорических переносов (см. datsemshift.ru, а также [1]–[2]). Метафору часто относят к базовым механизмам семантического сдвига и при грамматикализации — по крайней мере на ее ранних этапах (см. [3]).

Конечно, другие типы семантических переходов тоже обсуждаются в исторической лингвистике. Начиная с классических работ в этой области (см., например, [4]–[6]), среди основных видов изменений, затрагивающих лексику, называются расширение (генерализация) и сужение (специализация) значения. Генерализация предполагает движение вверх по таксономическому дереву: гипоним расширяет свою семантику до гиперонима. Специализация соответствует обратному процессу — вниз по таксономическому дереву, т.е. от гиперонима к гипониму. Вполне ожидаемо, что эти переходы иллюстрируются примерами из области предметной лексики, где гипо-гиперонимические отношения прослеживаются лучше всего, ср. переходящие из работы в работу случаи, с одной стороны, сужения: англ. *deer* ‘дикое животное’ → ‘олень’, англ. *hound* ‘собака (любой породы)’ → ‘гончая’, а с другой — расширения: немецк. *Tier* ‘дикое животное’ → ‘любое животное’, ср. здесь также многочисленные переносы названий брендов на любую продукцию, аналогичную выпускаемой этим брендом (как *Xerox* ‘фирма, производящая копировальные аппараты, и сам аппарат этой фирмы’ → ‘любой копировальный аппарат’).

За пределами предметной лексики гипо-гиперонимические связи выявляются гораздо менее четко. Между тем, очевидно, что переходы между единицами более узкой и более широкой семантики не ограничиваются конкретными именами.

В настоящей работе мы обсудим изменения значений такого рода на материале глагольной лексики.

Нас будет интересовать развитие абстрактных глаголов. “Абстрактными” называют глаголы, которые не задают конкретного зрительного образа описываемых ситуаций (см. [7]–[8]). Этим они отличаются от глаголов типа *бежать*, *причесывать*, *висеть*, *дрожать*: в случае последних мы легко можем представить себе действие или состояние, которое выражает та или иная лексема. Напротив, глаголы *начинать* или *исправлять* не ассоциируются с определенной “картинкой”: субъекты этих глаголов могут совершать очень разные действия и тем не менее не выходят за рамки ситуаций ‘начинать’ или ‘исправлять’. К числу таких абстрактных глаголов, безусловно, относятся и лексемы с семантикой ‘делать’. На их примере мы проследим, как появляются предикаты с абстрактным значением и из каких источников они развиваются.

Прежде чем перейти к обсуждению семантических источников, обратим внимание, что переводными аналогами для русского *делать* в других языках могут выступать сразу несколько глаголов. Наиболее очевидный случай такого рода — это английские лексемы *make* и *do*. В терминах фреймового подхода (см. [9]) английское противопоставление свидетельствует о том, что в зоне ‘делать’ выделяется по крайней мере два фрейма. Речь может идти о создании нового объекта в процессе действия (креативный фрейм) или о действиях с уже существующим объектом (фрейм обработки). В русском эти ситуации коллектифицируются, т.е. описываются одной и той же лексемой (ср. термин “коллектификация” в [10]). Аналогичное совмещение имеет место, например, во французском (*faire*), персидском (*kardan*), грузинском (*keteba*), агульском (*aq’as*). В английском же два фрейма разведены по разным лексемам: *make* задает креативные ситуации (ср. *make tea* ‘заваривать чай’, *make a copy* ‘делать копию’), а *do* — ситуации обработки (ср. *do the room* ‘убирать

комнату', *do the museum* 'осматривать музей'). Аналогичное противопоставление характерно для корейского, где *mantulta* соответствует креативным контекстам (*osul mantulta* 'шить платье'), а *hata* предполагает обработку объекта (*ku ilul hata* 'выполнить эту работу').

Далее мы отдельно рассмотрим процессы развития семантики для креативного действия и для действия по обработке объекта, хотя в ходе изложения мы убедимся, что эти процессы в значительной степени связаны друг с другом.

2. Семантика креативного действия

Если представлять абстрактность глагола как градуируемое свойство, то креативное 'делать', видимо, будет обладать им в меньшей степени, чем 'делать' обработки. Действительно, в случае креативного фрейма до некоторой степени специфицирован результат — появление нового объекта, тогда как обработка не предопределяет каких-либо характеристик действия. Несмотря на чуть "меньшую" абстрактность, есть основания полагать, что креативное 'делать' должно развиваться не посредством сужения семантики более абстрактных лексем, а как результат расширения глаголов с более конкретным значением.

Такое предположение позволяют сделать исследования семантических зон 'искать' (см. [11]) и 'прятать' [12]. Хотя эти поля значительно уступают креативному 'делать' по степени абстрактности, соответствующие им глаголы тоже часто недоспецифицированы — прежде всего по способу действия. Этого уровня абстрактности "хватает" для того, чтобы источниками для глаголов поиска и прятания выступали лексемы с более конкретным значением. Эти глаголы указывают на возможный способ действия, ср. 'ходить', 'нюхать', 'щупать' как источники для 'искать', а также 'покрывать', 'маскировать' как источники для 'прятать'.

Таким образом, в случае креативного 'делать' тем более можно ожидать развитие из глаголов с более конкретной семантикой. На материале лексем, для которых доступны этимологические данные, проследим, какие именно ситуации служат основой для обобщенного значения создания объекта.

К глаголам с хорошо зафиксированной историей относится английский *make* и, соответственно, его немецкий когнат *machen*. Они восходят к форме **makon* — западногерманскому образованию от прагерманского существительного **maka*. Исследователи расходятся в определении изначально

присущего глаголу значения, восстанавливая для него следующие смыслы: 'месить, замешивать (тесто, глину)', 'готовить (еду)', 'строить', 'соединять, связывать' (подробнее см. [13, с. 25–26]).

Очевидно, однако, что указанные смыслы не противоречат друг другу, а отражают семантическую эволюцию глагола от более частного к более общим значениям. Если наиболее конкретный смысл 'месить, замешивать (тесто, глину)' принять за изначальный, то в результате метонимического переноса из него, с одной стороны, развилось значение 'готовить еду' (<'месить тесто'), с другой — 'строить дом' (<'замешивать глину'). В то же время обобщение смысла 'месить, замешивать' (с целью создать что-л.) привело к возникновению более абстрактной семантики 'соединять' (с целью создать что-л.). В результате этого перехода устраняется присутствующее в значении 'месить, замешивать' представление о движениях, сопутствующих действию, и его результате ('густая однородная масса'). Значение 'соединять' характерно, например, для глагола (*gi*)*machon* в древневерхненемецких памятниках VIII–IX вв. (см. [13, с. 29–42]).

В ходе дальнейшего развития несущественным становится то, какое именно действие приводит к созданию чего-л., глагол получает обобщенное значение 'готовить, создавать, производить'. Любопытно, что наиболее ранние свидетельства нового значения встречаются в памятниках, происходящих из Франконии (см. [14]), и в памятниках именно этого региона рассматриваемый глагол впервые фиксируется в грамматической функции [13, с. 67].

В целом становление креативного значения у глагола *make* можно считать случаем семантического расширения в глагольной лексике: создание объектов определенного типа распространилось на создание любого объекта. Вместе с тем, по-видимому, не любое действие, приводящее к появлению новой сущности, может развить общее креативное значение. В случае предметной лексики подобные ограничения обсуждались в терминах прототипа. Отмечалось, что потенциал к расширению имеют прежде всего прототипические представители категории, т.е., например, только существительное, называющее прототипическую породу собак, может становиться общим обозначением собаки (см. [15]–[17]).

Для глаголов механизм сдвига оказывается сложнее. Он задействует, во-первых, метонимическое преобразование, при котором ситуация, описывающая одно звено в последовательности действий, связанных общей целью,

распространяется на всю последовательность (ср. ‘месить тесто’ → ‘готовить’, ‘соединять компоненты’ → ‘создавать’). Во-вторых, это новое значение охватывает не только ситуации, включающие исходное действие, но и любые ситуации с аналогичной целью (т.е. семантика ‘готовить (еду)’ покрывает не только изготовление изделий из теста, но и создание любой еды, в том числе и не требующей замешивания теста). Наконец, имеет место процесс, который можно было бы назвать “схематизацией”, когда из конкретного действия вычленяется абстрактная схема, объединяющая это действие с целым рядом других, и все ситуации, укладывающиеся в эту схему, включаются в сферу покрытия лексемы (‘месить тесто’ → ‘соединять компоненты’).

Если расширение одного этапа на всю последовательность, как мы говорили, сходится с традиционным представлением о метонимии по модели ‘часть’ → ‘целое’, то схематизацию можно сблизить скорее с метафорой. Действительно, в основе метафоры часто лежит некоторая абстрактная идея, которая и служит базой для сдвига. Так, многие метафоры глаголов падения опираются на представление о том, что субъект в результате перемещения начинает находиться в новом месте (см. [18]); ср. также в этой связи идею родового пространства в теории концептуального блендинга [19]. Таким образом, семантическая эволюция западногерманского **makon* показывает, что генерализация значения в глагольной лексике подразумевает сложное взаимодействие метонимических и метафорических механизмов семантического сдвига.

Мы видели, что развитие **makon* можно условно разделить на два этапа: (1) от конкретного действия к более абстрактному ‘соединять’ и (2) от ‘соединять’ к ‘создавать’. Первый этап как более ранний в большинстве случаев не удается восстановить в истории современных глаголов ‘делать’, но второй засвидетельствован в целом ряде генетически далеких языков. Так, к общетюркскому корню **taŋ-* ‘соединять, связывать’ возводят чувашский глагол *tu-*, среди современных значений которого к наиболее ранним относится семантика производящей деятельности (см. [20]). Грузинский глагол *keteba* ‘делать’ восходит к картвельскому корню **ket-* ‘добавлять, соединять’ [21, с. 88].

Интересно, что и в русском можно найти косвенное подтверждение аналогичного развития. Нейтральной видовой парой для глагола *делать* является дериват с приставкой *с-*. При этом одно из значений префикса *с(о)-* — это ‘соединение

объектов’, ср. *склеить, соединить, собрать*. Можно предположить, что это же значение приставка имела и в глаголах *sътворити, съдѣјати, съдѣлати* в древнерусском. С учетом эффекта Вея—Схоневелда (см. тж. [22]–[23]) это должно означать, что семантика бесприставочных глаголов *творити, дѣјати, дѣлати* на некотором этапе их семантической эволюции включала идею соединения. Соответственно, значение префикса было “поглощено” значением корня, так что пары *творити-сътворити, дѣјати-съдѣјати, дѣлати-съдѣлати* стали восприниматься как чисто видовые (отметим, что в памятниках все три глагола отражают сходное значение — ‘создавать, производить, причинять’ [24]). Следы более ранней семантики, связанной с идеей соединения, можно обнаружить в словосочетании *дѣјати вѣче* (‘собирать вече’), многократно встречающемся в Ипатьевской летописи и в Московском летописном своде [24, с. 131].

Таким образом, переход от ‘соединять’ к креативному ‘делать’, характерный для западногерманского **makon*, воспроизводится и в некоторых других языках. Интересно, что косвенное свидетельство перехода от семантики конкретной производящей деятельности (в частности, замешивания теста) к обозначению любого созидательного действия имеется и в библейских текстах. Так, древнееврейский глагол *‘āšā* встречается в Ветхом Завете главным образом в значении ‘делать’ (в том числе в креативном употреблении), но в отдельных случаях ему соответствует семантика ‘сжимать, мять (в руке)’ [25, 7360–7361]. При этом арабский когнат глагола *‘āšā – ġšū* — выражает значение ‘сжимать, месить’. Вполне возможно, что семантика конкретного действия в истории данного семитского корня предшествовала более абстрактному значению, тогда и здесь имел место переход от ‘месить’ к общему ‘делать’.

Предшествовать семантике креативного действия, судя по доступным этимологическим данным, могут и другие значения, в частности ‘класть, ставить’ (соответственно, закладывать основу, создавать) (ср. индоевропейский корень **dʰē-*, от которого произошли немецкий глагол *tun* и английский *do*, ср. также русский глагол *дѣть*, этимологически связанный с *дѣлать* и восходящий к этому же корню); ‘резать, вырезать’ (соответственно, ‘придавать форму, формировать, создавать’) (ср. хинди *karnā*, персидск. *kardan* [26, с. 18]); ‘покрывать’ (такое значение восстанавливают для турецкого глагола *уар-* [20, с. 97]). В ходе эволюции все эти глаголы приобретают значение абстрактной деятельности, ведущей к созданию нового объекта.

Обратим внимание на одну деталь, которая может показаться противоречащей логике нашего обсуждения. Говоря о развитии семантики креативного 'делать', мы приводили источники для глаголов, во-первых, не ограничивающихся креативными контекстами (ср. русск. *делать*), а во-вторых, и вовсе не употребляющихся в значении создания нового объекта (англ. *do*). Однако эти глаголы появились в нашем изложении не случайно. Дело в том, что семантика обработки нередко становится следующим этапом развития креативного значения, т.е. и русский *делать*, и английский *do* приходили в поле 'делать' через креативный фрейм. Иными словами, семантическая эволюция глаголов не останавливается на этапе, синхронно представленном в английском *make*. Одним из типологически наиболее регулярных переходов является дальнейшая абстрактизация семантики производящей деятельности в сторону обозначения любого намеренно осуществляемого действия, т.е. распространение сферы покрытия глагола и на фрейм обработки.

3. Семантика обработки

Развитие значения обработки из семантики креативного действия отмечено, например, для древнерусского глагола *dělati*: до XV в. тексты отражают для него только значение 'производить (ремесленным способом), строить, сооружать', см. [24, с. 127]. Тот же процесс имел место в истории тюркских глаголов (чувашск. *tu-*, турецк. *et-*, *уар-*, см. [20]); амхарского (<эфиосемитские) глагола *adärrägä* [27, с. 219]; северногерманского глагола *gera/gerva*, см. [28]; западногерманских глаголов *tun*, *do*.

На начальном этапе данной эволюции идея создания конкретного нового объекта (дома, одежды, еды и т.д.) обобщается до возникновения нового признака, свойства, абстрактной сущности, что затем осмысливается как наличие некоторого (необязательно связанного с появлением чего-л. нового) результата действия. В дальнейшем представление о результате становится несущественным, тем самым глагол начинает использоваться для обозначения активной, намеренно и осознанно осуществляемой деятельности любого рода. Описанное развитие можно представить в виде следующих этапов:

(1) креативность → предельность → неопределенность

Последующая абстрактизация может привести к выражению при помощи глагола любой динамической ситуации, в том числе не предполагающей агентивного участника, однако в большинстве случаев это означает выход глагола из сферы

лексического в сферу грамматического, что подтверждается параллельным развитием ряда грамматикализационных процессов на морфосинтаксическом и фонетическом уровнях (подробнее о путях грамматикализации глаголов со значением 'делать' см. [29]–[32]).

С точки зрения этапов в (1) показательное соотношение двух пар когнатов из английского и немецкого языков — англ. *do* / нем. *tun* и англ. *make* / нем. *machen*. Если в английском, как мы обсуждали, *make* отличается от *do* наличием объекта, создаваемого в процессе действия, то в немецком противопоставление основано на признаке предельности: *machen* описывает предельное действие, а *tun* — неопределенное, ср.:

(2) *Er macht diese Arbeit gerne*. 'Он с удовольствием выполнит эту работу'.

(3) *Er tut seine Arbeit gerne*. 'Он с удовольствием занимается своей работой'.

Таким образом, различие между системами проявляется в предельных ситуациях обработки: английский использует в этой зоне *do*, а немецкий — *machen*. Соотношение глаголов можно представить в виде таблицы:

Таблица 1. Семантика английских и немецких глаголов поля 'делать'

	предельный процесс		неопределенный процесс
	создание объекта	обработка	
англ.	<i>make</i>	<i>do</i>	<i>do</i>
нем.	<i>machen</i>	<i>machen</i>	<i>tun</i>

Расхождение систем связано с разными стадиями семантической эволюции глаголов. Глаголы, восходящие к индоевропейскому корню **d^hē-* (*do* и *tun*), являются более древними, этот корень представлен в большинстве индоевропейских языков (см. [33, с. 117–119], ср. также восстанавливаемое для него в праиндоевропейском значение 'ставить, класть', характеризующееся довольно высокой степенью абстракции). Соответственно, этот глагол на более раннем этапе развития языка приобретает значение производящей, созидательной деятельности, которое затем эволюционирует в обобщенную семантику действия (ср. [34, с. 361–363]; [35, с. 256]).

Глагол, восходящий к германскому **makon*, является в языке относительно поздно, он представлен только в западногерманских языках и, как отмечалось, имеет изначально конкретное значение 'месить, замешивать (тесто, глину)'. Развиваясь в сторону более абстрактного значения,

пройдя через семантическую стадию ‘соединять’, он приобретает значение производящей деятельности, расширяет свои сочетаемостные возможности и, по всей вероятности, постепенно вытесняет в креативном употреблении глаголы, восходящие к корню **d^hē*. Так, в древневерхне-немецком этот переход осуществляется к началу XI в. (см. [13, с. 26]). В ходе дальнейшей эволюции глаголы, генетически связанные с **makon*, демонстрируют тенденцию к расширению своего семантического потенциала, в результате чего они начинают заменять более древние глаголы со значением ‘делать’ и в других контекстах. Если в английском употребление *make* как самостоятельной лексической единицы ограничено креативными контекстами, то в немецком, как видно из Таблицы 1, семантическая эволюция глагола *machen* зашла дальше: он используется для обозначения любого предельного действия, сузив тем самым семантический потенциал глагола *tun*. В контекстах, для которых еще в начале XIX в. характерно употребление *tun*, в современном языке допустимо только *machen*. Ср., например, у Шиллера [36, с. 556]:

(4) *Die Dänen taten den Angriff mit vieler Tapferkeit.*

‘Датчане совершили отважное нападение (букв. сделали нападение) с большой отвагой’,

В современном немецком в сочетании со словом *Angriff* ‘нападение’ употребляется только глагол *machen*.

Итак, на примере двух западногерманских языков мы показали разные этапы семантической эволюции глаголов от обозначения действия абстрактного, но связанного с идеей создания объекта, до выражения идеи активной деятельности в ее наиболее обобщенном виде.

Сходные процессы, видимо, можно наблюдать и в истории тюркских языков. Здесь имеется по крайней мере три глагола со значением ‘делать’ (*qyl-*, *et-*, *uap-*), функции которых распределены различным образом в отдельных языках. Общая тенденция связана с вытеснением наиболее древнего из трех глаголов — глагола *qyl-* — лексемой *et-*, которая затем в свою очередь вытесняется глаголом *uap-*. Различные языки находятся на разной стадии данной эволюции. Так, в современном турецком языке лексема *qyl-* вышла из употребления, а глагол *uap-* постепенно вытесняет *et-* (последний может использоваться, как правило, для обозначения неопределенных ситуаций).

Выше речь шла о развитии, которое постепенно приводит глаголы с креативной семантикой к значению неопределенного ‘делать’. Однако

глаголы общего действия с неопределенной семантикой могут развиваться и из обозначений более конкретных неопределенных ситуаций, например, ‘работать’ (ср. польск. *robić*, арамейск. *‘bd* [25, 6700, 10934]), ‘идти/перемещаться’ (ср. исландск. *fara*, китайск. *hsing* [26, с. 18], ср. также русск. *поступить*).

4. Заключение

Материал языков с доступными этимологическими данными позволяет в общих чертах восстановить процесс развития глаголов абстрактного действия. Основная линия эволюции, судя по нашему материалу, связана с последовательным переходом от обозначения действий по созданию конкретных объектов (этот этап находится еще за пределами семантического поля ‘делать’), через семантику любого креативного действия (здесь уже глагол попадает в зону ‘делать’), к значению предельного действия, не ведущего к появлению нового объекта, и — далее — любой неопределенной контролируемой деятельности. В ходе развития лексема может накапливать все “промежуточные” значения и оставаться доминантным глаголом поля, как *делать* в русском. Но возможен и другой сценарий эволюции: по мере того, как глагол продвигается в сторону все более абстрактной семантики, в языке могут появляться новые глаголы, “вытесняющие” его из более конкретных областей поля ‘делать’. Такое развитие мы наблюдали для западногерманских когнатов, восходящих к **d^hē* и **makon*.

В теоретическом отношении описанные переходы представляют случаи семантической генерализации. Как мы отмечали, расширение значения обычно иллюстрируется примерами из предметной лексики. Глагольный материал до некоторой степени обнаруживает параллели с именным: в ряде случаев и наши данные можно связать с понятием прототипа. Так, по всей вероятности, представление о прототипическом действии связано с идеей его материального результата, т.е. с возникновением в ходе действия нового объекта. Поэтому сдвиг от креативного фрейма к значению любой агентивной деятельности, как и в случае предметной лексики, можно трактовать как переход лексем от обозначения прототипического представителя категории к обозначению категории в целом. В то же время отсутствие четких гипо-гиперонимических связей в глагольной лексике существенно усложняет “механику” таких переходов: как мы видели на примере эволюции **makon*, абстрактное значение является результатом сложного взаимодействия

метонимических и метафорических преобразований исходной семантики. Дальнейшее исследование абстрактных глаголов и их типологических источников позволит точнее понять природу семантической генерализации в языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект создания “Каталога семантических переходов” // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 13–25.
2. Zalizniak Anna A., Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Russo M. The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology // Linguistics. 2012, № 50 (3). Pp. 633–669.
3. Heine B., Claudi U., Hünnemeyer F. Grammaticalization: a conceptual framework. Chicago: University of Chicago Press, 1991.
4. Paul H. Prinzipien der Sprachgeschichte. Tübingen: Niemeyer, 1880.
5. Bréal M. Essai de sémantique: Science des significations. Paris: Hachette, 1897.
6. Ullmann S. Grundzüge der Semantik. Die Bedeutung in sprachwissenschaftlicher Sicht. Berlin: Walter de Gruyter, 1967.
7. Плузган В.А., Рахилина Е.В. Сирконстанты в толковании? // Z. Saloni (red.), Metody formalne w opisie języków słowiańskich. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 1990. Pp. 201–210.
8. Плузган В.А., Рахилина Е.В. Тушат-тушат — не потушат: грамматика одной глагольной конструкции // Е.В. Рахилина (ред.). Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010. С. 83–94.
9. Рахилина Е.В., Резникова Т.И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 3–31.
10. François A. Semantic maps and the typology of colexification: Intertwining polysemous networks across languages // M. Vanhove (ed.), From Polysemy to Semantic Change. Towards a Typology of Lexical Semantic Associations. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2008. Pp. 163–215.
11. Рыжова Д.А., Добрушина Н.Р., Бонч-Осмоловская А.А., Выренкова А.С., Кюсева М.В., Орехов Б.В., Резникова Т.И. (ред.). Еврика! Сборник статей о поисках и находках к юбилею Е.В. Рахилиной. М.: Лабиринт, 2018.
12. Резникова Т.И. Глаголы прятания: типология систем // Вопросы языкознания. 2022. № 4. С. 66–94.
13. Weiss E. *Tun: machen*: Bezeichnungen für die kausative und die periphrastische Funktion im Deutschen bis um 1400. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1956.
14. Frings Th. Grundlegung einer Geschichte der deutschen Sprache. Halle (Saale): Max Niemeyer, 1950. 2. Auflage.
15. Geeraerts D. Polysemy and prototypicality. On Georges Kleiber, La sémantique du prototype // Cognitive Linguistics 1992, № 3. Pp. 219–231.
16. Koch P. Der Beitrag der Prototypentheorie zur Historischen Semantik: Eine kritische Bestandsaufnahme // Romanistisches Jahrbuch 1995, № 46. S. 27–46.
17. Blank A. Prinzipien des lexikalischen Bedeutungswandels am Beispiel der romanischen Sprachen. Berlin, Boston: De Gruyter, 1997.
18. Рахилина Е.В., Резникова Т.И., Рыжова Д.А. Типология метафор падения // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Т. 16 (1). С. 64–112.
19. Fauconnier G., Turner M. The Way We Think. Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York: Basic Books, 2002.
20. Meyer I.R. Das Funktionsverb “tun” im Wolgabolgarisch-Čuwašischen // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae 1988, B. XLII (1). S. 93–110.
21. Klimov G.A. Etymological Dictionary of the Kartvelian Languages (Trends in Linguistics, Documentation 16). Berlin, New York: Mouton De Gruyter, 1998.
22. Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Языки русской культуры, 1998.
23. Janda L. Russian prefixes as a verb classifier system // Вопросы языкознания. 2012. № 6. С. 3–47.
24. Bräuer H. “Tun” und “machen” im Altkirchenslavischen und Altrussischen // Orbis scriptus. Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag. München: Wilhelm Fink, 1966. S. 125–134.
25. Koehler L., Baumgartner W., Stamm J.J. The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament. Leiden: Brill, 1994–2000.
26. Yoshioka G.-I. A semantic study of the verbs of doing and making in the Indo-European languages. Tokyo: Tsukiji type foundry, 1908.
27. Leslau W. Etymological dictionary of Gurage (Ethiopic). Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1979.
28. Kabell A. Über einige Verba für “tun” in den germanischen Sprachen // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1973, № 87. S. 26–35.
29. van der Auwera J. Periphrastic ‘do’: Typological prolegomena // G.A.J. Tops, B. Devriendt, S. Geukens (eds.). Thinking English grammar: To honour Xavier Dekeyser, professor emeritus. Leuven: Peeters, 1999. Pp. 457–470.
30. Резникова Т.И. Грамматикализация конструкций с глаголом ДЕЛАТЬ: типология и семантика. Дис. ... канд. филол. наук. М., МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003.

31. Jäger A. Typology of periphrastic do-constructions (Diversitas Linguarum 12). Bochum: Brockmeyer, 2006.
32. Jäger A. Grammaticalization paths of *periphrastic do-constructions* // Studies van de BKL/Travaux du CBL/Papers of the LSB 2007. URL: <https://sites.uclouvain.be/bkl-cbl/wp-content/uploads/2014/08/jag2007.pdf>
33. Rix H. (ed.), *Lexicon der Indogermanischen Verben*. Wiesbaden: Ludwig Reichert, 1998.
34. Behaghel O. *Deutsche Syntax: eine geschichtliche Darstellung*. Bd. II. Die Wortklassen und Wortformen. Heidelberg: Winter, 1924.
35. Denison D. *English historical syntax: Verbal constructions*. London, New York: Longman, 1993.
36. Paul H. *Deutsches Wörterbuch*. Halle (Saale): Max Niemeyer, 1935. 4. Auflage (bearb. von K. Euling).

REFERENCES

1. Zaluzniak, Anna A. *Semantičeskaja derivatsija v sinhronii i diahronii: proekt sozdanija "Kataloga semantičeskikh perehodov"* [Semantic Derivation in Synchrony and Diachrony: a Project of "The Catalogue of Semantic Shifts"]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 2001, No. 2, pp. 13–25. (In Russ.)
2. Zaluzniak, Anna A., Bulakh, M., Ganenkov, D., Gruntov, I., Maisak, T., Russo, M. The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology. *Linguistics*. 2012, No. 50 (3), pp. 633–669. (In Engl.)
3. Heine, B., Claudi, U., Hünnemeyer, F. *Grammaticalization: a conceptual framework*. Chicago, University of Chicago Press, 1991. (In Engl.)
4. Paul, H. *Prinzipien der Sprachgeschichte*. Tübingen, Niemeyer, 1880. (In Engl.)
5. Bréal, M. *Essai de sémantique: Science des significations*. Paris, Hachette, 1897. (In Fr.)
6. Ullmann, S. *Grundzüge der Semantik. Die Bedeutung in sprachwissenschaftlicher Sicht*. Berlin, Walter de Gruyter, 1967. (In Germ.)
7. Plungian, V.A., Rakhilina, E.V. *Sirkonstanty v tolkovanii?* [Adjuncts in a Lexicographic Description?]. Z. Saloni (ed.), *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. Białystok, Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 1990, pp. 201–210. (In Russ.)
8. Plungian, V.A., Rakhilina, E.V. *Tushat-tushat — ne potushat: grammatika odnoj glagolnoj konstruktsii* [Verb Doubling in Russian: The Grammar of a Verbal Construction]. E.V. Rakhilina (ed.), *Lingvistika konstruktsij* [Construction Linguistics]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010, pp. 83–94. (In Russ.)
9. Rakhilina, E.V., Reznikova, T.I. *Frejmovyj podhod k leksicheskoj tipologii* [A Frame-Based Approach for Lexical Typology]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 2013, No. 2, pp. 3–31. (In Russ.)
10. François, A. Semantic maps and the typology of colexification: Intertwining polysemous networks across languages. M. Vanhove (ed.), *From Polysemy to Semantic Change. Towards a Typology of Lexical Semantic Associations*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, 2008, pp. 163–215. (In Engl.)
11. Ryzhova, D.A., Dobrushina, N.R., Bonch-Osmolovskaya, A.A., Vyrenkova, A.S., Kyuseva, M.V., Orekhov, B.V., Reznikova, T.I. (eds.) *EVRika! Sbornik statej o poiskah i nahodkah k jubileju E.V. Rakhilinoj* [Collected Papers on Searching and Finding in Honour of E.V. Rakhilina]. Moscow, Labirint Publ., 2018. (In Russ.)
12. Reznikova, T.I. *Glagoly prjatanija: tipologija sistem* [Verbs of Hiding: A typology of Systems]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 2022, No. 4, pp. 66–94. (In Russ.)
13. Weiss, E. *Tun: machen: Bezeichnungen für die kausative und die periphrastische Funktion im Deutschen bis um 1400*. Stockholm, Almqvist & Wiksell, 1956. (In Germ.)
14. Frings, Th. *Grundlegung einer Geschichte der deutschen Sprache*. Halle (Saale), Max Niemeyer, 1950. 2. Auflage. (In Germ.)
15. Geeraerts, D. Polysemy and prototypicality. On Georges Kleiber, *La sémantique du prototype*. *Cognitive Linguistics*. 1992, No. 3, pp. 219–231. (In Engl.)
16. Koch, P. *Der Beitrag der Prototypentheorie zur Historischen Semantik: Eine kritische Bestandsaufnahme*. *Romanistisches Jahrbuch*. 1995, No. 46, S. 27–46. (In Germ.)
17. Blank, A. *Prinzipien des lexikalischen Bedeutungswandels am Beispiel der romanischen Sprachen*. Berlin, Boston, De Gruyter, 1997. (In Germ.)
18. Rakhilina, E.V., Reznikova, T.I., Ryzhova, D.A. *Tipologija metafor padenija* [The Metaphors of Falling]. *Acta Linguistica Petropolitana* 2020, Vol. 16 (1), pp. 64–112. (In Russ.)
19. Fauconnier, G., Turner, M. *The Way We Think. Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York, Basic Books, 2002. (In Engl.)
20. Meyer, I.R. *Das Funktionsverb "tun" im Wolgabolgarisch-Čuwašischen*. *Acta Orientaliae Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1988, B. XLII(1), S. 93–110. (In Germ.)
21. Klimov, G.A. *Etymological Dictionary of the Kartvelian Languages (Trends in Linguistics, Documentation 16)*. Berlin, New York, Mouton De Gruyter, 1998. (In Engl.)
22. Krongauz, M.A. *Pristavki i glagoly v russkom jazyke: semantičeskaja grammatika* [Prefixes and Verbs in

- Russian: a Semantic Grammar]. Moscow, Jazyki russkoj kultury Publ., 1998. (In Russ.)
23. Janda, L. Russian prefixes as a verb classifier system. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 2012, No. 6, pp. 3–47. (In Engl.)
 24. Bräuer, H. “Tun” und “machen” im Altkirchenslavischen und Altrussischen. *Orbis scriptus. Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag. München, Wilhelm Fink, 1966, S. 125–134. (In Germ.)*
 25. Koehler, L., Baumgartner, W., Stamm, J.J. *The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament. Leiden, Brill, 1994–2000. (In Engl.)*
 26. Yoshioka, G.-I. *A semantic study of the verbs of doing and making in the Indo-European languages. Tokyo, Tsukiji type foundry, 1908. (In Engl.)*
 27. Leslau, W. *Etymological dictionary of Gurage (Ethiopic). Wiesbaden, O. Harrassowitz, 1979. (In Engl.)*
 28. Kabell, A. *Über einige Verba für „tun“ in den germanischen Sprachen. Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1973, No. 87, S. 26–35. (In Germ.)*
 29. Auwera van der, J. *Periphrastic ‘do’: Typological prolegomena. G.A.J. Tops, B. Devriendt, S. Geukens (eds.) Thinking English grammar: To honour Xavier Dekeyser, professor emeritus. Leuven, Peeters, 1999, pp. 457–470. (In Engl.)*
 30. Reznikova, T.I. *Grammatikalizatsija konstruksij s glagolom DELAT’: tipologija i semantika* [Grammaticalization of Constructions Featuring a Verb of Doing: Typology and Semantics]. PhD dissertation. Moscow State University, 2003. (In Russ.)
 31. Jäger, A. *Typology of periphrastic do-constructions (Diversitas Linguarum 12). Bochum, Brockmeyer, 2006. (In Engl.)*
 32. Jäger, A. *Grammaticalization paths of periphrastic do-constructions. Studies van de BKL. Travaux du CBL. Papers of the LSB 2007. URL: <https://sites.uclouvain.be/bkl-cbl/wp-content/uploads/2014/08/jag2007.pdf> (In Engl.)*
 33. Rix, H. (ed.), *Lexicon der Indogermanischen Verben. Wiesbaden, Ludwig Reichert, 1998. (In Germ.)*
 34. Behaghel, O. *Deutsche Syntax: eine geschichtliche Darstellung. Bd. II. Die Wortklassen und Wortformen. Heidelberg, Winter, 1924. (In Germ.)*
 35. Denison, D. *English historical syntax: Verbal constructions. London, New York, Longman, 1993. (In Engl.)*
 36. Paul, H. *Deutsches Wörterbuch. Halle (Saale): Max Niemeyer, 1935. 4. Auflage (bearb. von K. Euling). (In Germ.)*

Дата поступления материала в редакцию: 19 июня 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 21 июля 2022 г.

Статья принята к публикации: 31 августа 2022 г.

Дата публикации: 31 октября 2022 г.

Received by Editor on June 19, 2022

Revised on July 21, 2022

Accepted on August 31, 2022

Date of publication: October 31, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800022747-7

Осет. *myg* / *mugæ* ‘сперма’ и некоторые вопросы общеиранской и индоевропейской реконструкции

© 2022 г. Ю. А. Дзицойты

Кандидат филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой осетинской филологии и общего языкознания
Юго-Осетинского государственного университета им. А.А. Тибилова,
Республика Южная Осетия, 100001, Цхинвал, ул. Московская, д. 8
dzicc@mail.ru

© 2022 г. А. И. Фалилеев

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института лингвистических исследований РАН,
Россия, 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9
a.falileyev@gmail.com

Резюме. В статье предлагается новый подход к этимологии осет. *myg* / *mugæ* ‘сперма’ и уточняется предыстория производного от него *myggag* | *muggag* ‘семя’, ‘род’, ‘порода’. Изучение версий фрагмента Нартовского эпоса осетин, где слово употреблено единственный раз, позволило проследить стратегии его эвфемизации, что позволило по-иному взглянуть на первоначальную семантику лексемы. Осет. *myg* можно непротиворечиво возвести к общеиранскому продолжению и.-е. **teuk-* ‘развязать, сбросить’ (ср. лат. *mucus* ‘слизь’, гр. *μῦξα* ‘сопля’). Не исключена и возможность его происхождения из праиран. **mai-* : *mī-* со значениями ‘быть влажным, увлажнять’ и ‘двигать(ся), удалять(ся), отодвигать(ся)’. В работе эти праиранские глаголы семантически не дифференцируются, чему дается обоснование. К ним же можно возвести и осет. *myræg* ‘первый фильтрат, получаемый при варке пива’, в работе рассматриваются также и другие производные на **-ra-* от этого общеиранского глагола. Исследование показывает, что реконструкция скифск. **muka* ‘сперма’, ‘семя’, ‘порода’ на основании скифского антропонима Μουῦσαγος вызывает существенные сомнения, а традиционное использование исключительно иранских, и прежде всего осетинских, данных для интерпретации фракийских личных имен с начальным компонентом *musa-* представляется неуместным.

Ключевые слова: осетинский язык и фольклор, этимология, историческая лексикология, иранистика, индоевропеистика, праязыковая реконструкция.

Для цитирования: Дзицойты Ю.А., Фалилеев А.И. Осет. *myg* / *mugæ* ‘сперма’ и некоторые вопросы общеиранской и индоевропейской реконструкции // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 5. С. 57–73. DOI: 10.31857/S160578800022747-7

Ossetian *myg* / *mugæ* ‘Sperm’ and Some Aspects of Common Iranian and Indo-European Reconstruction

© 2022 Yuriy A. Dzitstsoity

Cand. Sci. (Philol.), Professor,
Head of the Department of Ossetian Philology and General Linguistics

at the A.A. Tibilov South Ossetian State University,
8 Moskovskaya Str., Tskhinval, 100001, Republic of South Ossetia
dzicc@mail.ru

© 2022 Alexander I. Falileyev

Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher of the Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences,
9 Tuchkov Lane, St. Petersburg, 199053, Russia
a.falileyev@gmail.com

Abstract. The article offers a new approach for the analysis of Ossetian *myg / mugæ* ‘sperm’ and comments on the pre-history of its derivative *myggag / muggag* ‘semen’, ‘genus’, etc. The undertaken study of various versions of the fragment of the Nart epic where the word *myg* is uniquely used allowed the authors to consider various strategies of its euphemisation, which was fruitful for defining its original meaning. Ossetian *myg* can be consistently traced back to the Common Iranian etymon going back to PIE **meuk-* ‘to release’, etc., cf. Lat. *mucus* ‘snot’, Greek μύξα ‘slime, mucus’. It is possible also to consider it among other words going back to Iranian **mau-* : *mū-* ‘to be wet, moisten’ and ‘move’: the paper does not differentiate between these two meanings, for which an explanation is provided. It is argued that Osset. *myræg* ‘first filtrate obtained by brewing the beer’ is the derivative in **-ra-* from this Iranian verb, and some other Ossetian and Iranian lexemes which belong (or might belong) here are also considered. The study questions the commonly accepted reconstruction of Scythian **muka* ‘sperm’, ‘semen’, ‘genus’ on the basis of the personal name Μουγισαγος, while traditional utilization of Ossetic lexemes for interpretation of Thracian anthroponyms with *muca-* is considered misleading.

Key words: Ossetian language and folklore, etymology, lexicology, comparative Iranian linguistics, Indo-European studies, linguistic reconstruction.

For citation: Dzitstsoity, Yu.A., Falileyev, A.I. *Oset. myg / mugæ ‘sperma’ i nekotorye voprosy obshcheiranskoj i indoevropejskoj rekonstrukcii* [Ossetian *myg / mugæ* ‘Sperm’ and Some Aspects of Common Iranian and Indo-European Reconstruction]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 5, pp. 57–73. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800022747-7

Введение

Сопоставление осет. *myg / mugæ* ‘сперма’ и производного от него *myggag / muggag* ‘семя’, ‘род’, ‘порода’ с лат. *mucus* ‘слизь’ и гр. μύξα ‘сопля’, ‘слизь’ мы находим уже в *Осетинских этюдах* В.Ф. Миллера, вышедших в 1882 г. [1, с. 96]¹. Это сопоставление — с некоторыми модификациями — остается общепринятым. Так, В.И. Абаев [4, с. 173] приводит его в сопряжении со скифск. Μουγισαγος, которое, согласно ему, соответствует (с перестановкой частей) ос. *sag-mugg-ag* ‘оленьей породы’; эта параллель учитывается не во всех работах исследователя (напр. [5, с. 27] и [3, Т. II, с. 137]). Однако в статье, посвященной происхождению осет. *sag* ‘олень’ [3, Т. III, с. 15] и собственно скифскому языку [6, с. 296], мы ее снова находим. В двух первых работах В.И. Абаева появляется ссылка на индоевропейское **meuk-* [7, S. 744] для

объяснения происхождения этих форм². Согласно В.И. Абаеву [5, с. 27], “[о]собая формальная и смысловая близость к латинскому позволяет видеть здесь специфическую скифо-латинскую изоглоссу”, и, ожидаемо, рассматриваемое сопоставление приводится в монографии, посвященной скифо-европейским изоглоссам. Сами же эти скифо-европейские изоглоссы определены В.И. Абаевым [5, с. 3] как сближения, в первую очередь — лексические, осетинского языка с и.-е. языками европейского ареала, где осетинский, “порывая с другими индоиранскими языками, смыкается с” германским, итальянским и т.д.

Анализ этой группы осетинских слов В.И. Абаевым предпринят в [10, Т. V, с. 300], где исключительно на их основании реконструируется

² Кельтские формы, которые В.И. Абаев здесь учитывает со ссылкой на работу Х. Вагнера [3, Т. II, с. 138 сн. 1], безусловно, имеют иную этимологию, см. [8]. Отметим также, что для Р. Бильмайера осетинское слово в целом остается неясным по происхождению [9, с. 198].

¹ Ср. также работу [2, с. 39], на которую ссылается словарная статья в ИЭСОЯ [3, Т. II, с. 137].

общеиранск. *³*mauk-* : *mūk* ‘слизь’³. В качестве *comparada* привлекаются уже приведенные Абаевым греческая и латинская (с добавлением *mūcar* ‘плесень’) лексемы, а также праслав. **muklivъ* ‘мокрый, влажный сырой’. Для последнего приводится ссылка на словарь Ю. Покорного [7, S. 744], а также [12, Т. XX, с. 179], где, однако, имеются и иные этимологические толкования праслав. формы. Согласно [10, Т. V, с. 300], эта общеиранская форма восходит к и.-е. **meuk-* ‘скользить, скользкий, слизистый, слизь, мокрота’, то есть к тому же и.-е. корню [7, S. 744]. Однако эти данные выделяются в отдельную словарную статью, а в качестве промежуточной реконструкции приводятся как арийск. **mauk-* : *mūk-*, так и *(s)*mauk-* : (s)*mūk-*. Необходимо обратить внимание и на то, что словарная статья, посвященная общеиранск. *³*mauk-* : *mūk* ‘слизь’, содержит следующую оговорку: “рефлексы надежно зафиксированы только в осетинском языке, поэтому отнесение данного корня к общеиранскому фонду и к праиранскому хронологическому уровню проблематично” [10, Т. V, с. 300]. Хотя в научной литературе уже было отмечено в отношении великолепного *Этимологического словаря иранских языков*, что “среди реконструированных общеиранских основ имеются и такие, которые основаны исключительно или преимущественно на осетинском материале” [13, с. 356], при анализе подобных случаев необходим выход за пределы иранистики, а иногда — и за пределы индо-иранистики. Последнее связано напрямую с концепцией скифо-европейских изоглосс, и, примечательно, многое из того осетинского материала, что раньше рассматривалось в этом ключе, сегодня, после существенных прорывов в иранской и индоевропейской этимологии, таковым уже не считается, и их следует отнести к исконно иранскому фонду. К примеру, осет. *arm* ‘рука’ сближалось исключительно с нем. *Arm* ‘id.’ и проч. [5, с. 30–31], однако праиран. **arma-* : *rma-* ‘рука’, к которому и восходит это слово, имеет надежные рефлексы в иранских языках [9, S. 109]; [10, Т. I, с. 225–226]; [14, с. 213]. Соавторы этой статьи планируют посвятить специальную работу этой проблеме. Здесь же мы рассмотрим только ставшее традиционным сопоставление осет. *myg / mugæ* ‘сперма’ (и *myggag | muggag* ‘семя’, и т.д.) с лат. *mūcus* ‘слизь’ и гр. μύξα ‘сопля’, ‘слизь’.

1. Осет. *myg / mugæ* ‘сперма’: данные

Удивительным образом в статье *Историко-этимологического словаря осетинского языка*, посвященной

осет. *myg / mugæ* ‘сперма’, В.И. Абаев не приводит, как обычно, примеров его употребления [3, Т. II, с. 137]. Причины тому очевидны — в связи с табуированностью этого слова мы вправе ожидать на его месте разнообразные перифразы, если оно не используется в научном (псевдонаучном) контексте, что частотно и ожидаемо в современном осетинском языке. Действительно, как сформулировала это И.Б. Качинская [15, с. 109], «[в] народной культуре все, что связано с “телесным низом”, может получать прямые названия, но может подвергается [так в тексте] эвфемизации». Что касается ранних использований этого осетинского слова (и его синонимов), то вполне естественно мы можем ожидать его аттестацию в осетинском Нартовском эпосе. Действительно, в сказании о рождении нарта Сослана (Созирико) встречается следующий сюжет, известный и по иноязычным версиям эпоса, и в текстах живущих далеко от Кавказа народов, см. [16]; [17, с. 41–46] и значительное количество примеров, собранных в [18, “F14. Сын камня”]. Нартовский пастух (или небожитель Уастырджи, или великан), влюбившись в красавицу Сатане, стирившей в обнаженном или полуобнаженном виде белье на берегу реки, не сумев преодолеть водное препятствие, пустил в красавицу свое семя. Однако красавица ловко увернулась, и семя попало в камень, который понес. В варианте герой опускается на близлежащий камень и изливает в него свое семя. Зафиксировано двадцать вариантов этого сказания, в каждом из которых название для действия героя (соитие с камнем) и семени, пролитого в лоно камня, подвергнуто табуированию. Соответствующий материал рассматривается ниже по наиболее полному, семитомному, академическому изданию осетинского эпоса “Нарты кадджытæ” [19]. В ряде вариантов сказания эпизод отсутствует [19, Т. II, с. 10]; [19, Т. II, с. 226]⁴, во многих других акт семяизвержения не упоминается. Так, герой был вынужден попросту совкупиться со скалой (*къадзæхимæ куы бахуыссыдис*) [19, Т. VI, с. 224–225], а в одном дигорском тексте сказано, что у пастуха выграла кровь (*æ тог искуста* ‘заработала кровь’), и он лег на камень и заснул [19, Т. II, с. 655]. В двух текстах, сохранившихся только в русских переводах, акт оплодотворения вызван касанием: персонаж “оперся на камень, отчего последний оплодотворился”, а в результате из камня родился герой Сирдон [19, Т. IV, с. 289], а в другой версии “он прислонился к камню, и внутри камня зародился

³ Об использовании реконструкции иранск. **muk(a)-* в фразологии (ср., напр., [11, с. 62]) см. ниже.

⁴ В то же время рассматриваемый мотив встречается и в другом цикле, где герой Батрадз, согласно одному из вариантов, также родился из чрева камня [19, Т. III, с. 387–388].

ребенок” [19, Т. II, с. 750]. Сходное мы находим и в еще одной осетинской версии — увидев Сатáну, герой решил перепрыгнуть через реку, но сумел допрыгнуть только до одного камня, где его и настигло желание. Однако он промахнулся (*æ гъуд-таг фæййевгъудæй*), и камень понес [19, Т. II, с. 16]. Подобное опущение определенных лексем в подобных контекстах известно в различных культурах, ср., напр., [20, р. 120–123 *et passim*].

Единственный текст, в котором, собственно, встречается слово *мыг* ‘семя’, был записан в 1923 г. в Северной Осетии в селении (ныне это город) Ардон:

Уастырджи воспыал любовью к нартовской красавице Сатане, которая не разделяла его чувств. Но однажды небожителю удалось схватить красавицу в объятия, а страсть его достигла такой степени, что он брызнул своими брызгами (семенем) (*йæ нырх (мыг) акалдта*). Однако красавица увернулась, и его семя окропило камень (*дурыл бапырх*) [19, Т. I, с. 48].

Сказитель, как и все остальные “коллеги по цеху”, воспользовался эвфемизмом, в данном случае — *нырх* ‘брызги’, но тут же решил пояснить, очевидно, для записывающего, что именно имеется в виду под этим словом. Таким образом, мы имеем едва ли не единственную фиксацию в языке фольклора слова *мыг* ‘сперма’. Как и ожидалось, лексические замены слова *мыг* в версиях этого рассказа весьма частотны и разнообразны. Уже в приведенном фрагменте сказитель использует *нырх* ‘брызги’ в качестве основного обозначения ‘спермы’. В одной дигорской версии, где героем оказывается пасущий коней табунщик (*бæхгæс*), рассказывается, как он уснул на камне, что лежал на берегу реки, и пролил в него свое семя, *цъумур* [19, Т. II, с. 5], что буквально означает ‘грязь’. Такую же семантическую замену с другой лексемой мы находим еще в одном дигорском тексте: Сатáна стирает одежду, на противоположном берегу пастух воспыал к ней страстью. Он пустил в нее (струю), а Сатáна вставила меж ног камень, и семя (*цъумурдзийнадæ*, букв. ‘грязь’) попало в него [19, Т. IV, с. 16]. В другом дигорском тексте рассказывается, что когда Сатáна стирала одежду, некий мужчина (*лæг*) метнул в нее свою “пулю” (*нæмуг*) [19, Т. II, с. 20]. Известна и замена слова с помощью лексем со значением ‘вода’: Сатáна стирает одежду на берегу реки, а на противоположном берегу при виде ее тела у великана выграла кровь. Но река вышла из берегов, и он не мог переплыть ее. И тогда великан пролил семя на огромный камень: *дынджыр дурыл уæйыг йæ дон акалдта* (досл. ‘на огромный камень великан свою воду (дон) пролил’) [19, Т. II, с. 710].

Во многих версиях вместо семяизвержения рассказывается о других физиологических выделениях, в первую очередь — мочи, в том числе и в завуалированной форме. Так, в одном дигорском тексте рассказывается, как пастух решил переплыть через реку, разделявшую его и красавицу Сатáну, но сумел доплыть только до середины, где на камне обмочился (*фертайуйнаг æй*), букв. ‘стал таким, которому нужно искупаться’ [19, Т. II, с. 25], ср. также другую сходную в этом отношении дигорскую версию с этим же оборотом в [19, Т. II, с. 11]. Сюда же примыкает еще одна запись сказания, в которой Уастырджи долго охотился за Сатáной, которая отвергала его домогания. Но однажды на берегу реки он обнаружил штаны Сатáны, разосланные для сушки на камне. Уж штаны-то твои не уйдут от меня, подумал небожитель, и помочился на них (*хæлафыл фæмызта*) [19, Т. II, с. 75]. Эта же версия представлена в цитированном варианте сказания о рождении нарта Батрадза, согласно которому герой Хæмыц помочился на синий камень (*цъенгæ дурыл бамызта*), лежавший на окраине села, а через положенный срок из камня родился младенец Батрадз. В этой связи см. [21, р. 92, 142], где, между прочим, приводится лат. *urina = semen* (Juv. 11.170), и далее — [18, “F54D. Зачинает, выпив мочу”]. Кроме мочи функцию спермы, похоже, выполняет и слюна (плевок): согласно одной версии, Сатáна обнаженной купалась в море. На противоположном берегу пас свое стадо пастух. Завидев Сатáну, он бросился к ней, но когда оказался посреди моря, Сатáна вытянула всю воду на себя, и пастух оказался на камне. Пастуху осталось только вернуться назад, но Сатáна, пожалев о своем поступке, подошла к тому камню и плюнула на него [19, Т. IV, с. 16]. О слюне как эквиваленте спермы см. материалы и их анализ, представленные в работе [22, с. 170–171]⁵; в связи с метафорой ‘еда’ для сексуальной связи см. [21, р. 138–141] и ср. также [23, р. 227].

Особый интерес представляет замена ‘спермы’, представленная в двух дигорских версиях рассказа. Прочитируем первый фрагмент полностью:

Сатана в коротком бешмете стирала одежду на берегу реки. На противоположном берегу пас отару пастух. Воспылав к ней страстью, но не сумев добраться до нее, пастух взмолился Богу: *æдта ми ка рацæуа, уой гъулахъ фæрдуг фестун кæнæ!* ‘раз так, то преврати в гъулахъ-бусину то, что исторгнется из меня’. Бог внял его просьбе, и он метнул в красавицу бусину. Однако она увернулась, и бусина попала в камень [19, Т. II, с. 12].

⁵ Авторы благодарны Н.Н. Казанскому за привлечение нашего внимания к этой важной публикации, в которой рассматривается преемственность мотива от древне/средне-индийского до современного цыганского.

Более краткая версия с этой лексической заменой выглядит так: Сатана в коротком бешмете, без штанов стирала одежду. Пастух (*бæхгæс*) прилег на камень. Появилась *золахъ*-бусина, которую пастух метнул в красавицу (*Золахъ-фæрдуг фестадгæй ма 'й Ахсинæмæ фехста*) [19, Т. II, с. 14]. Интерпретации *гзулахъ* / *золахъ* бусины будет посвящена наша отдельная работа, а здесь нужно отметить, что связь слов, означающих 'сперма', 'семя' и драгоценных минералов, уже отмечена. Так, в русском языке слово сѣмя, о котором см. далее, используется и в значении "мелкие золотые или серебряные шарики, напаиваемые в ювелирных изделиях; зернь" [24, Т. XXIV, с. 61].

Кроме того, имеются и иные замены, уже грамматические. Так, в другом тексте Уастырджиджи предложил Сатане встать к нему задом и нагнуться, а сам, стоя на противоположном берегу реки, пустил струю: *Уастырджиджи йæ дони иннæ фарсæй бацъыртт кодта, мæнæ нæл сæгъ куыд ацъыртт кæны тæргæн афон, фæгзæджы сæ æрæгмæ куы фæуадзыны, уæд, уый хуызæн* 'Уастырджиджи брызнул им с противоположного берега, подобно тому, как брызжет козел, которого осенью, в период течки, запирают и не подпускают своевременно (к самкам)' [19, Т. II, с. 5]. Здесь в качестве эвфемизма выступает энклитическая форма местоимения *уый* — *йæ* 'его / им'. В другой версии, рассказывающей о пастухе, метнувшем семя, последнее названо также местоимением *йæ* [19, Т. II, с. 19]. Местоименные замены частотны в подобных контекстах и в других культурах, ср. [20, р. 124–126] или [15, с. 115, 118]⁶.

2. Осет. *myggag* / *tuggag* 'фамилия, род, племя', скифск. *Μουγιάστρος* и фракийские антропонимы на *Muco-*

Слово *myggag* / *tuggag* 'семя', 'род', 'порода', 'фамилия, племя' было сопоставлено с осет. *myg* / *tugæ* 'семя' уже В.Ф. Миллером [1, с. 96]. При этом Миллер правильно указал на наличие в первом из них суффикса *-iag-*, что в результате ассимиляции *-gi-* > *-gg-* (у Миллера неточно *-ki-* > *-kk-*) и дало современную форму *myggag*. Такое же словообразование находим в целом ряде других слов, исходящих на согласный. В качестве

⁶ Как на пример использования лексемы *myg* 'сперма' в осетинском словообразовании указывается на слово *æмыджемь-р(мæ)* 'жены многоженца по отношению друг к другу' с неясной этимологией, см. [3, Т. I, с. 147–148], которое не очень удачно возводится к *æт-myg-jar-tæ* 'рождающие от одной спермы' [25, с. 39–40]. Помимо натянутой семантики эта этимология противоречит исторической фонетике осетинского языка: *ar* не может перейти в *ur*, а гемината *tt* редко опущается в *m*.

иллюстрации приводим несколько примеров с исходом *-g*, ср. осет. *fændag* 'дорога' — *fændaggag* 'дорожные припасы', *læg* 'мужчина' — *læggag* 'подающий надежды' (о юноше) и пр. Впоследствии В.И. Абаев утверждал, что *myggag* происходит "от *myg* 'сперма' с суффиксом *-ag* и закономерным удвоением *gg*" [3, Т. II, с. 137–138]. Но при такой трактовке неясно, за счет чего происходит удвоение *gg*. В.И. Абаев полагал, что способностью удваивать консонантный ауслат обладал сам суффикс *-ag*, а также суффикс *-on* [26, с. 676–677]. Однако можно привести десятки примеров на *-ag* и *-on*, в которых консонантный ауслат производящей основы не удваивается: *kusyn* 'работать' — *kusag* 'работающий', *tasyn* 'гнутьяся' — *tasag* 'гнувшийся; гибкий' и т.п. Почему же при наращении суффикса *-ag* в одних случаях консонантный ауслат удваивается, а в других — нет? На основе того, что наращение суффикса *-ag* на основы с исходом на *-r* и некоторые другие сонанты приводит к *j*-эпентезе (ср. *sær* 'голова' — *sæjrag* 'главный' [26, с. 677]), было подтверждено предположение В.Ф. Миллера о наличии в осетинском языке двух разных суффиксов *-ag*, один из которых через этап **-iag-* < **-aiāg-* восходит к древнеиранскому **-aiāka-*, а другой — к др.-иран. **-āka-*, см. [27, S. 332–333]; [14, с. 157–160]; [13, с. 239–240]. Иными словами, к одним основам присоединяется суффикс **-iag-*, приводящий либо к геминации конечного согласного, либо к эпентезе (точнее, к метатезе); этим объясняется, например, наличие таких вариантов, как *wællag* / *wæjlag* 'верхний' [3, Т. IV, с. 68], *twallag* / *twajlag* 'туалет; житель Туалии', *xollag* 'корм' / *xojrag* 'пища' [Там же]. К другим основам присоединяется суффикс *-ag-* из **-āka-*, откуда *xærag* 'любящий поесть' и пр. Ср. также *zaryn* 'петь' — *zarag* 'поющий', но *Zar* 'селение в Южной Осетии' — *zajrag* 'житель (селения) Зар'.

Таким образом, этимология В.Ф. Миллера фонетически безупречна, а по точному (исходному) значению *myggag* должно означать 'связанный с *myg*'. Миллер, впрочем, не затрагивал семантическую сторону этого сопоставления, что было сделано В.И. Абаевым: "[д]ля развития значения 'сперма' > 'род' ср. ст. слав. *plemę* в значении *олѣрца* и *ѣтę* в значении как *олѣрца*, так и 'род', 'поколение' <...>; ср. также тюрк. *uryu* 'семя', 'род', 'порода', 'племя'" [3, Т. II, с. 138] и ср. [5, с. 27]. Действительно, эта семантическая связь достаточно тривиальна, что представлено, к примеру, и в словарной статье сѣмя в [24], где оно определено как 'вещество, содержащее в себе животный зародыш', 'сперма', 'род, племя', 'потомки, потомство', 'зерно' и т.д. [24, Т. XXIV, с. 60–61]. То же можно

проиллюстрировать и примерами из собственно иранских языков. Так, продолжения иранск. **tauxman-* (и производного от него **tauxmaka-*) показывают сводную палитру значений, ср. авест. *taoxman-* ‘семья’ и др.-перс. *taumā-* ‘семья’ (см. [28, S. 189] по поводу древнеиранских данных), а перс. *tuxm* ‘семья’ используется в курдском (*tōxim*) и в значении ‘зерно’, ‘яичко’, ‘род’, ‘происхождение’ [29, с. 416]. В ваханском *tuxm* означает ‘семья, зерно’, ‘яйцо’ и ‘родня, клан’ [30, с. 477], а осет. *t’uty-t’yma* – ‘отдаленное потомство’, ‘род’ [3, Т. III, с. 357–358]. Курдск. *tōv* известно в значениях ‘семья’, ‘семечко’, ‘зерно’, ‘род’, ‘поколение’, а несвязанное с ним исторически *natūf* означает ‘род’ и ‘семья’ [29, с. 356, 21], и этот список можно продолжать⁷. Здесь можно вспомнить и о том, что осетинск. *muggag / muggag* в форме *mugkag* (со ссылкой на одну из работ В. Миллера) использовалось – со знаком вопроса – в работе [31, S. 503] для реконструкции элемента скифского ономастикона **mūx*, однако автор не приводит никаких собственно скифских имен для его иллюстрации⁸.

Осетинск. *muggag / muggag* ‘семья’, ‘род’, ‘порода’, ‘фамилия, племя’ мы находим и в композите *sag-muggag* ‘оленьей породы’, который был неоднократно сопоставлен (с перестановкой частей) со скифск. личным именем Μουγισαγος, зафиксированном в надписи из Ольвии, см. [4, с. 173]; [6, с. 296]. Это сопоставление уже вызвало критику, и современные исследователи (см. [32, р. 114])⁹ предпочитают не ассоциировать финальную часть личного имени со скифским словом, означающим оленя (см. также [6, с. 300–301] и ср. [3, Т. III, с. 11–16] по поводу осет. *sag* ‘олень’). В.И. Абаев [6, с. 296] полагал, что на основании начальной части Μουγισαγος возможно реконструировать скифск. **muka* ‘сперма’, ‘семья’, ‘порода’, привлекаемая, таким образом, все значения, присущие как осет. *mug*, так и *muggag / muggag*. Более того, при сопоставлении скифского имени с осетинским композитом Абаев приводит последний как *sag-muggag*, что неверно, как было указано выше, с точки зрения диахронической морфологии. Однако, что особенно важно, сопоставление скифских

личных имен Μουγισαγος и Μουγεισο[ς], также из Ольвии, привело А.И. Иванчика и В.В. Крапивину к выводу, что первое из них содержит рефлекс известнейшего иранск. суффикса *-aka-, а второй – нет, см. [32, р. 114].

Таким образом, мы имеем дело здесь с *Μουγ(ε)ισο-геср. **Mugis-*, и интерпретация *-is-* остается гадательной. Можно было бы предположить здесь производное, оформленное суффиксом, соответствующим др.-перс. и авест. *-iš-*, др.-инд. *-iṣ-*, см. с дальнейшей литературой [28, S. 326] и ср. [33, р. 55–56] по поводу предыстории индоиранского *-is¹⁰. Однако, скорее, мы имеем дело с началом второго компонента имени, усеченного в гипокористике, ср. фрак. антропоним Μούγισ, к фрак. **musa-* [34, р. 256], о котором см. ниже. Важно, что, не наблюдая теперь морфологического изоморфизма, постулированного для скифск. *Μουγισαγος* / осет. *sag-mug(gag)*, и учитывая семантическую составляющую, реконструкция В.И. Абаевым [6, с. 296] скифск. **muka* ‘сперма’, ‘семья’, ‘порода’ представляется неочевидной. Как уже было отмечено, осет. *mug* известно исключительно в значении ‘сперма’, и наличие слова с таким значением в личном имени представляется маловероятным. Конечно, мы можем представить себе, что известное семантическое развитие произошло в скифском слове, однако подобный подход является недоказуемым. Компонент *Μουγ- может в принципе восходить к иному этимону, содержащему иранск. **muk-*, о чем см. ниже. Подобные персидские имена уже давно были отмечены (ср. [31, S. 217]), и соответствующие их аттестации в Ольвии хорошо изучены, см. [35, р. 4–7].

К этому можно также добавить, что осетинские лексемы, вместе или поодиночке, и без учета скифских антропонимов, использовались для интерпретации фракийских личных имен с начальным компонентом *musa-*, ср. *Μουχαλορις* или *Μουχατραλις*. Подобные фракийские антропонимы с *musa-* весьма частотны и многообразны (см. впечатляющий каталог в [34, р. 227–256]) и известны в том числе и в Ольвии, см. [40, р. 5–8] с библи. Уже у В. Томашека мы находим – среди других предложений – сопоставление фрак. *musa-* с осет. *mukkag* ‘Same, Nachkommenschaft’ [41, S. 26], а В. Георгиев [11, с. 62] цитирует оба осетинских

⁷ См. подборку имеющих разные этимологии слов, означающих ‘семья’, в нескольких иранских языках, напр., в [36, р. 67].

⁸ Приведенные здесь нескифские антропонимы рассматриваются также теперь по-иному. По поводу хорезм. *Arthamūx* (ср. [31, S. 39]) см., напр., [37, с. 132], о *Izmūx* (ср. [31, S. 143]) см. [38, р. 264], s. v. *Yiztbuzit*.

⁹ Авторы благодарны А.И. Иванчику за ссылку на это важное исследование и последующее обсуждение представленного в нем материала.

¹⁰ Этот суффикс в осетинском должен был отразиться в виде *-is-* (дигор.) / *-ys-* (иронский). Ср. в этом отношении *qomys / qomus* ‘сила’ при *qom* ‘способный’ [3, Т. II, с. 309], или *xomys* ‘название кушанья’ при *xom* ‘сырой’ [3, Т. IV, с. 213]. О топорформанте *-s-* в осетинской топонимии и других суффиксах на *-s* см. [39, с. 97, 105–106]. Форма, восходящая к **mugis-*, в осетинском языке неизвестна.

слова, причем глоссирует осет. *mugæ* как ‘семейство’, а *muggag* — как ‘порода’. Он приводит для осетинских слов “иран. *muka-*” без каких-либо комментариев или дальнейших ссылок и не снабжает иранскую форму ожидаемой в случае реконструкции звездочкой. Болгарский ученый, похоже, не сомневается в правоте этого сопоставления, на основании именно которого он приписывает фрак. *tusa-*, известному только по антропонимии, значение ‘семейство, порода, род’. Все это неоднократно повторено в его последующих публикациях и традиционно (с некоторыми вариациями) воспроизводится десятилетиями в палеобалканистике. Так, И. Дуриданов, ссылаясь на [3, Т. II], но с опечаткой в номере страницы, цитирует в этой связи осет. *muggag / myggag* (но не *mug!*) и возводит эти данные к и.-е. **muk-*, которое он оставляет без перевода и каких-либо дальнейших спецификаций [42, S. 140]. См. также недавнюю работу [42, S. 94, 116], где фракийский компонент, глоссируемый как ‘семья, племя’, сравнивается с осет. *muggag* и иран. *muka-* ‘семья, род’ (sic!, осетинское слово не снабжается переводом, а иранская реконструкция — надлежащей звездочкой). Примечательно, что скифск. Μουϋσαϋος в этих работах вообще не упоминается. Представляется, что интерпретация этих фракийских антропонимов, основанная на прямом и безоговорочном сопоставлении исключительно с указанными осетинскими лексемами, не может не вызывать заслуженных сомнений. Показательно, что Д. Дана, который обычно ссылается на известные этимологии при каталогизации фракийско-дакийского ономастического инвентаря в [34], в данном случае не приводит никаких комментариев. Более того, сама этимология осет. *mug* и *muggag / muggag*, как будет показано в следующем разделе, не позволяет принять эту интерпретацию фракийской лексемы.

3. Проблемы этимологии осет. *mug / mugæ* ‘сперма’

Как мы видели, в приведенных версиях текста Нартовского эпоса осетин весьма частотны эвфемистические замены слова ‘сперма’ и соответствующие перифразы. Семантическая и прагматическая функции эвфемизмов хорошо изучены, см. [44], для осетинского см. [45] и ср. [46, с. 244–250] в общеиранской перспективе, а в применении к лексике “телесного низа”, ср., напр., [20] или [15, с. 118–133]. В данной работе авторы не ставили перед собой задачу изучения формальной классификации этих замен — интерес в данном случае представляет собой исключительно их семантика, учет которой оказывается важным подспорьем для уточнения этимологии осет. *mug / mugæ* ‘сперма’.

Как представляется, для решения вопроса о предыстории осет. *mug / mugæ* ‘сперма’ нет необходимости выделения общеиранского **³mauk-* : *mūk* ‘слизь’, основанного исключительно на осетинских данных и ставящего в основу реконструкции именно это слово. Действительно, лексемы, означающие слизь и сопли, этимологически родственны во многих языках, напр. русск. *слизь* ‘слизь’ и *слиза* ‘обильные выделения из носоглотки при плаче; слизь’ ([24, Т. XXV, с. 85], ср. *сопли* ‘носовая слизь, сопли’ [24, Т. XXVI, с. 158]) или для балтийских данных см. примеры в [47, р. 181–182]; для иранского см., напр., [10, Т. III, с. 44] и [10, Т. IV, с. 165–168]. Примечательно, что в осетинском одно из слов, означающих ‘сопли’, является композитом *xæffynʒ*, букв. ‘гнутой (*xæf*) носа (*fynʒ*)’ [3, Т. IV, с. 161–162]. Также, вероятно, следует обратить внимание на эвфемистическую замену спермы на слюну, т.е. слизь, и в приведенной выше версии фрагмента Нартовского эпоса; см. анализ подобных замещений в других источниках — и, возможно, с иной мотивировкой (ср. [21, р. 138–141] и [23, р. 227]) — в работе [22, с. 170–171]. Однако и семантическая, и формальная составляющие традиционного подхода к предыстории осет. *mug / mugæ* ‘сперма’ нуждаются в пересмотре в свете новых исследований и по иранистике, и по индоевропеистике.

Начнем с уже традиционно приводимой в связи с осетинскими формами *comparanda*. Лат. *mīcus* возводят к итальяск. **mung-* ‘вытирать’, и вместе с греческим словом, как и общесл. **mōknōti* (см. [12, Т. XX, с. 219]), согласно Де Фаану и другим исследователям, они восходят к и.-е. **(s)mu-n-k-*, [48, р. 392]. При этом отсылка дается на тот же и.-е. глагольный корень **meuk-* ‘развязать, сбросить’ [49, S. 443–444], ср. [7, S. 744]. Греч. μύξα ‘сопля’, ‘слизь’ обычно вместе с глаголом μύσσομαι ‘сморкаться’ рассматриваются в связи с лат. *mīcus* ‘слизь’, см. [50, р. 985–986], где, впрочем, допускается мысль и о догреческом происхождении этой лексемы. Этот и.-е. глагол отражен в иранском как **¹mauk-* : *muk-* (**maug-* : *mug-*) ‘развязывать(ся), освобождаться’ согласно [10, Т. V, с. 286–295], ср. **mauc¹* ‘to release, let loose/free’ в [51, р. 269–270]. В самом осетинском языке известны другие производные от реконструированного глагола **mauk-* : *muk-* (**maug-* : *mug-*) ‘развязывать(ся), освобождаться’, ср. *ræmūʒyn / ræmūʒd* ‘отрывать’, ‘разрывать’, ‘вырывать’, ‘выдергивать’, формально соответствующее авест. *fra-muxti* ‘снятие (обуви)’ или согд. *βr'mč-* ‘снимать одежду’, ‘раздевать’; см. [3, Т. II, с. 373–374] и [14, с. 307]. Возведение к этому же общеиранскому

глагольному корню осет. *tug / mugæ* ‘сперма’ также является формально непротиворечивым.

Понятно, что названия спермы в разных языках могут быть семантически мотивированы различно, ср. восходящие (обычно через латинское посредство) к греч. *σπέρμα* слова во многих европейских языках. В самом греческом оно означает ‘семя, зародыш’ и является производным от глагола *σπείρω* ‘сеять, оплодотворять’, к и.-е. **sper-* ‘сеять, рассеивать’, см. [50, р. 1379–1380] и [49, S. 580]. В др.-греч. *ἀφρός* означало и ‘сперму’, и ‘морскую пену’, см. [23, р. 32] и по поводу этимологии – [50, р. 179], ср. в этой связи кл. перс. *fīn* ‘сопли, сморкание’ и *fīnak* ‘пена на море’ [10, Т. III, с. 44] и лексемы, собранные в [10, Т. IV, с. 165–168] s.v. **kafa-*, **xafa-* ‘пена’, ‘слюна’, ‘слизь’. Примеры можно продолжать до бесконечности, но нас интересует здесь возможность мотивации слов со значением ‘сперма’, ‘сопля’ и т.д. как “освобожденного (из организма)”. Мотивация ‘освобождения’ для обозначения физиологического выделения из организма (испражнения) присуща многим языкам (ср. [21, р. 242–243], и если придерживаться традиционного сопоставления осет. *tug / mugæ* ‘сперма’ и лат. *mīcus* ‘слизь’ и т.д., но в рамках последних этимологических изысканий, то указанный и.-е. и индо-иранский корень с семантикой ‘освобождать(ся)’ оказывается полностью удовлетворяющим как семантически, так и формально. Примечательно, что согласно [49, S. 443–444, s.v. **meuk-*] соответствующие латинские и греческие глаголы показывают сужение изначальной семантики и.-е. глагола до ‘всморкаться’ ((aus)schneuzen), а лат. *mīcus* восходит к **mōuk-o-* ‘выделение’ (Absonderung). В этой связи необходимо отметить родственное др.-инд. *tos-*, формы которого зафиксированы со значением ‘освобождать(ся)’, ‘высвобождать(ся)’ [52, В. II, р. 392], ср. также значения ‘метать’, ‘бросать’, ‘кидать’ в некоторых славянских языках у восходящих к нему глаголов, см. [12, Т. XXI, с. 36–37]. Также можно обратить внимание на то, что сперма рассматривается как нечто, исторгнутое из организма, и в ранней иранской традиции. “Как и все, исходящее из человека (волосы, ногти, моча и т.д.), извергнутое во время поллюции семя приравнивалось к скверне”, отмечают исследователи Авесты [53, с. 247], а в пехлевийском своде IX в. “Денкард” сперму – вместе с мочой и менструальными выделениями – относят к *hixr*, “мертвым субстанциям, которые живые тела отрицают и выталкивают” [54, р. 49]. Примечательно, что мотивация освобождения и/или бросания присуща и использованному в этом контексте глаголам в рассмотренном фрагменте

Нартовского эпоса, ср. “пустил в нее (струю)” и проч. Таким образом, имеется очевидная возможность сохранить традиционное соответствие осет. *tug / mugæ* ‘сперма’, лат. *mīcus* ‘слизь’ и, возможно, гр. *μύξα* ‘сопля’, ‘слизь’, но как ‘испражненное’, ‘освобожденное (из организма)’. Иными словами, перед нами опять оказывается некоторая “скифо-европейская изоглосса” с новым и.-е. денотатом, однако лишь на первый взгляд: все приведенные формы отражают изначальную семантику индо-европейского глагола, великолепно представленную и в соответствующем богатом индо-иранском материале.

Впрочем, Де Фаан также указывает на возможность возведения лат. *mīcus* к и.-е. словам, означающим влагу, болото и проч. Он приводит в этой связи несколько примеров из разных и.-е. языков, и все они в той или иной мере являются проблематичными. Так, латв. прилагательное *mukls* ‘болотистый’, согласно К. Карулюсу [55, Т. I, р. 602], восходит к глаголу *mukt* ‘бежать’, который, в свою очередь, возводят к тому же корню, который указан в первоначальном предложении Де Фаана; см. о балтийских формах [47, р. 325] и ср. [55, Т. I, р. 602–603]. Приведенное де Фааном др.-исл. прилагательное *mjúkr* ‘слабый, мягкий’ возводится к герм. **meuka-* / **mūka-* ‘слабый’, см. далее [56, р. 368]. Значительное количество сложностей вызывает и анализ упомянутого Де Фааном ирл. *mocht* ‘мягкий’; см. [57, р. 282]. Праслав. **muklivъ* ‘мокрый, влажный сырой’, которое также учитывается при этой реконструкции в *Этимологическом словаре иранских языков*, также может быть рассмотрено по-иному, см. [12, Т. XX, с. 179], поэтому мы исключаем эту протоформу из дальнейшего обсуждения.

Как мы видели, слова ‘слизь’ и ‘сопли’ во многих языках оказываются исторически связанными, впрочем, как и другие обозначения разных видов физиологической секреции. Более того, здесь уместно вспомнить о том, что лат. *semen* сопоставлялось как с *mīcus*, так и со словом, означающим ‘слезы’ [21, р. 142]. Нередко эти лексемы оказываются этимологически родственными, но при этом исторически мотивированы понятием ‘влага’. Так, в курдском *xilîk*, *xilînk* означает и ‘слизь’, и ‘сопли’ [29, с. 473], и это слово сопоставлено с осет. *хуулуз* ‘мокрый’ (с неясной этимологией, см. [14, с. 354]). В русском языке *мокро* зафиксировано в значении ‘влага в человеческом теле (кроме крови), слизистые и другие скопления’, ср. также *мокрота* [24, Т. IX, с. 237–238]. Более того, эвфемистические замены осет. *tug* в рассмотренном фрагменте Нартовского эпоса также

могут свидетельствовать в пользу номинации ‘спермы’ именно как жидкости. Так, дигорск. существительное *ц̄зумур* ‘грязь’ и *ц̄зумурдзийнаде̄*, образованное с помощью конгломерации суффиксов *-дзийн-* & *-ад̄э-*, т.е. ‘грязность’ *vel sim.*, могут указывать на то, что ‘сперма’ — это ‘мутная / грязная жидкость’. Семантически это является непротиворечивым, ср. англ. *mud* ‘грязь’, которое традиционно возводят к тому же “текучему / мокрому” и.-е. корню [7, S. 742]. Более очевиден в этой связи осет. эвфемизм *дон* ‘вода’ и, возможно, также *пырх*, т.к. этим словом обозначают брызги жидкости, а также капли дождя. Можно в связи с этим вспомнить и о том, что в арабском *nuṭaf* ‘сперма, семя’ (заимствованное в курдский [29, с. 21]) восходит к *nuṭfa* ‘капля’. Сюда же, вероятно, можно осторожно отнести замену спермы на слюну и в Нартовском эпосе, о других интерпретациях см. выше. Примечательно, что семя животных и людей — как и слюна (*хауӱг*), и слёзы (*srēšk*) — упоминается среди одиннадцати видов вод (вода в растениях, речная, дождевая, стоячая, моча, пот, молоко и т.д.) в среднеперсидском зороастрийском тексте “Бундахишн” [58, с. 167–168 (текст), 296 (перевод)].

В *Этимологическом словаре иранских языков*, действительно, имеется словарная статья **1mau : mī-* ‘быть влажным, увлажнять, влага, жидкость, муть’ [10, Т. V, с. 275–276] со ссылкой на **теи-*, etc. [7, S. 741–743]. Однако, как представляется, при реконструкции этого этимона также возникают сложности. Согласно словарю, “в глагольной системе иранских языков прослеживаются единичные рефлексy корня”, и, собственно, это глагольное использование иллюстрируется единственным примером, хорезм. *m’w(y)-* ‘пробовать губами, чмокать’. Впрочем, при этом упоминается и другое этимологическое объяснение хорезмийского глагола в связи с иранск. **2mau : mī-* ‘двигаться’, которое расценивается как семантически трудно доказуемое. Следует отметить, что именно этот подход, хотя и с некоторыми сомнениями, избрал Дж. Чёнг при анализе этого хорезмийского глагола, который он приводит как **m’w(y)-*, см. [51, р. 273]. Однако автор *Словаря* полагает, что “[с]корее здесь имеется в виду ‘смачивать (губы)’ или ‘омочить (губы)’” [10, Т. V, с. 275]. Попутно следует отметить, что русск. (диалектн.) *мыкать* засвидетельствовано в значении ‘лакать’, а в украинском *микати губами* означает ‘шевелить губами’. Эти слова также возводят к тому же и.-е. **теи-* [12, Т. XXI, с. 37], который отражен в иранском как **1mauk-* : *muk-* (**maug-* : *mug-*) ‘развязывать(ся), освобождаться’ согласно [10, Т. V, с. 286–295]; о возможности возведения осет. *myg / mugæ*

‘сперма’ непосредственно именно к этому корню было отмечено выше.

Именные составляющие словарной статьи **1mau : mī-* ‘быть влажным, увлажнять, влага, жидкость, муть’ в *Этимологическом словаре иранских языков*, по преимуществу, являются существительными с точными параллелями в индийском материале. Авест. *mūθra-* ‘нечистоты, экскременты’ (см. существенные уточнения в работе [59, р. 188–189], где приводится основная библиография) и соответствующий топоним в мидийском, возможно, со значением ‘грязь’ *vel sim.* давно и традиционно сопоставляется с др.-инд. *mūtra-* ‘моча’. К этому же корню традиционно возводят хотаносакск. *mūtīna* ‘облака, тучи’¹¹, *mattūna* ‘дурной, гнилой’ (< *mudata-* & *-auna* < **gauna-* ‘цвет’, о *gūna* см. [61, р. 345 et passim]) и их варианты. В *Словаре* они рассматриваются как производные на *-t* и *-d* в связи с др.-инд. *mudira-* ‘облако, туча’ и греч. *μυδάω* ‘быть мокрым, грязным’. В этом отношении нужно обратить внимание на новую интерпретацию хотаносакск. *mattūna* [62, II, р. 114–115 и особенно III, р. 121], которая выводит его за пределы этой дискуссии, и на сложности и сомнения, отмеченные при анализе указанного греческого слова в [50, р. 974]. Некоторые сомнения высказаны в [10] и по поводу приведенного в этой словарной статье единственного суффиксально непроизводного номинатива, не имеющего, согласно *Словарю*, параллелей в индийском материале, — пушт. *mi* ‘застывшее топленое сало’ [10, Т. V, с. 276]. Примечательно, однако, что Дж. Чёнг рассматривает это слово именно как заимствование из индо-арийского, см. [63, р. 181, 202].

В рассмотренной словарной статье **1mau : mī-* ‘быть влажным, увлажнять, влага, жидкость, муть’ кроме традиционной ссылки на соответствующий глагол в словаре Покорного регулярно упоминается и “новая” этимология этой группы слов, возводящая их к и.-е. глаголу **mīeh₁-* ‘двигать(ся)’ [49, S. 445–446], ср. предложенную на основании др.-инд. форм реконструкцию **mīeh₁-* в [64, р. 116]). Рефлексам его в иранских языках

¹¹ В. Блажек [36, р. 57] сопоставляет хотаносакск. *mūtīna* ‘облака, тучи’ с арм. *mout’* ‘dark, amidst’ со ссылкой на этот же и.-е. корень [7, S. 742], где армянская форма указана, впрочем, как *mut’*. Армянская лексема *մութ*, которая транслитерируется обычно как *mut’* или *mowt’* и переводится как ‘obscurity, darkness, night; a. dark, obscure, gloomy’, действительно традиционно сопоставляется с англ. *mud* ‘грязь’, которое возводили к тому же отраженному в этих иранских словах корню. Мы благодарны П.А. Кочарову за идентификацию и обсуждение с нами этого армянского слова. Иная его этимология — к арм. *տոս* ‘дым’ — принадлежит Б. Олсен [60, р. 41].

посвящена отдельная словарная статья $*^2\text{mau} : \text{m}\bar{\text{u}}\bar{\text{}}$ – ‘двигать(ся), удалять(ся), отодвигать(ся)’ и т.д. [10, Т. V, с. 276–279], ср. [51, р. 273–274 s.v. $*\text{miHu-}$ ‘to move’], а также $*\text{mau}\bar{\text{š}}\text{-} : \text{mu}\bar{\text{š}}\text{-}$ ‘скрывать, утаивать, воровать, отбирать’ [10, Т. V: 300–301], где собраны производные на $*\text{-s}$ от этого корня с пометкой “надежных рефлексов немного”. Эти статьи не включают рассмотренные выше формы в связи с $*^1\text{mau} : \text{m}\bar{\text{u}}\bar{\text{}}$ – ‘быть влажным’, но, что примечательно, упоминается хорезм. $\text{štu}\bar{\text{w}}$ – ‘освободиться’ < $*\text{fra-m}\bar{\text{u}}\bar{\text{ia}}$ -, о хорезм. $\text{m}'\text{w}(y)$ – ‘пробовать губами, чмокать’, который иногда рассматривается именно как его рефлекс, см. выше. При таком подходе индо-иранские формы возводят к корню с нулевой огласовкой $*\text{miH-}$, см. [52, В. II, S. 359] и [65, р. 247, 299], ср. в связи с соответствующими балтийскими и славянскими формами [12, Т. XXI, с. 84] и [47, р. 307–308].

Учитывая взаимосвязи понятий ‘двигаться’ и ‘быть влажным’ в реконструированной иранской протоформе, исходя из понятия ‘влажность’ как вероятной семантической мотивации осет. $\text{mug} / \text{mug}\bar{\text{e}}$ ‘сперма’, нам представляется уместным рассматривать осетинские данные в рамках словарной статьи, объединяющей $*^1\text{mau} : \text{m}\bar{\text{u}}\bar{\text{}}$ – ‘быть влажным, увлажнять, влага, жидкость, муть’ и $*^2\text{mau} : \text{m}\bar{\text{u}}\bar{\text{}}$ – ‘двигать(ся), удалять(ся), отодвигать(ся)’. Как будет еще раз показано ниже, вопрос о точной дифференциации исходных корней со значением ‘двигаться’ и ‘быть влажным’, с трудом проводимой во многих частных филологиях, релевантен и для иранской, ср. также рассмотренные уже разногласия по поводу хорезм. $\text{m}'\text{w}(y)$ – ‘пробовать губами, чмокать’ и проч. Также следует отметить следующее предпринятое допущение о наличии в праиранском состоянии продолжений корня $*^2\text{mau} : \text{m}\bar{\text{u}}\bar{\text{}}$ со значением ‘двигать(ся)’ “с распространителями или суффиксами $*\text{-k}$, $*\text{-g}$, типа $*\text{mauk-}$, $*\text{maug-}$, употреблявшихся в значениях ‘двигать(-ся), отодвигать(-ся) и т.п.’. Традиция относит их к праиранскому корню $*^1\text{mauk-} : \text{muk-}$ (с вариантом $*\text{maug-} : \text{mug-}$) ‘развязывать(-ся), освобождать(-ся) и т.п.’, однако возможна “контаминация этих омонимичных корней уже в праиранскую эпоху” [10, Т. V, с. 278]. Возведение осет. $\text{mug} / \text{mug}\bar{\text{e}}$ ‘сперма’ к последнему указанному корню, как показано выше, также вполне вероятно. В любом случае, осетинское слово непротиворечиво может быть рассмотрено как суффиксальное образование на $*\text{-}\bar{\text{a}}$ от общеиранск. $*\text{mi-k-}$, образованного от глагола

со значением ‘быть влажным’ / ‘двигать(ся)’¹², причем точная конфигурация этимона – с учетом сказанного выше про $*\text{mauk-} : \text{muk-}$ – остается вне нашего внимания.

4. Дополнительные материалы для реконструкции $*^1\&^2\text{mau} : \text{m}\bar{\text{u}}\bar{\text{}}$ – ‘быть влажным, увлажнять, влага, жидкость, муть’ и ‘двигать(ся), удалять(ся), отодвигать(ся)’

Было уже отмечено, что многие осетинские слова не вошли в уникальный *Этимологический словарь иранских языков*, ср. [66, с. 275–277]. Таким словом является, например, $\text{mur}\bar{\text{e}}\text{g}$ ‘первый фильтрат, получаемый при варке пива’, который к тому же не имеет удовлетворительной этимологии. Так, В.И. Абаев возводил его к груз. murak'i ‘сгущенный путем варки фруктовый сок’, которое в свою очередь осторожно проследивал к парфянскому $*\text{muhrak}$ < арийскому $*\text{m}\bar{\text{u}}\bar{\text{ra}}$ – ‘выделение’ [3, Т. II, с. 140]. Однако груз. k' не дает в осетинском g , и не исключено, что грузинское слово само было заимствовано из осетинского. Вместе с тем, связь осетинского слова с указанной Абаевым др.-индийской лексемой действительно весьма вероятна, но исходя из другой исходной семантики и иной морфологической модели.

В иранских языках довольно часто встречаются производные с суффиксом прилагательных $*\text{-ra-}$ от различных глагольных корней или производных основ. Примерами могут послужить $*\text{aid-}$ ‘гореть, жечь; огонь’ > $*\text{aid-ra-}$ ‘ясная погода, ясное небо; ведро’ [10, Т. I, с. 120–121], ср. [51, р. 157, s.v. $*\text{Haid-}$], $*\text{dau-} : \text{d}\bar{\text{u}}$ – ‘удалять(ся), отдалять(ся) в пространстве и во времени; длить(ся)’ > $*\text{d}\bar{\text{u}}\text{-ra-}$ ‘далекий, далеко’ [10, Т. II, с. 392–394], $*\text{j}\bar{\text{i}}$ – ‘жить, существовать’ > $*\text{j}\bar{\text{i}}\text{-ra-}$ ‘живой, быстрый’ [10, Т. III, с. 110, Т. IV, с. 146–147] и т.п. Эти и подобные производные с суффиксом $*\text{-ra-}$ являются древними, и обычно они восходят к и.-е. уровню, ср. восходящее к первому из указанных выше корней осет. ird ‘светлый, ясный’ и исторически тождественные ему скт. vidhra- ‘id.’ и греч. $\text{i}\theta\alpha\rho\acute{\text{o}}\varsigma$ ‘светлое небо’ [51, р. 157], см. также [3, Т. I, с. 548–549] и ср. [50, р. 36] по поводу греческой лексемы. Общеиранское $*\text{d}\bar{\text{u}}\text{-ra-}$ ‘далекий,

¹² Можно в связи с этим отметить, что продолжения этимологически родственного славянск. глагола $*\text{myti}$ также известны в интересующих нас здесь значениях. Так, «[в] русских новгородских говорах гл. *мыть* в безл. форме употребляется для обозначения расстройства желудка: “Его моет”, откуда производное **мыть* ‘понос’. Но это же слово **мыть* широко используется для обозначения возрастных заболеваний животных, характеризующихся поносом, истечением слизи из носа, нагноениями и т.п.» [12, Т. XXI, с. 78], см. также **мыть* II и **мыть* I в [12, Т. XXI, с. 83–84].

далеко' точно соответствует др.-инд. **dūrā-* 'ид.' [52, В. I, S. 739] и далее — лат. *dūrus* 'жесткий, выносливый' [48, р. 184] < и.-е. **duh₂-ro-*, см. детально [67, р. 340–342]. Сходным образом, общеиранское **jī-ra-* 'живой, быстрый' тождественно др.-инд. *jīrá-* 'ид.' [52, В. I, S. 593], к и.-е. **g^uih₃-ro-*, [68, S. 185]. Наличие непродуктивного суффикса **-ra-* на осетинской почве впервые отмечено В.Ф. Миллером [1, с. 111]. В настоящее время все слова с этим суффиксом воспринимаются как неразложимые (непроизводные) основы.

Производное на **-ra-* от интересующего нас праиранского корня (**mū-ra-*) могло означать 'мутная вода', а его рефлекс в осетинском языке могли выглядеть как **mur(æ)* (в дигорском) и **myr* (в иронском диалекте). В таком случае это полностью соответствует конфигурации **meu-r(o)-*, учтенной Ю. Покорным при реконструкции и.-е. **meu-* 'мокрый', etc. [7, S. 742]. Хотя ряд лексем, приводимых здесь Покорным, вызывают сомнения (см., напр., по поводу греч. *μύρω* [50, р. 982]), модель представлена в различных языках, ср. литовск. *máuras* 'ил, тина' < **māu-ro-*, о котором см. [69, р. 378], и далее [47, р. 307–308]. Сюда же, вероятно, следует отнести и прасл. **mura* (сербо-хорв. диал. *мура* 'грязь, раскисшая земля, осадок' и проч.), см. с иным анализом [12, Т. XX, с. 191–192]. Именно к этой производной основе мы и возводим компонент *myr-* в слове *myræg*. Примечательно, что во многих иранских языках на основу, включающую в свой состав суфф. **-ra-*, иногда наращивается еще и суффикс **-ka-*. Так, от вышеупомянутых основ **dūra-* 'далекий, далеко' образовано **dūra-ka-* 'далекий (в пространстве и времени)', откуда идет осет. *durægi* в сочетании *ærxægi-durægi* 'рано или поздно; в конце концов' [3, Т. I, с. 376–377]; [10, Т. II, с. 394], от **jī-ra-* — **jīra-ka-*, откуда среднеперсидское *zīrak* 'умный, мудрый' [10, Т. III, с. 110–111] и т. п. Хотя образования с двумя суффиксами (**-ra-ka-*) также могут быть древними, в подавляющем большинстве случаев суффикс **-ka-* является позднейшим наращением на основу, оформленную суффиксом **-ra-*, и соответствующие лексемы обычно встречаются только в данном языке. В осетинском языке к образованиям с двумя (а исторически даже с тремя) суффиксами относят еще и слово *γulæg* 'жестокость, обида' (< **gur-ya-ka-*) из праиранского **gau-ra-* 'страшный, ужасный, устрашающий' [3, Т. I, с. 536]; [10, Т. III, с. 245]. Теперь к этим примерам можно добавить осет. *myræg* 'первый фильтр пива' < **mū-ra-ka-* 'мутная жидкость'.

Семантика, реконструированная на основе этимологии основы, вполне соответствует

денотату: первый фильтр при варке пива действительно представляет собой мутное сусло, которое только после брожения и отстаивания становится "прозрачным". "Мутность" жидкости не является проблемой для этого этимологического построения семантически, ср. русск. диалектное *муль* 'мутная, грязная вода', возводимое к слав. **mulъ / mulъ* (сербо-хорв. *mulj* 'нанос', чешск. *mul* 'ил', др.-русск. *муль* 'ил, тина') [12, Т. XX, с. 185–186] и ср. слав. **mylъ*, реконструированное на основании укр. диал. *мил* 'нанос, ил в реке', блр. диал. *мыл* 'занесенный песком участок' [12, Т. XXI, с. 41]. Согласно исследователям, эти общеславянские протоформы восходят также к и.-е. формам со значением 'влага', см. [12, Т. XX, с. 186]; об англ. *mud* 'грязь' см. выше. Таким образом, в случае с осет. *myræg* 'первый фильтр, получаемый при варке пива' мы имеем дело с (мутной) жидкостью, как, возможно, и в случае со словом, означающим 'сперму' в осетинском языке. Как было отмечено, производные на **-ra-* в осетинском являются древними, и при принятии этой этимологии можно было бы посчитать это слово **mū-ra-(ka-)* за архаизм, сохранившийся только в осетинском. Впрочем, сюда может принадлежать и осетинск. топоним *Mor-æx / Mor-ux* (перевал, луг и селище), если он восходит к **mū-ra-* / **mau-ra-* (с топоформантом *-x-*, см. [70, с. 107–108]), но по понятным причинам эта этимология остается под вопросом. Однако в связи с указанным тождеством исходных корней со значением 'двигаться' и 'быть влажным', следует обратить внимание на реконструированное в [10, Т. V, с. 278] иранск. **mau-r-*: *mū-r-* 'двигать(-ся), отодвигать(-ся)', представленное, напр., в хот.-сакс. *mūr-* 'двигать' (см. в этой связи [62, V. II, р. 116–117, V. III, р. 125]), ср. вед. эпитет коня *mūrā-* 'резвый, стремительный'; о сложностях дифференциации суффиксов на *-r-* в и.-е. см. [67, р. 330 *et passim*] с библи.

Согласно [10, Т. V, с. 278], "не ясно, входит ли сюда обозначение канала, трубы, тоннеля, по которым происходит движение"; это иранск. **mau-r-*: *mū-r-* иллюстрируется согд. *mwryu* 'оросительный канал', тадж. *mūri* 'дымоход; дымовое отверстие', совр. перс. *muri* 'труба из обожженной глины (для водопровода)' [10, Т. V, с. 278–279], и мы можем добавить к этому списку вах. *muri* 'отверстие под стеной для стока воды' [30, с. 389]. Учитывая взаимосвязь значений 'двигаться' и 'быть влажным', очевидную и в этой подборке примеров, уместно было бы обратить внимание на прасл. **myriti*, русск. диал. *мырить* 'кружиться в водовороте; рябить (о водной поверхности)', 'нарушать водную гладь, рябить гладкую

поверхность воды’ при русск. диал. *мыр* ‘место, где вода рябит, кружится (от затонувшей коряги или камня)’, *мырь* ‘волнение, рябь на поверхности воды’. Согласно [12, Т. XXI, с. 41–42], “семантика *мырить*, связанная преимущественно с обозначением д в и ж е н и я водной поверхности (текучей!), не согласуется с семантикой балтийской группы”. В связи с иным подходом к литовск. *máuras* и т.д., это противоречие снимается, и мы имеем еще один рефлекс, сопоставимый с иранск. **mau-r-*: *mū-r-* в “водном” значении.

Не исключено, что рефлексом другого производного (**mau-ga-*) является неясный компонент *-moγ / -miγ* в топонимии современной Осетии, отраженный в географических названиях *Qat-a-moγ* и *Džer-miγ*. Первый компонент оронима в Южной Осетии *Džer-miγ* остается загадочным, а название пастбища в Северной Осетии *Qat-a-moγ* содержит в качестве начального составляющего этимон **gāθa-*, сопоставленный с авест. *vi-gāθ-*, см. [39, с. 123]. Оставив в стороне интерпретацию собственно авест. формы (*recte*: Yt. 14.21 *vī-gāθ-*), точное значение которой является неустановленным и этимология дискуссионной (см. [71, р. 194, 199]), и оперируя вместо нее рефлексом иранск. **gātu-* / **gāθu-* ‘место’ [10, Т. III, с. 269–70], известным в иранской топонимии (см. [72, р. 212–213], ср. возведение осет. топоформанта *γat-* к др.-иран. **gāθu-* ‘место; дорога’ в [73, р. 107–109]), можно отметить, что формально *moγ / -miγ* может непроворочно восходить к **mau-ga-*. Однако по понятным причинам это сопоставление не может не оставаться весьма гипотетическим.

5. Заключение

Осет. *mug / mugæ* ‘сперма’ может быть возведён к и.-е. **meuk-* ‘развязать, сбросить’, отраженному в иранском как **mauk-*: *muk-* (**maug-*: *mug-*) ‘развязывать(ся), освобождаться’ (согласно [10, Т. V, с. 286–295], ср. нотацию **mauč¹* в [51, р. 269]). В таком случае его сопоставление с лат. *mīcus* ‘слизь’ и т.д., традиционно рассматриваемое в иранистической литературе, сохраняется, но на других историко-лингвистических основаниях. При этом, как представляется, нет необходимости в реконструкции иранск. **mauk-*: *mūk* ‘слизь’, как ее не наблюдается и для реконструкции на общеиндоевропейском уровне, где указанные лексемы означают ‘исторгнутые (продукты секреции)’ *vel sim*. Осетинское слово также может непроворочно восходить к праиран. **mau-*: *mū-* со значениями ‘быть влажным, увлажнять’ и ‘двигать(ся), удалять(ся), отодвигать(ся)’. Эти значения присущи рефлексам одного и.-е. корня,

**mieuh₁-* ‘двигать(ся)’ ([49, S. 445–446] или – согласно Н. Зайру – **mieh₁-*), и дифференциация лингвистического материала в двух соответствующих статьях *Этимологического словаря иранских языков* не представляется исчерпывающей и необходимой. При этом необходимо также вспомнить и о том, что “в ряде случаев отмечаются примеры сближения семантики рефлексов **mauk-* с рефлексами **mau-* в значении ‘двигать(-ся), шевелить(-ся)’, особенно если предположить наличие рефлексов последнего корня с распространителями или суффиксами **-k*, **-g*” [10, Т. V, с. 286]. Исходя из праиран. **mau-*: *mū-*, непосредственной протоформой осет. *mug / mugæ* на осетинской почве должна быть **mū-kā-*, очевидно, форма женского рода к **mū-ka-*. Сюда же мы склонны отнести и осет. *muræg* ‘первый фильтрат, получаемый при варке пива’, возведенное в этой работе к иранск. **mū-ra-ka-* и имеющее точные морфологические параллели и семантические подтверждения в других иранских и индоевропейских языках. Осет. *mug / mugæ* известно исключительно в значении ‘сперма’, и реконструкция скифск. **muka* ‘сперма’, ‘семя’, ‘порода’ может вызвать сомнения семантического порядка, а в связи с новой интерпретацией скифского антропонима Μουγισαγος, снимающей постулированную параллель с осет. *sag-muggag* ‘оленьей породы’ – и морфологического. Традиционное использование эксклюзивно иранских, и прежде всего осетинских, данных для интерпретации фракийских личных имен с начальным компонентом *tisa-* представляется в связи со сказанным выше, по крайней мере, некорректным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. Часть вторая. М.: Типография А. Иванова. 1882.
2. *Miller W.* Die Sprache der Osseten. Strassburg: Karl J. Trübner, 1903.
3. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I–V. М., Л.: Изд-во АН СССР / Наука, 1958–1995.
4. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М., Л.: Издательство АН СССР, 1949.
5. *Абаев В.И.* Скифо-европейские изоглоссы. М.: Наука, 1965.
6. *Абаев В.И.* Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М.: Наука, 1979. С. 272–364.
7. *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Bern: Franke Verlag, 1959–1969.

8. *De Bernardo Stempel P.* Archaisch Irisch *maccu* als morphologisches Relikt // *Historische Sprachforschung*. 1991. Band 104. S. 205–223.
9. *Bielmeier R.* Historische Untersuchung zum Erb- und Lehnwortschatzanteil im ossetischen Grundwortschatz. Frankfurt am Main, Bern, Las Vegas: Lang, 1977.
10. Этимологический словарь иранских языков. Т. 1–6. М.: Восточная литература, 2000–2020.
11. *Георгиев В.* Тракийският език. София: Издание на БАН, 1957.
12. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Т. 1–41. М.: Наука, 1974–2018.
13. *Дзиццойты Ю.А.* Этимологический словарь иранских языков. *Nartamongæ*. Том 13. 2018. С. 342–364.
14. *Чёнг Дж.* Очерки исторического развития осетинского вокализма. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2009.
15. *Качинская И.Б.* Народная эротика в эвфемизмах (по материалам архангельских говоров). Часть 1. Женские половые органы // *Palaeoslavica*. 2017. Vol. 25. С. 109–137.
16. *Арджинба В.Г.* Нартский сюжет о рождении героя из камня // *Древняя Анатолия*. Б.Б. Пиотровский и др. (ред.). М.: Наука, 1985. С. 128–168.
17. *Дзиццойты Ю.А.* Нартовский эпос и Амираниани. Цхинвал, б.и., 2003.
18. *Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. URL.: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>
19. Нарты кадджытæ. Ирон адæмы эпос. Сост. Т.А. Хамцаева, под ред. Ш.Ф. Джикаева. Т. 1–7. Дзæуджыхъæу: ИПЦ СОИГСИ, 2003, 2004, 2005, 2007, 2010, 2011, 2012.
20. *Adams J.N.* A Type of Sexual Euphemism in Latin // *Phoenix*. 1981, Vol. 35, pp. 120–128.
21. *Adams J.N.* The Latin Sexual Vocabulary. London: Duckworth, 1982.
22. *Васильков Я.В.* Индийское наследие в мифологии и фольклоре европейских рома (цыган) // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2022. Т. 26. С. 162–174.
23. *Skinner M.B.* Sexuality in Greek and Roman culture. Chichester: Wiley, 2014.
24. Словарь русского языка XI–XVII веков. Т. 1–. М.: Наука, 1975–.
25. *Чочиев А.Р.* Очерки истории социальной культуры осетин. Цхинвали: Ирыстон, 1985.
26. *Абаев В.И.* Грамматический очерк осетинского языка // *Осетинско-русский словарь*. Орджоникидзе: Ир 1970. С. 543–720.
27. *Hübschmann H.* Ossetische Nominalbildung. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1887. Band 41, № 2. S. 319–346.
28. *Brust M.* Historische Laut- und Formenlehre des Altpersischen. Mit einem etymologischen Glossar. Innsbruck: Institut für Sprachen und Literaturen der Universität, 2018.
29. *Цаболов Р.Л.* Этимологический словарь курдского языка. Том 2. М.: Восточная литература, 2010.
30. *Грюнберг А.Л., Стеблин-Каменский И.М.* Языки Восточного Гиндукуша. Ваханский язык: Тексты, словарь, грамматический очерк. М.: Наука, 1976.
31. *Justi F.* Iranisches Namenbuch. Marburg: N.G. Elwert, 1895.
32. *Ivanchik A., Krapivina V.* Nouvelles données sur le collège des agoranomes d’Olbia de l’époque romaine. Une koinè pontique. Bresson A., Ivanchik A., Ferrary J.-L. (eds.). Bordeaux: Ausonius Éditions, 2007. P. 111–123.
33. *Meissner T.* S-stem Nouns and Adjectives in Greek and Proto-Indo-European. Oxford: Oxford University Press, 2006.
34. *Dana D.* Onomasticon Thracicum. Répertoire des noms indigènes de Thrace, Macédoine Orientale, Mésies, Dacie et Bithynie. Athènes, 2014 (= МЕЛЕТНМАТА 70).
35. *Tokhtas’ev S.R.* Epigraphical Notes // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 2005. Vol. 11. P. 3–40.
36. *Blažek V.* On classification of Middle Iranian languages: (preliminary report) // *Linguistica Brunensia*. 2013. Vol. 61. P. 49–74.
37. *Смирнова О.И.* К вопросу о среднеазиатских культурах (О культурах Артавахишты и Митры по данным топонимики) // *Советская этнография*. 1974. № 1. С. 131–138.
38. *Martirosyan H.* Iranian Personal Names in Armenian Collateral Tradition (*Iranisches Personennamenbuch*, Band 5, Faszikel 3). Wien: Austrian Academy of Science Press, 2021.
39. *Дзиццойты Ю.А.* О некоторых реликтах древнеиранской лексики в топонимии Осетии // *Известия СОИГСИ*. 2018. Вып. 29 (68). С. 117–128.
40. *Falileyev A.* Varia Thracica et Pseudo-Thracica // *Orpheus*. 2013. V. 20. P. 5–14.
41. *Tomaschek W.* Die alten Thraker. Teil II. 2 // *Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften, Phil.-Hist. Klasse*. 1894. Band 131. S. 1–103.
42. *Duridanov I.* Thrak. συχίς, -συχίς, -συχος, -sucu und Zubehör // *Indogermanische Forschungen*. 1976. Band 81. S. 136–142.

43. *Мирчева А.* Увод в палеобалканистиката. София: Ни Плюс, 2017.
44. *Ковшова М.Л.* Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь русских эвфемизмов. М.: Гнозис, 2007.
45. *Гусалов В.М.* Вербальное табуирование в осетинском // Проблемы осетинского языкознания. 1987. Вып. 2. С. 64–82.
46. *Эдельман Д.И.* Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Лексика. М.: Восточная литература, 2009.
47. *Derksen R.* Etymological Dictionary of the Baltic Inherited Lexicon. Leiden, Boston: Brill, 2015.
48. *De Vaan M.* Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages. Leiden, Boston: Brill, 2008.
49. *Rix H., Kümmel M., Zehnder Th., Lipp R., Schirmer B.* Lexikon der indogermanischen Verben: die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen. 2. Aufl. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2001.
50. *Beekes R.* Etymological Dictionary of Greek. Leiden, Boston: Brill, 2010.
51. *Cheung J.* Etymological dictionary of the Iranian verb. Leiden, Boston: Brill, 2007.
52. *Mayrhofer M.* Etymologisches Wörterbuch des Altindiarischen. B. I–III. Heidelberg: C. Winter, 1992–2001.
53. *Птвеладзе Э.В., Саудов А.Х., Абдуллаев Е.В.* Авеста. “Закон против дэвов” (Видевдат). СПб.: Изд-во политехн. ун-та, 2008.
54. *Lincoln B.* Of Dirt, Diet, and Religious Others: A Theme in Zoroastrian Thought // *Dabir*. 2015. V. 1. P. 44–52.
55. *Karulis K.* Latviešu etimoloģijas vārdnīca. I–II. Riga: Avots, 1992.
56. *Kroonen G.* Etymological Dictionary of Proto-Germanic. Leiden, Boston: Brill, 2013.
57. *Matasović R.* Etymological dictionary of proto-Celtic. Leiden, Boston: Brill, 2009.
58. *Чунакова О.М.* Зороастрийские тексты. М.: Восточная литература, 1997.
59. *Panaino A.* A Story of *Blood*: Remarks on Yaghnoibi *waxn* and Avestan *vohu-*, *vohunī-* / *vohuna-* // *Iran and the Caucasus*. 2019, Vol. 23, pp. 177–198.
60. *Olsen B.* The Noun in Biblical Armenian. Berlin, New York: De Gruyter, 1999.
61. *Rossi A.V.* More Khotanese colours // *Iranian Languages and Texts from Iran and Turan*. Macuch M., Maggi M., Sundermann W. (eds.). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2007. P. 343–354.
62. *Emmerick R.E., Skjærvø P.O. (et al.).* Studies in the Vocabulary of Khotanese. I–III. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1982–1997.
63. *Cheung J.* Selected Pashto Problems II. Historical Phonology 1: On Vocalism and Etyma // *Iran and the Caucasus*. 2011, Vol. 15, pp. 169–205.
64. *Zair N.* The reflexes of the Proto-Indo-European laryngeals in Celtic. Leiden, Boston: Brill, 2012.
65. *De Vaan M.* The Avestan vowels. Amsterdam: Rodopi, 2003.
66. *Дзиццойты Ю.А.* Этимологический словарь иранских языков. Т. 6 // *Nartamongæ*. Том 16. 2021. С. 260–287.
67. *Vine B.* On full grade **-ro-* formations in Greek and Indo-European // *Indo-European Perspectives*. Southern M. (ed.). Washington: Institute for the Study of Man, 2002. P. 329–347.
68. *Wodko D.S., Irslinger B., Schneider C.* Nomina im indogermanischen Lexikon. Heidelberg: Winter, 2008.
69. *Smoczyński W.* Słownik etymologiczny języka litewskiego. Vilnius: Vilniaus universitetas, 2007.
70. *Дзиццойты Ю.А.* Словообразовательные типы осетинской топонимии // *Известия СОИГСИ*. 2018. Вып. 27 (66). С. 94–111.
71. *Nikolaev A.* Deep waters: the etymology of Vedic *gabhīrā-* // *Historische Sprachforschung*. 2019. Vol. 132. P. 191–207.
72. *Falileyev A.* ‘Salty’ Geographical Names: A Fresh Look // *Archaeology and Anthropology of salt: a diachronic approach*. Alexianu M., Weller O., Curcă R. (eds.). Oxford: Archaeopress, 2011. P. 209–214.
73. *Lurje P.* *Ġat, Var*: Archaic Elements in Ossetic Toponymy // *Iranistische und Indogermanistische Beiträge in Memoriam Jochem Schindler (1944–1994)*. V. Sadovski et al. (eds.). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2012. P. 107–112.

REFERENCES

1. Miller, V.F. *Osetinskie etyudy. Chast vtoraya* [Ossetian Studies. Part two]. Moscow, Tipographia A. Ivanova Publ., 1882. (In Russ.)
2. Miller, W. *Die Sprache der Osseten*. Strassburg: Karl J. Trübner, 1903. (In German)
3. Abaev, V.I. *Istoriko-etimologicheskij slovar osetinskogo yazyka. T. I–V* [Historical and Etymological Dictionary of Ossetic. Vols. I–V]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, Nauka Publ., 1958–1989. (In Ossetic, Russ.)
4. Abaev, V.I. *Osetinskij yazyk i folklor. T. 1* [Ossetian Language and Folklore. Vol. 1]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1949. (In Russ.)
5. Abaev, V.I. *Skifo-evropejskie izoglossy* [Scythian-European Isoglosses]. Moscow, Nauka Publ., 1965. (In Russ.)

6. Abaev, V.I. *Skifo-sarmatskie narechiya* [Scythian-Sarmatian Idioms]. *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Drevneiranskije yazyki* [Fundamentals of Iranian Linguistics. Old Iranian Languages]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 272–364. (In Russ.)
7. Pokorny, J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. 1–2. Bern: Franke Verlag, 1959–1969. (In German)
8. De Bernardo Stempel, P. Archaisch Irisch *maccu* als morphologisches Relikt. *Historische Sprachforschung*. 1991. Band 104. S. 205–223. (In German)
9. Bielmeier, R. *Historische Untersuchung zum Erb- und Lehnwortschatzanteil im ossetischen Grundwortschatz*. Frankfurt am Main, Bern, Las Vegas: Lang, 1977. (In German)
10. *Etimologičeskij slovar iranskih jazykov. T. 1–6* [Etymological Dictionary of the Iranian Languages. Vols. 1–6]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2000–2020.
11. Georgiev, V. *Trakijskij ezik* [The Thracian Language]. Sofia, Izdanije na BAN Publ., 1957. (In Bulgarian)
12. *Etimologičeskij slovar slavyanskih jazykov. Praslavyanskij leksičeskij fond. T. 1–41* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages: Proto-Slavic Lexical Stock. Vols. 1–41]. Moscow, Nauka Publ., 1974–2018.
13. Dzitstsoity, Yu. A. *Etimologičeskij slovar iranskih jazykov. Nartamongæ. Tom 13* [Etymological Dictionary of the Iranian Languages. *Nartamongæ*. V. 13]. 2018, pp. 342–364.
14. Cheung, J. *Očerki istoričeskogo razvitiya osetinskogo vokalizma* [Studies in the Historical Developments of the Ossetic Vocalism]. Vladikavkaz, Izdatel'sko-poličgrafičeskoye predpriyatiye im. V. Gassieva Publ., 2009. (In Russ.)
15. Kachinskaya, I.B. *Narodnaya erotika v evfemizmah (po materialam arhangelskih govorov). Čast 1. Ženskie polovye organy* [Popular Erotics in Euphemisms (Data of Archangelsk Dialects). Part One. Female Sex Organs]. *Palaeoslavica*. 2017, Vol. 25, pp. 109–137. (In Russ.)
16. Ardzinba, V.G. *Nartskij syuzhet o roždenii geroya iz kamnya* [The Nartian Motive of the Birth of a Hero out of the Stone]. *Drevnyaya Anatoliya. B.B. Piotrovskij i dr. (red.)* [Ancient Anatolia. B.B. Piotrovskij ed.]. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 128–168. (In Russ.)
17. Dzitstsoity, Yu.A. *Nartovskij epos i Amiraniani* [The Narta Epic and Amiraniani]. Tskhinval, 2003. (In Russ.)
18. Berezkin, Y.E., Duvakin, E.N. *Tematičeskaja klasifikacija i raspredeleenie folklorno-mifologičeskij motivov po arealam. Analitičeskij katalog* [Thematic Classification and Distribution of Folklore-Mythological Motifs in Different Arealas. Electronic Analytical Catalogue]. URL.: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>
19. *Narty kaddzhytæ. Iron adæmy epos. Sost. T.A. Hamicaeva, pod red. Sh.F. Dzhikaeva. T. 1–7* [Tales of the Narts. Ossetic epic, ed. T.A. Khamitsaeva and Sh.F. Dzhikaev, 7 Volumes]. Vladikavkaz, 2003, 2004, 2005, 2007, 2010, 2011, 2012. (In Ossetian)
20. Adams, J.N. A Type of Sexual Euphemism in Latin. *Phoenix*. 1981, Vol. 35, pp. 120–128.
21. Adams, J.N. *The Latin Sexual Vocabulary*. London, Duckworth, 1982.
22. Vassilkov, Ya.V. *Indijskoe nasledie v mifologii i folklore evropejskih roma (cygan)* [Indian Legacy in Myths and Folklore of European Roma (Gypsies)]. *Indoevropejskoe jazykoznanie i klassičeskaja filologija* [Indo-European Linguistics and Classical Philology]. 2022, Vol. 26, pp. 162–174. (In Russ.)
23. Skinner, M.B. *Sexuality in Greek and Roman culture*. Chichester, Wiley, 2014.
24. *Slovar russkogo jazyka XI–XVII vekov. T.1–* [Dictionary of the Russian Language. XI–XVII cc. V. 1–]. Moscow, Nauka Publ., 1975–. (In Russ.)
25. Chochiev, A.P. *Očerki istorii socialnoj kultury osetin* [Essays on the History of Ossetian Social Culture]. Tshinval, Iriston Publ., 1985. (In Russ.)
26. Abaev, V.I. *Grammatičeskij očerok osetinskogo jazyka* [A Grammatical Sketch of Ossetian]. *Osetinsko-russkij slovar* [Ossetian-Russian Dictionary]. Ordzhonikidze, Ir Publ., 1970, pp. 543–720. (In Russ.)
27. Hübschmann, H. Ossetische Nominalbildung. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. 1887. Band 41, № 2. S. 319–346. (In German)
28. Brust, M. *Historische Laut- und Formenlehre des Altpersischen. Mit einem etymologischen Glossar*. Innsbruck, Institut für Sprachen und Literaturen der Universität, 2018. (In German)
29. Tsabolov, R.L. *Etimologičeskij slovar kurdsckogo jazyka. Tom 2* [Etymological Dictionary of the Kurdish Language. Vol. 2]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2010.
30. Grunberg, A.L., Steblin-Kamensky, I.M. *Jazyki Vostočnogo Gindukusha. Vahanskij jazyk: Teksty, slovar, grammatičeskij očerok* [Languages of Eastern Hindu Kush. Wakhi: Texts, Dictionary, Grammatical Survey]. Moscow, Nauka Publ., 1976.
31. *Justi, F. Iranisches Namenbuch*. Marburg, N.G. Elwert, 1895. (In German)
32. Ivantchik, A., Krapivina, V. Nouvelles données sur le collège des agoranomes d'Olbia de l'époque romaine. *Une koinè pontique*. Bresson, A., Ivantchik, A., Ferrary, J.-L. (eds.). Bordeaux, Ausonius Éditions, 2007, pp. 111–123. (In French)
33. Meissner, T. *S-stem Nouns and Adjectives in Greek and Proto-Indo-European*. Oxford, Oxford University Press, 2006.

34. Dana, D. *Onomasticon Thracicum. Répertoire des noms indigènes de Thrace, Macédoine Orientale, Mésies, Dacie et Bithynie*. Athènes, 2014 (= МЕΛΕΤΗΜΑΤΑ 70). (In French)
35. Tokhtas'ev, S.R. Epigraphical Notes. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 2005, Vol. 11, pp. 3–40.
36. Blažek, V. On classification of Middle Iranian languages: (preliminary report). *Linguistica Brunensia*. 2013, Vol. 61, pp. 49–74.
37. Smirnova, O.I. *K voprosu o sredneaziatskih kultah (O kultah Artavahishty i Mitry po dannym toponimiki)* [On Central Asian Cults: Cults of Arthavakhichta and Mithra Reflected in Toponymy]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1974, No. 1, pp. 131–138. (In Russ.)
38. Martirosyan, H. *Iranian Personal Names in Armenian Collateral Tradition (Iranisches Pesonennamenbuch, Band 5, Faszikel 3)*. Wien, Austrian Academy of Science Press, 2021.
39. Dzitssoity, Yu.A. *O nekotoryh relikhtah drevneiranskoj leksiki v toponimii Osetii* [On Some Relicts of Ancient Iranian in Toponymy of Ossetia]. *Izvestiya SOIGSI* [Bulletin of the North Ossetian Institute of Humanities and Social Studies]. 2018, Vol. 29 (68), pp. 117–128. (In Russ.)
40. Falileyev, A. *Varia Thracica et Pseudo-Thracica. Orpheus*. 2013, V. 20, pp. 5–14.
41. Tomaschek, W. Die alten Thraker. Teil II.2. *Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften, Phil.-Hist. Klasse*. 1894, Band 131, S. 1–103. (In German)
42. Duridanov, I. Thrak. *συχις, -συχις, -συχος, -sucu* und Zubehör. *Indogermanische Forschungen*. 1976, Band 81, S. 136–142. (In German)
43. Mircheva, A. *Uvod v paleobalkanistikata* [Introduction to Paleobalkan Studies]. Sofia, Ni Plus Publ., 2017. (In Bulgarian)
44. Kovshova, M.L. *Semantika i pragmatika evfemizmov. Kratkij tematicheskij slovar russkih evfemizmov* [Semantics and Pragmatics of Euphemisms. A Concise Thematic Dictionary of Russian Euphemisms]. Moscow, Gnosis Publ., 2007. (In Russ.)
45. Gusalov, V.M. *Verbalnoe tabuirovanie v osetinskom* [Verbal Taboo in Ossetian]. *Problemy osetinskogo yazykoznanija* [Problems of Ossetian Linguistics]. 1987, Vol. 2, pp. 64–82. (In Russ.)
46. Edelman, D.I. *Sravnitel'naya grammatika vostochno-iranskih yazykov. Leksika* [Comparative Grammar of the East-Iranian Languages. Lexica]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2009. (In Russ.)
47. Derksen, R. *Etymological Dictionary of the Baltic Inherited Lexicon*. Leiden, Boston, Brill Publ., 2015.
48. De Vaan, M. *Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages*. Leiden, Boston, Brill Publ., 2008.
49. Rix, H., Kümmel, M., Zehnder, Th., Lipp, R., Schirmer, B. *Lexikon der indogermanischen Verben: die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen*. 2. Aufl. Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2001.
50. Beekes, R. *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden, Boston, Brill Publ., 2010.
51. Cheung, J. *Etymological dictionary of the Iranian verb*. Leiden, Boston, Brill Publ., 2007.
52. Mayrhofer, M. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. B. I–III. Heidelberg, C. Winter Publ., 1992–2001.
53. Rtlveladze, E.V., Saidov, A.Kh., Abdullaev, E.V. *Avesta. "Zakon protiv devov" (Videvdat)* [Avesta. Videvdat]. St. Petersburg, Izd-vo politekhn. un-ta Publ., 2008. (In Russ.)
54. Lincoln, B. *Of Dirt, Diet, and Religious Others: A Theme in Zoroastrian Thought*. Dabir. 2015, Vol. 1, pp. 44–52.
55. Karulis, K. *Latviešu etimoloģijas vārdnīca*. I–II. Riga, Avots Publ., 1992. (In Latvian)
56. Kroonen, G. *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*. Leiden, Boston, Brill Publ., 2013.
57. Matasović, R. *Etymological dictionary of proto-Celtic*. Leiden, Boston, Brill Publ., 2009.
58. Chunakova, O.M. *Zoroastrijskie teksty* [Zoroastrian Texts]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 1997. (In Russ.)
59. Panaino, A. *A Story of Blood: Remarks on Yaghnohi waxn and Avestan vohu-, vohuni- / vohuna-*. Iran and the Caucasus. 2019, Vol. 23, pp. 177–198.
60. Olsen, B. *The Noun in Biblical Armenian*. Berlin, New York, De Gruyter, 1999.
61. Rossi, A.V. *More Khotanese colours*. Iranian Languages and Texts from Iran and Turan. Macuch M., Maggi M., Sundermann W. (eds.). Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2007, pp. 343–354.
62. Emmerick, R.E., Skjærvø, P.O. (et al.). *Studies in the Vocabulary of Khotanese*. I–III. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1982–1997.
63. Cheung, J. *Selected Pashto Problems II. Historical Phonology 1: On Vocalism and Etyma*. *Iran and the Caucasus*. 2011, Vol. 15, pp. 169–205.
64. Zair, N. *The reflexes of the Proto-Indo-European laryngeals in Celtic*. Leiden, Boston, Brill Publ., 2012.
65. De Vaan, M. *The Avestan vowels*. Amsterdam, Rodopi Publ., 2003.
66. Dzitssoity, Yu.A. *Etimologicheskij slovar iranskih yazykov. T. 6* [Etymological Dictionary of the Iranian Languages. Volume 6]. *Nartamongæ*. V. 16, 2021, pp. 260–287.
67. Vine, B. *On full grade *-ro- formations in Greek and Indo-European*. *Indo-European Perspectives*. Southern M.

- (ed.). Washington, Institute for the Study of Man, 2002, pp. 329–347.
68. Wodko, D.S., Irslinger, B., Schneider, C. *Nomina im indogermanischen Lexikon*. Heidelberg, Winter Publ., 2008. (In German)
69. Smoczyński, W. *Słownik etymologiczny języka litewskiego*. Vilnius, Vilniaus universitetas Publ., 2007.
70. Dzitstsoity, Yu.A. *Slovoobrazovatelnye tipy osetinskoj toponimii* [Types of Word-Formation in Ossetian Toponymy]. *Izvestiya SOIGSI* [Bulletin of the North Ossetian Institute of Humanities and Social Studies]. 2018, Vol. 27 (66), pp. 94–111. (In Russ.)
71. Nikolaev, A. Deep waters: the etymology of Vedic gabhīrā-. *Historische Sprachforschung*. 2019, Vol. 132, pp. 191–207.
72. Falileyev, A. ‘Salty’ Geographical Names: A Fresh Look. *Archaeology and Anthropology of salt: a diachronic approach*. Alexianu M., Weller O., Curcă R. (eds.). Oxford, Archaeopress Publ., 2011, pp. 209–214.
73. Lurje, P. *Ĝat, Var*: Archaic Elements in Ossetic Toponymy. *Iranistische und Indogermanistische Beiträge in Memoriam Jochem Schindler (1944–1994)*. V. Sadovski et al. (eds.). Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2012, pp. 107–112.

Дата поступления материала в редакцию: 25 июля 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 27 августа 2022 г.

Статья принята к публикации: 31 августа 2022 г.

Дата публикации: 31 октября 2022 г.

Received by Editor on July 25, 2022

Revised on August 27, 2022

Accepted on August 31, 2022

Date of publication: October 31, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800019895-0

О письменных источниках сарт-калмыков

© 2022 г. **Б. Х. Борлыкова**

Кандидат филологических наук,
научный сотрудник Калмыцкого государственного университета
им. Б.Б. Городовикова,
Россия, 358000, Элиста, ул. Пушкина, д. 11
borlboskha@mail.ru

© 2022 г. **Б. В. Меняев**

Специалист Калмыцкого государственного университета
им. Б.Б. Городовикова,
Россия, 358000, Элиста, ул. Пушкина, д. 11
bmeyaev@mail.ru

Резюме. Статья посвящена изучению сарт-калмыцких письменных источников (письма, генеалогические древа, рукописный словарь С.С. Насымбатова), хранящихся в Научном архиве Калмыцкого научного центра РАН, частных коллекциях жителей села Челпек Ак-Суйского района Иссyk-Кульской области Киргизии и личном архиве авторов. Все описываемые источники не были до сих пор введены в научный оборот и оставались неизвестными исследователям. Важнейшим источником для изучения разговорного сарт-калмыцкого языка является рукописный словарь, составленный в 1990-е годы краеведом Султаном Насымбатовым (1925–2003). В процессе изучения установлено, что рассматриваемая незаконченная рукопись (А–К) не имеет единой чёткой структуры, нет тематической разбивки слов, словосочетаний, обиходных выражений. Установлено, что основной целью составления рукописного словаря было обучение и сохранение разговорного сарт-калмыцкого языка.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-012-00537 А.

Ключевые слова: сарт-калмыки Киргизии, письменные источники, язык, письма, генеалогические древа, рукописный словарь С.С. Насымбатова, частные коллекции, архивные материалы.

Для цитирования: Борлыкова Б.Х., Меняев Б.В. О письменных источниках сарт-калмыков // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 5. С. 74–81. DOI: 10.31857/S160578800019895-0

On the Sart-Kalmyk Written Sources

© 2022 **Boskha Kh. Borlykova**

Cand. Sci. (Philol.),
Scientific researcher at the Kalmuck B.B. Gorodovikov State University,
11 Pushkin Str., Elista, 358000, Russia
borlboskha@mail.ru

© 2022 **Badma V. Menyaev**

Specialist at the Kalmuck B.B. Gorodovikov State University,
11 Pushkin Str., Elista, 358000, Russia
bmeyaev@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of Sart-Kalmyk written sources (letters, genealogical trees, S.S. Nasymbatov's handwritten dictionary), stored in the Scientific Archive of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, in private collections of residents of Chelpek village of Ak-Suu district, Issyk-Kul region of Kyrgyzstan and in personal authors' archive. All of the described sources have not been introduced into scholarly circulation yet and remain unknown to researchers. The most important source for studying the spoken Sart-Kalmyk language is the dictionary in manuscript form compiled in the 1990s by a local historian Sultan Nasymbatov (1925–2003). As our study demonstrates, this unfinished manuscript (A–K) has no transparent structure; there is no thematic breakdown of words, collocations and everyday expressions. It has been established that the main purpose of compiling the handwritten dictionary was to teach and preserve the spoken Sart-Kalmyk language.

Acknowledgements. The present study was funded by RFBR, project № 20-012-00537 A.

Key words: Sart-Kalmyks of Kyrgyzstan, written sources, language, letters, genealogical trees, S.S. Nasymbatov's handwritten dictionary, private collections, archival materials.

For citation: Borlykova, B.Kh., Menyaev, B.V. *O pismennyh istochnikah sart-kalmykov* [On the Sart-Kalmyk Written Sources]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 5, pp. 74–81. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800019895-0

Эта статья продолжает серию публикаций, посвященных вопросам изучения сарт-калмыков, проживающих в Иссык-Кульской области Киргизии. Сарт-калмыки (самоназвание *хальме* (*хальме*) ‘калмыки’, ранее *өөлд* ‘олёты’ (*улан залата өөлд* ‘олёты с красной кистью’), *хар хальме* ‘кара-калмаки’, *хотн хальме* ‘хотон-калмаки’) — это небольшая этноконфессиональная народность ойратского происхождения, исповедующая ислам. В предыдущих статьях нами изучены некоторые вопросы по этнографии, фольклору и языку сарт-калмыков (2020–2022). В нынешней статье мы обратимся к письменному наследию сарт-калмыков (письма, генеалогические древа, рукописный словарь С.С. Насымбатова).

Известно, что сарт-калмыки во второй половине XIX века в связи с дунганскими восстаниями в Синьцзяне были вынуждены перейти российскую границу и поселиться в долине реки Каракол (сарт-калм. *Хар хол*). В исторической литературе выдвигаются самые различные версии происхождения сарт-калмыков: одни считают, что они потомки узбеков и киргизов, которые женились на олётках Текеса, другие утверждают, что их предками были олёты¹. А.В. Бурдуков в своей неопубликованной статье “Сарт-калмыки” пишет, что “ближайшими родичами сарт-калмыков являются текесские калмыки. От текесских калмыков они окончательно отделились на Хабхаках только после 1882 г. До этого с 1864 г. после дунганского восстания они вместе с текесскими калмыками, т.е. олётами (*өөлд*), жили в Алматинском, Джаркенском уездах, а часть из них жила по Караколу” [1, л. 3]. По информации Султана Насынбатова (1925 г.) первые олёты (*жирн өрк* ‘шестьдесят семей’) перекочевали в долину реки

Каракол в 1863 году из среды уйгуров со стороны Урумчи и именовались “хотон-калмыки ‘калмыки-мусульмане’” [2, л. 12]. Эту же информацию подтверждает сказитель Бакхи Сарпеков (1872 г.). Позже к ним присоединились *кара-калмыки* (*хар хальме* ‘калмыки-буддисты’) из Текеса (текесские олёты), исповедовавшие буддизм [3, с. 98].

Сарт-калмыки при переходе на российскую сторону пользовались вертикальным ойратским письмом “тодо бичиг”², об этом пишет А.В. Бурдуков. “Оказавшись в киргизско-русском окружении, они, естественно, свою письменность начали забывать. Арабский и русский алфавиты победили алфавит Заяпандиты” [4, с. 73]. К сожалению, на сегодняшний день у сарт-калмыков не сохранились старые книги и другие рукописные письменные памятники на тодо бичиг. Это является следствием их многократных перекочевок, дунганских восстаний и киргизского погрома в 1864 г. Бурдуков отмечает последних “грамотеев”, владевших письменностью тодо бичиг: Саар (умер в 1925 г.) и Саса (умер в 1928 г.) [4, с. 73].

Самым ранним письменным памятником сарт-калмыков на родном языке, имеющимся в нашем распоряжении, является письмо учащегося Калмыцкой советско-партийной школы Ороза Курбанкулова “Кара-киргиз дотр бәәдг Хальмг нутгин тасрха / үдлдд” (“Потомки калмыков, проживающих среди кара-киргизов”). Письмо Курбанкулова относится к разновидности деловых писем, так как адресовано руководству Калмыкии (обком ВКП(б), облисполком и облпрофсовет). В 1926 г. данное письмо было опубликовано на страницах газеты “Улан хальмг” (“Красный калмык”) [5, с. 4].

¹ Олёты — (ойр. өөлд) — ойраты, проживающие ныне в Увс и Ховд аймаках Монголии и Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая.

² *Тодо бичиг* ‘Ясное письмо’ — ойратская письменность, которая была создана в 1648 г. ойрат-калмыцким просветителем, переводчиком, буддийским монахом Заяпандитой Намкай Дзамцо (1599–1662) на основе уйгуро-монгольского алфавита.

В послесловии письма редакция газеты пишет, что они сохранили алфавит, стиль, орфографию и пунктуацию автора. В 1976 г. Ц.Д. Номинханов данное письмо в качестве образца сарт-калмыцкой письменности на графической основе русского алфавита опубликовал в “Очерках истории калмыцкой письменности” [6, с. 59–60]. В письме гласные мягкого ряда передаются буквами *ä, ö, ü*, в современном алфавите калмыцкого языка — *ә, ө, ү*. Редакция газеты под текстом письма пишет комментарий: “язык сарт-калмыков в целом схож с нашим калмыцким языком, имеются лишь незначительные различия”. К лексическим различиям можно отнести слова: *уралан* ‘раньше’ (срав. калм. *уралан* ‘вперёд’ [7, с. 534–535], ойр. *ураалаан* ‘вперёд’ [8, с. 355], монг. *урагшаа* ‘вперёд’ [9, с. 339]), *өмэрэн* ‘раньше’ (срав. калм. *өмэрэн* ‘вперёд’ [7, с. 415], ойр. *өмээрэн* ‘вперёд’ [8, с. 355]), к фонетическим — *хамсулад* ‘объединив’ (калм. *хамцулад*). Текст письма условно разбивается на три части. В первой части Курбанкулов дает краткую историческую справку о сарт-калмыках, во второй пишет о том, как сарт-калмыки узнали о существовании Калмыцкой автономной области и о возможности обучения там. В конце письма автор просит руководство Калмыкии переселить сарт-калмыков в Калмыцкую автономную область.

<p><i>Уралан Зүүн-Гар дөрвн өбдрин улан-залат Моңһл эвдрхд, Улан Хошуд зурһан сумн (аңг) болад. Китд хааг хялгәд Илин көвәй Текс гидг һазрт бидн үлдләвдн. 1860-ч жилд Гүлз (Күльджа) гидг һазрт Таранч-хотн (сарт) гидг нутг Китд хаатә дәәлдв: тер дәәнд Гүлзд үлдсн хальмгүдиг Хасг-Киргиз олзлж, гертә малтагинь авад Харгол (Каракол) гидг газрт авч ирж. 1861-ч жилд Орс хаан, Хасг-Киргиз заагур тарж одсн хальмгүдиг хамсулад, Харгол (Каракол) гидг газрас газр өнчлж өгч; тер өнч газран элгәд, ода күртл бәәнәвдн. Өмәрән болхлә Туркестанский крайин, Семиреченский областин, Пржевальский уездд бәәх сарт-калмык гиж маниг нерәддг билә. Ода болхлә Кара-Киргизский областин, Каракольский Округд бәәх сарт-хальмг гиж нерәднәй</i></p>	<p>Когда распался союз четырех ойратов в Джунгарии, улан хошуды³, образовав шесть сомонов, стали подданными китайского хана и остались жить в Текесе на берегу реки Или. В 1860 году в местности Гүлз (Кульдже) таранчи-хотоны (сарты) начали войну с китайским ханом. [Во время той войны] казахи и киргизы взяли в плен калмыков, проживавших в Гүлзе, и угнали в местность Каракол. В 1861 году русский царь, собрав калмыков, рассеявшихся среди казахов и киргизов, наделил их земель близ Каракола, где мы поныне и живем. Раньше нас называли сарт-калмыками Пржевальского уезда Семиречинской области Туркестанского края, сейчас же — сарт-калмыками Каракольского округа Кара-Киргизской области.</p>
--	--

³ Улан хошуды — джунгары, ойраты.

<p><i>Тер Орс хаан маниг хурахд 240 өрк күүн биләвдн, ода мана нутгт 570 өрк бәәнә. Ода хойр селән, нег аймисполком болад бәәнәвдн.</i></p>	<p>Когда нас русский царь собрал, нас было 240 семей, сейчас — 570 семей. Проживаем мы в двух селах, есть один аймачный исполком.</p>
<p><i>1924-ч жил күртл хама хальмг бәәдгиг меддуго биләвдн; 1924-ч жил мана тер бәәсн нутгас хойр көвүн Москуд сургульд ирлә, тегәд тедн сургулин сүүләр хәрж ирхләрн, хальмг бәәнә гиж ирв. Тедн хальмг бәәхиг Москуд бәәсн Хальмгин представителяс соңсж. Теднәс хальмг сургуль бәәхиг соңсад, би Москуд ирәд, Москуд бәәсн Наркомпрос нацмен Калмотдел Чимдә, представитель Калмобласти Сайков хойрла харгад, мест авбув. Тегәд ода тавн күүн сентябрь сарас нааран Калмсовпартшколд сурч бәәнәвдн. Ирч жилд үүндән орхнь олар ирх гиж саннавдн, зуг Хальмгин Области сургульд мана орм өкиг эрж бәәнәвдн.</i></p>	<p>До 1924 года мы не знали, где живут калмыки. В 1924 году наши два парня приехали на учёбу в Москву. Окончив учёбу в Москве, вернулись и сообщили о том, что есть Калмыкии. Они слышали об этом в представительстве Калмыкии. Узнав от них, что в Калмыкии есть образовательное учреждение, я поехал в Москву. В Москве я, встретившись с Чимдой, работавшим в отделе национальных меньшинств Наркомпроса, и представителем Калмыцкой области Сайковым, получил учебное место. Итак, мы пять человек с сентября месяца учимся в Калмыцкой советской партийной школе. Мы думаем, что в следующем году сюда приедут учиться больше людей. Но только мы просим учебные места в Калмыцкой области.</p>
<p><i>Нам иир аргта болхнь, мана тер нутгиг нааран нүүлгәд авхнь сәән болх билә [5, с. 4].</i></p>	<p>Если есть возможность, то хорошо было бы наш нутук переселить сюда.</p>

“Сарт-калмыки этнически делятся на рода (сарт-калм. *ясн* ‘род, племя’, кирг. — *уруу*): байынбаха (баян-баха ‘богатый Бакха’), сатылбалды / карабаатыр (хар баатр ‘чёрный батыр’), шонкур (шоңхр ‘сокол, кречет’), солто, кыпчак, жедигер, манкыш / монкуш, хөдөн (ходон), керем, сарыпалды (сатывалды), караказ, күйкүн уулу өрбеник, жарын өркү ‘шестьдесят семей’, жил мәәмд, мол мәәмд, чүмөт (чимит), бежин шарып (бейжиншарып, буруд шарһа), чаган, чирик (черек < калм. *церг* ‘войн, войско’), монголдор ‘монголы’, таван талх (‘пять поджаренной муки’), тавн хар (‘пять чёрных’), ошур баатыр (‘Ошур богатырь’) и др.” [10, с. 367]. Из приведённых наименований можно видеть, что сарт-калмыки не представляют собою этнически однородной группы. “В их состав вошли также и киргизские подразделения — солто, сатывалды, кыпчак, буһу, сары баһыш, жедигер” [11, с. 22–31]. Следует отметить, что и среди киргизских подразделений есть род калмыки. Каждый род, боясь кровосмешения, составлял генеалогические древа, описывающие их родственные связи. Они, как и все другие монгольские и тюркские народы, должны были знать свои семь поколений *долан эчкә* ‘семь отцов’

Абдыкадыра Ахмедшарипова⁴ написано: “Алексей Васильевич, посоветуйте. Я дальше еще хочу учиться. Потому что я работаю в отдаленном от центра районе и отстал от культуры и знаний. Если Ленинград еще лучше стал, то я летом поеду обязательно” (Письмо от 29.01.40 г.). В этом же письме отмечено, что в средней школе сарт-калмыки изучают калмыцкий язык. Учителем калмыцкого языка упомянут Кубанов, приехавший из Калмыкии в Челпек в 1936 г. Он же упомянут в статье А.Ш. Кичикова “Хар холын хальмгуд” (“Каракольские калмыки”) (1964) [13].

В Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга хранится заявление от студентов группы сарт-калмыков на имя ректора курсов национальных меньшинств (нацмен) Советского Востока от 4 октября 1932 г., где они просят Ученый Комитет ЦИК СССР включить их в список нацмен и оставить на курсах нацмен Советского Востока. В конце заявления перечислены фамилии просителей: Азнакулов, Ахмедшарыпов, Аитбаева, Азнакулова, Керимкулов, Исламов, Солдатов, Махмедов, Мудаев, Токбаев, Токбаева. Ответ Комитета был положительным, студенты продолжили учебу (ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 991).

“В настоящее время сарт-калмыцкий язык относится к числу исчезающих монгольских языков, носителей практически не осталось, а на речь тех, кто немного помнит язык, большое влияние оказывает доминирующий киргизский” [14, с. 60]. Наличие лексикографических источников позволило бы расширить знания о языке сарт-калмыков. А.В. Бурдуков в статье “Каракольские калмыки (сарт-калмаки)” (1935) пишет, что им был составлен “маленький калмыцко-киргизско-русский словарь” [4, с. 47]. К сожалению, авторам статьи не удалось обнаружить данный словарь в личном фонде А.В. Бурдукова.

В 1999 г. у сарт-калмыков побывал с экспедицией венгерский ученый Д. Кара. Он кратко описал их язык, быт и этнографию в статье “Сарт-калмыки – калмыки Иссык-Куля” (2012). Им было отмечено, что «старый калмык, свободно говоривший на родном языке, начал составлять

⁴ Абдыкадыр Ахмедшарипов (1911–1992) родился в с. Челпек. Отец Шаргаев Ахмедшарип (1889–1918). Мать Тойгонбай кызы Айымхан (1893–1965). В 1931 году окончил начальную школу села Челпек. С 1931 по 1936 год учился в Ленинграде на курсах национальных меньшинств (нацмен) Советского Востока. С 1936 по 1943 год работал учителем в селе Гулчо Алайского района Киргизии. С 1941 по 1980 год работал директором школы № 1 села Мургаб Мургабского района Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана.

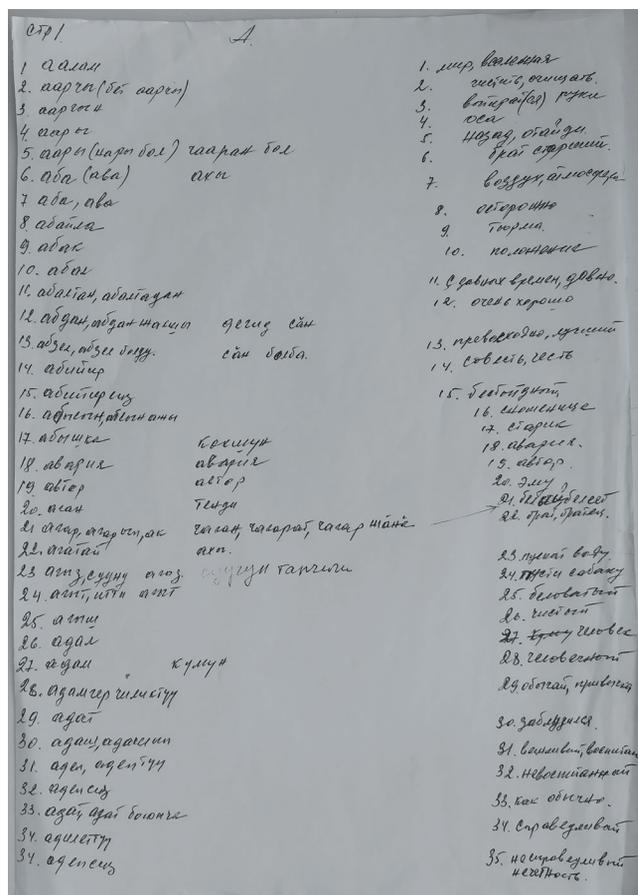

Фото 2. Пример рукописной страницы: лист 1 из рукописи словаря С.С. Насымбатова. Фото Б.Х. Борлыковой.

“Калмыцко-киргизский словарь” на своем местном диалекте» [15, р. 201].

В 2021 году авторами настоящей статьи в рамках проекта РФФИ № 20-012-00537 А была проведена экспедиция по Иссык-Кульской области Киргизии (маршрут: г. Каракол, Ак-Суйский район: с. Челпек, с. Бёрю-Баш, с. Таш-Кыя, с. Бурма-Суу, Ак-Суу, Джети-Огузский район: с. Тамга). В ходе экспедиции в селе Челпек в доме Санджи Насымбатова (1978 г.р.) была обнаружена часть рукописи “Киргизско-сарт-калмыцко-русского словаря” (А–К), упомянутая ранее Д. Кара. Данный словарь также упомянут в специальном репортаже Киргизского телевидения “Атайын репортаж” (2007) в интервью с краеведом Бектуром Мансуровым (1948–2011), в книге Б.Н. Мансурова “Инсандар дөөлөтү: Даректүү өмүр баян жыйнагы” [16, с. 188] и статье синьцзянского краеведа Т. Тёрменке “Сарт-хальмгин тухай анхна шинжлт” (“Предварительное изучение сарт-калмыков”) [17, с. 589].

Рукопись словаря состоит из 33 пронумерованных листов. На первой странице нет названия

рукописи и не указана её датировка. Переплет отсутствует. Степень сохранности удовлетворительная. Рукопись словаря зафиксирована на киллище, представлена в виде листов А4. Листы расчерчены пополам, на каждой половине имеются слова на киргизском, сарт-калмыцком и русском языках. В рукописи представлено 1033 слова и словосочетаний на киргизском языке с переводом на русский язык. В настоящее время рукопись словаря хранится в личном архиве авторов статьи. Автор рукописи – Султан Санбайырович Насымбатов (1925–2003) родился в селе Челпек. С 1934 по 1941 год учился в Челпекской неполной школе. В 1943 г. ушёл добровольцем на фронт. Участник Великой Отечественной войны. В 1944 г., вернувшись с войны, окончил курсы киномехаников. С 1945 по 1950 год работал киномехаником в Облкинофикации, с 1950 по 1960 год работал киномехаником в селе Челпек. В 1960–1985 гг. работал в школе, клубе, разнорабочим на Иссык-Кульской селекционной станции. Хорошо знал язык, историю сарт-калмыков. В 1990-е годы он составил рукопись “Киргизско-сарт-калмыцкого словаря”. С.С. Насымбатов упомянут в списке информантов профессора Д.А. Павлова [18, с. 60].

В рассматриваемой рукописи отсутствует единая чёткая структура, нет группировки слов и словосочетаний по тематическому признаку. Слова и словосочетания даны в алфавитном порядке. Из рукописи видно, что словник составлен изначально на киргизском языке с переводом на русский язык, затем по мере нахождения эквивалентов на калмыцком языке он дополнялся. Рукопись является черновиком, так как в ней есть помарки. Словарь, видимо, был предназначен для устного общения, так как в нём присутствуют обиходные выражения из разговорного языка. Таким образом, рукопись может служить источником в изучении разговорного сарт-калмыцкого языка. Ксерокопия рукописи словаря хранится в доме вдовы Дамира Рахимтулаева – Розы Беккуловой.

Таблица 1. Примеры из рукописи словаря С.С. Насымбатова (буква “А”)

Киргизский язык	Сарт-калмыцкий язык	Русский язык
аары	чааран бол	назад, отойди
абдан, абдан жахшы	дегид сән	очень хорошо
абышка	көкшүн	старик
агар, агар ып	ак чаган, чагарат, чагар жәнә	белый, белеет

агыз, сууну агыз	суугун тапчиги	пускай воду
адам	күмүн	человек
аз, аз болуп калды	багы, багы болжудба	мало, немного
айт, айтталы	кел, келя	говорить, сказать
айтпайт	келхиши	не скажет, не говорить
айтса жакшы болор эле	тер келхина сән болдук билә	было бы хорошо, если он скажет
айттым (мен аныга айттым)	би тенди келни	я ему сказал
айыл	әйл	аул
айылда	әйлди	в ауле
ак (чаган ак ит, кара ит, баары бир ит)	чаган ноха, хар ноха, чугай нек ноха	белый (белая собака, чёрная собака, одни собаки)
акча	зоос	деньги
акчалат берди	зоосар өгвә	деньгами отдал
акылдуу	уха, ухата	ум, разум
акылдуу киши	ухата күмүн	умный, разумный
акылман	дегит ухата күмүн	мудрец, умный
акылсыз	ухан го, ухай го	глупый, неумный
ал	тер	он, тот
алдады	мекилчиква	обманул
алма	әлим	яблоко
ал, алыңыз	ап, аптын	бери, возьми
анан	дагать	потом, после
анан эмне болду	дагать юм болба	что потом
андай болсо	тийим болхуна	если так
ансыз	тер го	без него
аныки	тенә	его, ему принадлежащий
апа	эки	мать
апкел	авадир	неси, привези
апырт, апыртма	худул келнә	преувеличение
ары бол	чааран бол	отойди
ашкана	хот уудук гер	столовая, кухня
аяз	кийтин	мороз
аял	авга	женщина

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

калм. – калмыцкий язык

монг. – монгольский язык

ойр. – ойратский язык

ПМА – Полевые материалы авторов

сарт.-калм. — сарт-калмыцкий язык

срав. — сравнить

тиб. — тибетский язык

этно. — этноним

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бурдуков А.В. Калмыки и сарт-калмыки для народов СССР // Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 165. Оп. 1, ед. хр. 2. С. 3.
2. Комментарии А.В. Бурдукова // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 21. Оп. 1, ед. хр. 1. Лл. 12–39.
3. Молдобаев И.Б. Калмаки (Сарт-Калмаки) // Этнос и его подразделения. М.: Институт этнологии и антропологии, 1992. Ч. 1. С. 95–105.
4. Бурдуков А.В. Каракольские калмыки (сарт-калмаки) // Советская этнография. 1935. № 6. С. 47–79.
5. Курбанкулов О. Кара-Киргиз дотр бөөдг хальмг нутгин тасрха (үлдлд) (“Потомки калмыков, проживающих среди кара-киргизов”) // Улан хальмг. 1926. № 12. С. 4.
6. Номинханов Ц.Д. Очерки истории калмыцкой письменности. М.: Наука, 1976. С. 59–60.
7. Калмыцко-русский словарь. Под ред. Б.Д. Муниева. М.: Русский словарь, 1977. 765 с.
8. Тодаева Б.Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2001. 493 с.
9. Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. Т. 3. Ө–Ф / Под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 440 с.
10. Борлыкова Б.Х. Сарт-калмыки Киргизии: краткий этнографический очерк // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 1. С. 362–378. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-362-378.
11. Абрамзон С.М. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. 1960. Т. IV. С. 91.
12. Лиджиев А.Б. Антропонимы как источник по этнической истории сарт-калмыков // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. 2010. № 2. С. 111–117.
13. Кичиков А.Ш. Хар холын хальмгуд // Хальмг үнн, 1964. № 164. С. 3–4.
14. Борлыкова Б.Х., Меняев Б.В. О некоторых фонетических особенностях сарт-калмыцкого языка // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 4. С. 58–66. DOI: 10.31857/S241377150009741-8.
15. Kara D. Sart-Kalmyk – Kalmyks of Ysyk-Köl (Karakol, Kirghizstan) // Oirad and Kalmyk Linguistic Essays. Budapest, ELTE Eötvös Kiadó, 2012. Pp. 197–210.
16. Мансуров Б. Инсандар дөөлөтү: Даректүү өмүр баян жыйнагы (Известные личности: сборник биографических сведений). Бишкек, 2004. 380 с.
17. Тёрменке Т. Сарт-хальмгин тухай анхна шинжллт (Предварительное изучение сарт-калмыков). Урумчи: издательство науки и техники Синьцзяна, 2011. 663 с.
18. Павлов Д.В. Каракольские калмыки и их язык. Учеб. пособие по курсу “Калмыцкая диалектология”. Элиста: Калмыцкий государственный университет, 1990. 64 с.

REFERENCES

1. Burdukov, A.V. *Kalmyki i sart-kalmyki dlya narodov SSSR* [Kalmyks and Sart-Kalmyks for the Peoples of the USSR]. *Arxiv vostokovedov IVR RAN* [Archive of Orientalists of the IVR RAS]. F. 165. Op. 1, storage unit 2, p. 3. (In Russ.)
2. *Kommentarii A.V. Burdukova* [Comments by A.V. Burdukov]. *Nauchnyj arxiv Kalmyczkogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* [Scientific Archive of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. F. 21. Op. 1, storage unit 1, pp. 12–39. (In Russ.)
3. Moldobaev, I.B. *Kalmaki (Sart-Kalmaki)* [Kalmyks (Sart Kalmaks)]. *Etnos i ego podrazdeleniya* [Ethnos and Its Subdivisions]. Part 1. Moscow, Institute of Ethnology and Atropology Publ., 1992, pp. 95–105. (In Russ.)
4. Burdukov, A.V. *Karakolskie kalmyki (sart-kalmaki)* [Karakol Kalmyks (Sart Kalmaks)]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1935, No. 6, pp. 47–79. (In Russ.)
5. Kurbankulov, O. *Kara-kirgiz dotr bæädg khalmg nutgin tasrkha (üldld)* [The Descendants of the Kalmyks Living Among the Kara-Kyrgyz]. *Ulan khalmg* [Red Kalmyk]. March 23, 1926. (In Kalmyk)
6. Nominkhanov, Ts.D. *Ocherki istorii kalmyczkoj pismennosti* [Essays on the History of Kalmyk Writing]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 59–60. (In Russ.)
7. *Kalmyczko-russkij slovar* [Kalmyk-Russian Dictionary]. Ed. B.D. Muniev. Moscow, Russian Dictionary Publ., 1977. 765 p.
8. Todaeva, B.Kh. *Slovar yazyka ojratov Sinczyyana* [Dictionary of the Oirat Language of Xinjiang]. Rep. Ed. G.Ts. Pyurbiev. Elista, Kalmyk book publishing house, 2001. 493 p.
9. *Bolshoj akademicheskij mongolsko-russkij slovar* [Big Academic Mongolian-Russian Dictionary]. In 4 Volumes. Vol. 3. Ө–F. Under the general. ed.

- A. Luvsandendev and Ts. Tsedendamba; resp. ed. G.Ts. Pyurbeev. Moscow, Academia, 2001. 440 p
10. Borlykova, B.Kh., Menyaev, B.V. *Sart-kalmyki Kirgizii: kratkij etnograficheskij ocherk* [Sart-Kalmyks of Kyrgyzstan: a Brief Ethnographic Essay]. *Nauchnyj dialog* [Scientific Dialogue], No. 11 (1), pp. 362–378. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-362-378. (In Russ.)
11. Abramzon, S.M. *Etnicheskij sostav kirgizskogo naseleeniya Severnoj Kirgizii* [Ethnic Composition of the Kyrgyz Population of Northern Kyrgyzstan]. *Trudy Kirgizskoj arheologo-etnograficheskoi ekspedicii* [Proceedings of the Kyrgyz Archaeological and Ethnographic Expedition]. 1960, Vol. IV, p. 91. (In Russ.)
12. Lidzhiev, A.B. *Antroponimy kak istochnik po etnicheskoi istorii sart-kalmykov* [Anthroponyms as a Source for the Ethnic History of the Sart-Kalmyks]. *Problemy etnicheskoi istorii i kultury tyurko-mongolskix narodov* [Problems of Ethnic History and Culture of the Turkic-Mongolian Peoples]. 2010, No. 2, pp. 111–117. (In Russ.)
13. Kichikov, A.Sh. *Xar holyn xalmgud* [Karakol Kalmyks]. *Khalmg unn* [Kalmyk Truth]. 1964, No. 164, pp. 3–4. (In Kalmyk)
14. Borlykova, B.Kh., Menyaev, B.V. *O nekotoryh foneticheskix osobennostyah sart-kalmyckogo yazyka* [About Some Phonetic Features of the Sart-Kalmyk Language]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2020, Vol. 79, No. 4, pp. 58–66. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150009741-8. (In Russ.)
15. Kara, D. Sart-Kalmyk – Kalmyks of Ysyk-Köl (Karakol, Kirghizstan). Oirad and Kalmyk Linguistic Essays. Budapest, ELTE Eötvös Kiadó, 2012, pp. 197–210. (In Eng.)
16. Mansurov, B. *Insandar döölötü: Darektyü ömür bayan zhyjnagy* [Famous Personalities: a Collection of Biographical Information]. Bishkek, 2004. 380 p. (In Kirg.)
17. Termenke, T. *Sart-xalmgin tuxaj anxna shinjellt* [Preliminary Study of the Sart-Kalmyks]. Urumqi, Xinjiang Science and Technology Publishing House, 2011. 663 p. (In Oirat)
18. Pavlov, D.V. *Karakolskie kalmyki i ix yazyk. Ucheb. posobie po kursu “Kalmyczkaya dialektologiya”* [Karakol Kalmyks and Their Language. Proc. Manual for the Course “Kalmyk Dialectology”]. Elista, Kalmyk State University Publ., 1990. 64 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 27 апреля 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 22 июня 2022 г.

Статья принята к публикации: 31 августа 2022 г.

Дата публикации: 31 октября 2022 г.

Received by Editor on April 27, 2022

Revised on June 22, 2022

Accepted on August 31, 2022

Date of publication: October 31, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800022748-8

**Петер Симон Паллас
и становление академической полевой лексикографии в России**

© 2022 г. **В. И. Карпов**

Кандидат филологических наук,
ученый секретарь Института языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1
wi.karpow@gmail.com

© 2022 г. **С. А. Сенатор**

Кандидат биологических наук,
заместитель директора, ведущий научный сотрудник
Главного ботанического сада им. Н.В. Цицина РАН,
Россия, 127276, Москва, ул. Ботаническая, д. 4
stsenator@yandex.ru

© 2022 г. **Д. О. Воронцов**

Кандидат экономических наук,
доцент Российского государственного университета правосудия,
Россия, 117418, Москва, ул. Новочерёмушкинская, д. 69
vorontsovdo@mail.ru

© 2022 г. **Н. В. Беленов**

Кандидат педагогических наук,
доцент Самарского государственного социально-педагогического университета,
Россия, 443099, Самара, ул. Максима Горького, д. 65/67
belenov82@gmail.com

Резюме. В представленной статье мы обратились к экспедиционным записям П.С. Палласа (1741–1811), чтобы оценить их значение для становления академической полевой лексикографии в России. Путевые заметки Палласа можно считать важной работой в области отечественной полевой науки, проводившейся по поручению Императорской Академии наук. Паллас фиксирует сведения по этнографии и истории местных народностей, записывает лексику, свойственную их языкам, дает детальное описание географии, геологии, ботаники и зоологии. Он формирует профессиональную платформу для обсуждения и интерпретации малоизвестных или совершенно новых явлений, предметов, артефактов и т.д. Исследовательские принципы сформулированы Палласом в духе современных представлений о полевой работе: организация экспедиций, непосредственный контакт с носителями языка, целенаправленное интервьюирование для извлечения необходимой информации, учет “человеческого” фактора и т.п. Наш интерес привлекла лексика трех крупных тематических блоков: топонимов, фитонимов и этнографических лексем, зафиксированных Палласом во время посещения Среднего Поволжья. Данный регион рассматривается нами в пределах современных Самарской и Ульяновской областей, этнографический материал ограничен чувашским этносом, из перечисленных Палласом фитонимов отобраны наиболее примечательные примеры. Этимологический анализ, как и факты, собранные Палласом в процессе полевой работы, позволяют критически взглянуть на некоторые современные трактовки ономастической, ботанической и этнографической лексики и способствуют более глубокому изучению истории российской науки.

Ключевые слова: лексикография, полевые исследования, этнография, топонимы, фитонимы, этнонимы.

Для цитирования: Карпов В.И., Сенатор С.А., Воронцов Д.О., Беленов Н.В. Петер Симон Паллас и становление академической полевой лексикографии в России // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 5. С. 82–99. DOI: 10.31857/S160578800022748-8

Peter Simon Pallas and the Making of Academic Field Lexicography in Russia

© 2022 Vladimir I. Karpov

Cand. Sci. (Philol.),
Scientific Secretary of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
1 Bolshoy Kislovskiy Lane, Moscow, 125009, Russia
wi.karpov@gmail.com

© 2022 Stepan A. Senator

Cand. Sci. (Biol.),
Deputy Director, Leading Researcher of N.V. Tsitsin Main Botanical Garden of the Russian Academy of Sciences,
4 Botanicheskaya Str., Moscow, 127276, Russia
stsenator@yandex.ru

© 2022 Dmitry O. Vorontsov

Cand. Sci. (Econom.),
Associate Professor of the Russian State University of Justice,
69 Novocheremushkinskaya Str., Moscow, 117418, Russia
vorontsovdo@mail.ru

© 2022 Nikolai V. Belenov

Cand. Sci. (Pedagog.),
Associate Professor of the Samara State University of Social Sciences and Education,
65/67 Maksima Gorkogo Str., Samara, 443099, Russia
belenov82@gmail.com

Abstract. The article addresses the expedition notes of Peter Simon Pallas (1741–1811) in order to evaluate their role in the making of academic field lexicography in Russia. Pallas' travel notes can be regarded an important work that advanced the Russian field research, conducted on behalf of the Imperial Academy of Sciences. Pallas records information on the ethnography and history of local peoples, writes down the vocabulary of their languages, and provides a detailed description of geography, geology, botany and zoology. He develops a professional platform for scientists to discuss and interpret little-known or completely new phenomena, objects, artifacts, etc. Pallas' research principles resemble today's ideas about field work: organization of expeditions, direct contact with native speakers, targeted interviewing to get the necessary information, taking into account the 'human' factor, etc. The paper focuses on the vocabulary of three large thematic blocks: toponyms, phytonyms and ethnographic lexemes, recorded by Pallas during his visit to the Middle Volga region. This region is considered a territory that is within today's borders of the Samara and Ulyanovsk regions. The ethnographic material is limited to the Chuvash ethnic group. Only the most remarkable examples are selected from the phytonyms listed by Pallas. The etymological analysis, as well as the facts collected by Pallas in the process of field work, allow a critical look at some modern interpretations of onomastic, botanical and ethnographic vocabulary and contribute to a deeper study of the history of Russian science.

Key words: lexicography, field research, ethnography, toponyms, phytonyms, ethnonyms.

For citation: Karpov, V.I., Senator, S.A., Vorontsov, D.O., Belenov, N.V. *Peter Simon Pallas i stanovlenie akademicheskoj polevoj leksikografii v Rossii* [Peter Simon Pallas and the Making of Academic Field Lexicography in Russia]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 5, pp. 82–99. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800022748-8

0. Вводные замечания

Становление современной отечественной полевой лексикографии прочно связано с экспедициями А.Е. Кибрика и учеников его школы на Кавказ. Предложенные им принципы интервьюирования информантов и обработки информации легли в основу методологии полевой лингвистики, активно применяемой сотрудниками академических институтов и университетов Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Томска и других городов России. Результаты более чем полувековых полевых исследований отечественных лингвистов представлены в англоязычной коллективной монографии [1]. Данные, полученные в ходе работы по документации и описанию языков, послужили мощным стимулом для развития лингвистической типологии и теории языка в целом (см. детальный обзор в [2]).

Однако справедливости ради необходимо отметить, что полевая лексикография как отрасль отечественного академического языкознания зародилась задолго до 60-х годов XX века. Так, еще в 1920-е годы в образованном в Петрограде Яфетическом институте РАН (позже – Институте языка и мышления АН СССР) одним из направлений деятельности была организация экспедиций на Северный Кавказ, Дон и в Волжско-Камский регион для “собираания на местах лингвистического материала по языкам различных народностей” с целью “выяснения ставшего на первую очередь вопроса о яфетическом строе” языков указанных местностей “с углублением уже начатых в этом направлении работ, а также изучения структуры языков других соседящих народов по выявляемым и в них яфетическим элементам”, к этому добавлялся сбор “дополняющих лингвистические изыскания этнографических материалов” [3, с. 121]. Во время Карачаево-Балкарской экспедиции в 1930 г., помимо исследования “актуального состояния и действующих норм балкаро-карачаевской речи в целях подготовки к изданию словарей, учебных пособий и текстов”, ленинградскими языковедами была проведена “специальная работа по изучению топонимики Балкарии и Карачая, а также <...> по социально-правовым терминам”, отдельное внимание уделялось сбору материала, освещавшего “как языковые отношения внутри Карачая, так и связи

последнего с соседним балкарским и ногайским населением” [там же, с. 260–261].

Таким образом, уже в 20–30-е годы прошлого века полевая работа включала сбор сведений по целому ряду дисциплин: диалектологии и ареальной лингвистике, социолингвистике, этнографии, ономастике, этимологии. Лингвисты не только инициировали собственные фольклорно-этнографические и диалектографические поездки, но и принимали участие в составе некоторых комплексных академических экспедиций (в те годы одной из основных форм организации научной деятельности). В докладе академика А.С. Орлова, посвященном 15-летию учреждения Академии наук в СССР, сообщалось, что в 1925 г. Академией организовано 50 комплексных экспедиций, в 1927 г. академических экспедиций было 65, а в 1928 г. – 91. В 1928 г. создана Комиссия экспедиционных исследований для объединения и руководства всем экспедиционным делом Академии [4, с. 9–10]. Комплексный подход перекликается с принципами организации “физических экспедиций”, проводившихся во второй половине XVIII века под эгидой Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге [5]. Целью каждой такой экспедиции (“странствующей Академии”) было описание свойств воды, почвы, растений, животных, формы и внутреннего содержания горных массивов, способов обработки земли в разных местностях и состояния земледелия и животноводства в Российской империи. В задачи входило также фиксирование наиболее распространенных болезней людей и животных; специальное внимание следовало уделять богатствам земных недр, а также местным промыслам, произвести географические и метеорологические наблюдения и собрать сведения о нравах, обычаях, вероисповедании, языке и пр. местного населения (ср. [6, с. 63]; [7, с. 4–5]).

Ярким представителем российской академической науки той эпохи является немецкий естествоиспытатель, с 1767 года – действительный член и профессор Санкт-Петербургской Академии наук Петер Симон Паллас (1741–1811). По поручению императрицы Екатерины II он отправляется в 1768 году в составе одной из пяти комплексных экспедиций сначала в Поволжье, а затем через Оренбургскую губернию в Сибирь

и Забайкалье. Одновременно Паллас фиксирует свои наблюдения в записях, которые публикуются еще до окончания основной экспедиции в Санкт-Петербурге на немецком языке под названием “Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs” и вскоре появляются в переводе на русском языке как “Путешествие по разным провинциям Российского государства” (далее — “Путешествие...”). С 1771 по 1776 г. (в русскоязычной версии — с 1773 по 1788 г.) были изданы три объемные части путевых заметок, напечатанные пятью выпусками и фактически отразившие портрет Российской империи 70-х годов XVIII века в мельчайших подробностях. Начиная с перечисления топонимов, Паллас фиксирует сведения по этнографии и истории местных народностей, записывает лексику, свойственную их говорам, затем переходит к описанию географии, геологии, ботаники и зоологии. Его труд — не простая инвентаризация данных, Паллас сопровождает многие факты собственными толкованиями, приводит известные ему по опыту или по другим местностям схожие примеры, формируя подобным способом профессиональную платформу для обсуждения и интерпретации малоизвестных или совершенно новых явлений, предметов, артефактов и т.д. Вследствие этого трехчастное “Путешествие...” можно назвать основополагающей работой в области отечественной полевой науки, проводившейся по поручению и в сопровождении Академии наук.

В преддверии 300-летнего юбилея Российской академии наук и в связи с 250-летием с момента первой публикации путевых заметок Палласа мы обратились к его экспедиционным записям, чтобы оценить их значение для становления академической полевой лингвистики в России. Наш интерес привлекла лексика трех крупных тематических блоков: топонимов, фитонимов и этнографических лексем, зафиксированных Палласом во время посещения Среднего Поволжья. Данный регион рассматривается нами топографически в пределах современных Самарской и Ульяновской областей, этнографический материал ограничен чувашским этносом, из перечисленных в первой части “Путешествия...” фитонимов отобраны наиболее примечательные примеры.

1. “Поступать в своей должности ревностно и верно”: о наблюдениях Палласа и принципах их изложения

В отличие от кабинетных ученых Паллас не стремится придать утонченности и изысканности своей речи, его установка — максимальная

достоверность излагаемой информации. Он кратко, все сведения перепроверяет и, предоставляя их на суд читающей публики, неоднократно повторяет, что настойчивость, с какой академическое начальство требует от него оперативного отчета по экспедиции, не позволяет ему в должной степени отредактировать записи, поэтому он направляет их в типографию с минимальной правкой, что ни в коем случае не влияет на правдивость изложенных в них фактов. В обширном введении к одному из томов Паллас сетует на обилие типографских ошибок и неточностей как при издании предыдущих выпусков, так и при некорректном перепечатывании их фрагментов другими издателями. Он подчеркивает, что в своей научной работе стремится служить только истине с великим тщанием, ибо не мыслит поступать иначе, кроме как представлять увиденное или услышанное, как они были им засвидетельствованы непосредственно в момент наблюдения, не прибавляя ничего от себя, но и не утаивая деталей. При этом, как считает Паллас, оценивать общественную значимость и пользу открытий никто из естествоиспытателей не в силах, задача каждого из них — фиксировать все с неусыпным вниманием, прилежно используя накопленные знания и осторожно полагаясь на собственные чувства [8]; [9].

Прибывший из Берлина 26-летний Паллас записывал и издавал свои заметки изначально по-немецки. Наибольшую сложность представляли для него русские названия населенных пунктов, географических объектов, растений и животных, этнонимы и этнографическая лексика в целом. Во введении к первой части он подробно комментирует правила транслитерации русских слов (данный фрагмент переводчик с немецкого опустил, видимо, за ненадобностью), различая фонетические особенности в произношении русских звуков в зависимости от положения, например, оглушение звонких в ауслауте, позиционную спирантизацию [к]/[г] > [х]: *Boholjubof* (рус. Боголюбов), *Buhulma* (рус. Бугульма). Однако самому Палласу поначалу не удается строго придерживаться им же прописанных принципов. Так, определенная нерегулярность наблюдается при передаче звука [к] в топонимах, ср.: *Casan/Kasan* или *Moscau/Moskau*; также сложности представляют звуки [ж], [ш] и [ч], которые по-немецки нередко передаются одним и тем же графическим сочетанием *sch*: *Sawodschik* (рус. заводчик) или *Nischnei-Nowograd* (рус. Нижний Новгород). Впрочем, подобные замены не всегда свидетельствуют об ошибках транслитерации. Паллас в ряде случаев следует т.н. фонетическому письму, он

передает звуки в соответствии с произносительным узусом того времени и определенной местности, например, *Wolodimer* (рус. Владимир). В этом отношении его труд отражает языковые особенности середины XVIII века и может служить источником историко-лексикографического материала для диалектологов (ср. на примере чувашского языка [10]).

В контексте двуязычной лексикографии немецкий оригинал путевых заметок (в отличие от русской переводной версии) представляет собой русско-немецкий словник с набором лингвостецифических лексем, перевод которых способствовал бы лучшему пониманию реалий: нем. *Bethaus/Tschassownja* (рус. часовня), нем. *Eisfelsen/Lednik* (рус. ледник), нем. *Malz/Gustscha* (рус. гуща), нем. *Regenrinnen/Awragi* (рус. овраги), нем. *Bastschuhe/Lapti* (рус. лапти), нем. *Hopfenbier/Braga* (рус. брага), нем. *Harfe/Gusli* (рус. гусли), нем. *Poststation/Jam* (рус. ям). Также переводятся слова нерусского происхождения, например, татар. *Airan/Uiran* (нем. *saure Milch* – рус. простокваша), чув. *Kalün* (нем. *Brautgabe* – рус. калым, приданое), татар. *Bachtschu* (нем. *Arbusengarten* – рус. бахча). Паллас очень внимательно относится к лексической составляющей своих записей. Позже накопленный материал позволит ему осуществить амбициозную задачу – издать “Сравнительный словарь всех языков”, который до сих пор привлекает внимание исследователей по истории русских говоров и языков народов России и других государств [10]; [11]; [12]; [13].

Полевая наука предполагает выезд в поле и опрос информантов в привычной для них обстановке. Исследуемый объект (этническая группа, местный диалект, этнографическое явление и пр.) изначально должен быть малоизученным или вовсе неизвестным и ранее никем не зафиксированным, а значит, особо ценным для той или иной научной дисциплины [2, с. 11–12]. Принципы полевой работы Палласа отвечают современным методологическим требованиям: неслучайно по тексту часто встречаются формулы “рассказывали мне достоверные примеры”, “сколько я мог изведать”, “здесь сообщу я то, что мог я сведать” и т.п. Его познавательные установки как путешественника и естествоиспытателя определили тематические группы лексики, которые описаны им с особой тщательностью. Так, внимательное отношение к географическим объектам сопровождается историко-культурологической и этнографической детализацией при передаче топонимов, при этом нередко местные названия населенных пунктов трактуются с точки зрения

их этимологии (ср. объяснение топонима “городище” [8, с. 79, 141] или названия села Переволока [8, с. 162]). Как увлеченный ботаник он с рвением фиксирует фитонимы, причем некоторые растения упоминаются им впервые в русскоязычной печатной литературе (например, “Адамова голова” [8, с. 49]; об этом обозначении по ранним лечебникам подробнее см. [14]). И, наконец, Палласа-путешественника не оставили равнодушным сведения, связанные с жизнью других народов, их нравами, верованиями, образом жизни и, конечно, местными языками (об этнографическом описании мордвы у Палласа см. [15]). Он выступает не обычным наблюдателем и фиксатором происходящего, а собирает экспонаты для отправки в Санкт-Петербург. В своем дневнике Паллас пишет: “В Якушкиной, также чувашской деревне, я впервые видел употребляемый чувашами и татарами главным образом для распашки неводеланной степи сабан (*Saban* (сабан)) или татарский плуг, модель коего я велел изготовить для Академии” [16, с. 596].

Остановимся более подробно на перечисленных группах лексики. Сведения по каждой из групп приведены ниже в следующем порядке: начальная лексема дана по-немецки в соответствии с оригинальным изданием [8], вторая представляет собой вариант, зафиксированный в опубликованном переводе на русский язык [9]; затем следует современное написание лексемы. При отсутствии объекта в современных географических, биологических и этнографических реалиях либо совпадении его названия с имеющимися обозначениями третья позиция остается незаполненной. Трактовка каждого слова складывается, во-первых, из комментария самого Палласа, извлеченного нами из русскоязычной версии, и, во-вторых, данных из современных справочников и словарей по рассматриваемой тематике. Орфография, пунктуация и стиль текста русского перевода сохранены, дореформенные графемы заменены на современные. Постраничные ссылки на переводное издание размещены избирательно с целью более точной локализации лексемы в тексте, если в этом имеется необходимость.

2. Распределение лексики по тематическим группам

2.1. Топонимы

Всего у Палласа для Среднего Поволжья отмечено 224 топонима, зафиксированных в период с 22 сентября 1768 г. по 22 июня 1769 г. В соответствии с типами номинируемых объектов

в системе названий топонимов преобладающей группой географических объектов являются ойконимы – 134 единицы. Второй по количеству топонимических единиц является группа гидронимов, объединившая 61 наименование. Практически все гидронимы, упомянутые Палласом, сохранили своё наименование до настоящего времени, лишь слегка изменив лингвистическую форму. Паллас зафиксировал 24 оронима, среди которых узнаваемые в настоящее время Жигулёвские горы, Соколы горы, Шелехметские горы, Молодецкий курган, Царёв курган, Бурацкая гора и др. Примечательно, что к некоторым названиям Паллас записал топонимическую легенду. Зафиксированные им в комментариях трактовки топонимов, в том числе попытки их этимологической идентификации, и результаты их анализа приведены ниже.

Baituganowa (Jermak-aul)/Байтуганова (Ермак-аул)/село Татарский Байтуган (Камышлинский район Самарской области) – “Татарская деревня называется Ермак-аул, которая также по большей в Сок впадающей речке именуется Байтуганова” [9, с. 152]. Комментарий Палласа чрезвычайно ценен для исследователей топонимии Среднего Поволжья, поскольку в тех случаях, когда река и расположенный на ней населённый пункт имеют одинаковые названия, правильное направление для поиска этимологического решения во многом зависит от того, что является первичным – гидроним или ойконим. Ответ на данный вопрос не всегда очевиден. Так, ошибочная информация на этот счёт содержится в издании “Самарская топонимика”: “Основу топонима составило личное татарское имя Байтуган. Им было поименовано татарское селение, по нему речка...” [17]. Запись Палласа исправляет данную неточность, в пользу чего также сообщает ряд архивных документов и картографических источников. Так, на карте Самарской губернии П.А. Рихтера и И.Ф. Станевича (1867 г.) одно из сёл с названием Байтуган указано как Верхнее Ермаково. Кроме этого, в “Сказках о тептярях и бобылях, служилых мещеряках и татарах, ясачных татарах Казанской, Московской и Ново-Московской дорог Уфимского уезда” (1762 г.) находим: “В деревне Ермаково, что на Соку реке и речке Байтуган проживало две семьи: Алтанбека Ермакова и Косима Исюнгиева”. По имени Алтанбека Ермакова было дано прежнее название селу.

Walofka/Валовка/село Валы (Ставропольский район, Самарская область) – “проименована по находящемуся за две версты на дороге к Жигулихе позади яблоняго буерака обширному и, как

то сказывают, Татарскому шанцу, состоящему из трех валов со рвами” [9, с. 243]. Такое объяснение ойконима подтверждается как в специальной топонимической литературе [17], так и местными фольклорными преданиями жителей села Валы. “Татарским шанцем” Паллас и другие участники академических экспедиций называли археологический памятник, известный в настоящее время как “Муромский городок” (впервые это название употребила археолог В.В. Гольмстен): болгарский город, разрушенный монголами в 1236 г. и более не восстанавливавшийся. Кроме того, информация, приведённая Палласом, имеет ценность и для археологии: ко времени начала планомерных археологических работ на Муромском городке оставалось лишь два вала, вместо описанных академиком трёх.

Shigulefskische Berge, Shigulefskye Gory/Жигулёвские горы – “по ту сторону Волги видны на правом берегу высокия известковые горы, проименованныя Жигулевскими по находящейся между ими деревне Жигулихе” [9, с. 177]. Топоним, впервые упомянутый Палласом, ныне общеупотребительный в отношении горного хребта на Самарской Луке. Жигулёвские горы долгое время именовались по-разному: русские рыбаки XVI в. называли их Змиевым Камнем, на карте Адама Олеария (1636 г.) Жигулёвские горы разделяются на два горных массива с названиями “Девьи горы” и “Печёрские горы”, также в источниках известны различные названия для некоторых районов Жигулей: Соляные или Усолевские горы, Шелехмецкие горы, Яблоневы горы и т.д. В начале XVIII в. официальным наименованием горного массива, как можно заключить из статей первых русских газет, было “Девьи горы”. Таким образом, наименование данного горного массива от одной из его известных вершин либо от расположенного у гор села было обычной номинационной практикой. Объяснение Палласа о перенесении на горы названия деревни Жигулихи следует признать обоснованным.

Kabazkaja Awraga/Кабакский овраг – “Помянутая долина по стоявшему там прежде сего кабаку называется Кабакким аврагом, а гора Кабаккою горою” [9, с. 272]. Такое объяснение ойконима подтверждают В.Ф. Барашков с соавторами [17]. Топоним употребляется и в настоящее время: так называется овраг между сёлами Усолье и Берёзовка. Более известна расположенная там же, в пределах Большой Самарской Луки, при впадении Усы в Волгу, Кабацкая гора, название которой, согласно Палласу, имеет ту же этимологию.

Karaulnoi Bugor (Wachthügel)/Караульный бугор – “каменным бугром <...> который для бывшего на нем в прежние военные времена караула проименован Караульный бугор” [9, с. 267]. Подобные оронимы в Поволжье имеют достаточно широкое распространение: горы Наблюдатель и Стрельная в Жигулях, гора Форфос (от “форпост”) в окрестностях Хвалынского и т.д. Где их происхождение можно достоверно установить, там они действительно относятся к высотам, с которых караульные вели наблюдение. В ряде случаев наблюдение велось за Волгой – названия таких географических пунктов относятся, вероятно, ко временам существования на Волге “казачьей вольницы”, или, чаще, – за степью из-за опасений набегов кочевников.

Kaschpur/Кашпур – “Пригород Кашпур, или как то жители выговаривают Кашкер, стоит на горе Кучугуре подле рукава Волги, при самом устье речки Кашпурки, по которой и пригород проименован” [9, с. 259]. Исключительную важность имеет зафиксированный Палласом порядок передачи названия: от реки селению, а не наоборот. Этимология топонима Кашпур приводится в ряде работ [18, с. 19–28].

Ladansko Osero (Weyhrauch-See)/Ладанское озеро – “нарочито глубокая котлу подобная яма, которая никогда не высыхает, и называется Ладанское озеро, по тому, что на берегах ее слышан сильной нефтяной запах” [9, с. 296]. В данном случае Палласом четко отмечена связь между мотивом номинации и характеристиками номинируемого объекта. К тому же обращает на себя внимание, что немецкий перевод топонима связывает название озера не с нефтью (нем. *Erdöl*), а дословно – с ладаном (совр. нем. *Weihrauch*). Нами установлено, что к настоящему времени объект исчез.

Mielowoi Scholom/Меловаго шолома курган/Меловой шолом – “он известен под именем меловаго шолома, а тамошние жители называют хомутская прасна, по славном у них мужике, имевшем свое жилище на сем кургане” [9, с. 260]. Меловые возвышенности на Волжском Правобережье в окрестностях Сызрани – не редкость, они здесь имеют различные наименования: лбища, отмалы и т.д. Изредка подобного рода возвышенности из-за характерной формы называются местным населением “шоломами” – например, Шолом в окрестностях древнебулгарского города Балымер на Волге, получивший известность благодаря археологическим раскопкам располагавшегося на нём в булгарское время языческого святилища [19, с. 424–450]. Второе название

возвышенности, приведённое Палласом, правильно охарактеризовано им как отантропонимическое. При этом в элементе “прасна”, полагаем, возможно видеть мордовское языковое влияние: так, в мокша-мордовских и эрзя-мордовских говорах Самарского Поволжья для обозначения вершин возвышенностей бытуют термины “пандо пре” и “панда пряс”, где “панда/пандо” – “гора” и “пря/пре” – “голова”.

Molodezkoi Kurgan/Молодецкий курган – “отчасти проименован по тому, что молодые люди из деревни собираются на оной по праздникам для веселия, а отчасти по тому, что много найдется могил ходивших на судах по Волге и там умерших людей” [9, с. 292]. Данный пример показательен тем, что в нём Паллас приводит альтернативные версии происхождения географического названия, каждая из которых могла быть актуальна на определённом историческом этапе бытования топонима. Для первого случая – характеристики мест молодёжных гуляний – много топонимических параллелей имеется по течению Днепра, в которых Б.А. Рыбаковым [20] усматриваются также языческие мотивы. Второй мотив отражён рядом путешественников по Волге для различных возвышенностей, которыми также приводились описания погребения умерших от болезней спутников на волжском побережье.

Moloschnaja Retschka (Milchbach)/Молошная речка/река Чёрная (Исаклинский район, Самарская область) – “прежде жившие здесь Башкирцы и ныне там живущие Татары именуют Айрян, то есть кислое молоко, Чувашане же называют Уйранли, то есть молошная вода <...> серной ключ, текущий по деревянному жолобу, который еще остался от прежнего сернаго завода, и вышепоманутой и чистой так называемой Молошной речке сообщает серныя частицы, которая садятся на дне на подобие белой густой каши” [9, с. 159, 163]. Этимология для данного гидронима из тюркских языков и объяснение с опорой на ассоциативные связи, предложенные Палласом, не вызывают сомнений.

Perewoloka/Переволока – “деревня Переволока стоит на высоком утесистом каменном берегу Волги, и при том в таком месте, где от оной реки до Усы считается меньше версты, и чрез сие разстояние прежде перетаскивали лодки, для сокращения пути: по чему оное место и проименовано” [9, с. 244]. Топоним, известный, по меньшей мере, со времени основания Самары [21] в форме “Переволоки”, абсолютно точно этимологизирован Палласом.

Sewrjukowa, Sewrjukaewa/Севрюкова/село Севрюкаево (Старопольский район, Самарская область) – “по Татарскому и Чувашскому обыкновению проименована по первому ея селянину” [9, с. 279]. Как верно отметил Паллас, село получило название по имени своего основателя – чуваша Севрекея, отставного солдата. Обычай называть сёла по именам первопоселенцев распространён также у русских и мордвы, однако у тюркских народов, действительно, данный мотив номинации встречается чаще.

Sernoj gorodok/Серной городок – “Для защищения сернаго завода от находившихся в соседстве Башкирцов и Киргизцов сделан был шанец, которого остатки еще и ныне видны, и называются Серной городок” [9, с. 172]. Серный городок, к которому серной завод переведен от реки Сока, перемещен позже на крутой берег Волги “при походе той горы, в которой добывают славную самородную горючую серу” [9, с. 220]. Самородная кристаллическая сера на Самарской Луке была открыта И.Т. Посошковым в 1699 г., а её производство налажено уже с 1701 г. Рабочие серного завода размещались в поселении на берегу Волги, у подножия Серной горы, которое и было названо Серным городком. Во времена экспедиции Палласа, который подробно осмотрел это место, городок переживал период упадка, поскольку решение о прекращении добычи серы здесь было принято в 1765 г.

Sokoly-Gory, Sokoloja Gora (Falkenberge)/Соколя гора – “гору называют Соколя гора, по тому что иногда соколы вьют на ней гнезда” [9, с. 267]. Данное замечание представляет ценность ввиду существования альтернативной точки зрения на происхождение подобных топонимов как русской кальки с тюркоязычных названий [17].

Sosnowoi Solonez/Сосновой Солонец – “остановился я в деревне Сосновой Солонец проименованной по начинающемуся в низу ея большому ручью липкою серою глиною наполненному <...> сие место почитают солончаком, по которому и деревня проименована” [9, с. 243]. Ценное замечание Палласа о первичности гидронима, которое подтверждается архивными источниками. Так, деревня Сосновый Солонец впервые упоминается в 1661 г., тогда как первые сведения о “реке Солонице” относятся к “Писцовой переписной и межевой книге 1622–1624 годов”.

Teidakofka/Тейдаковка – “Чувашанами населенная деревня стоит при речке Тейдаковке, по которой она и проименована” [9, с. 275]. Сведения Палласа о первичности гидронима по отношению к ойкониму очень важны. Так,

в чувашском селе Тайдаково Шигонского района Самарской области бытует версия о происхождении названия села от имени одного из первопоселенцев – Тайдали. При этом собственно чувашское название села – Тайтак не подтверждает отантропонимную версию. Протекающая через село речка носит название “Ручей Тайдаков”. Некоторые исследователи полагают, что речка поименована по селу [17]. В данном случае однозначно ответить на вопрос о первичности гидронима или ойконима сложно, однако сведения Палласа являются серьезным аргументом в пользу первичности гидронима.

2.2. Фитонимы

“Путешествие...” является важным источником для анализа русскоязычных фитонимов, использовавшихся в XVIII веке, а также идентификации растений, впервые отмеченных в научной литературе для исследуемой территории. Примечателен и тот факт, что вторая половина XVIII века – это время перехода на бинарную номенклатуру Линнея, и Паллас, будучи адептом его метода, употреблял линнеевские названия.

В качестве самостоятельного предмета для изучения особый интерес представляют русскоязычные наименования растений, употребляемые во второй половине XVIII века. Например, рангом рода, без видового эпитета, Паллас обозначил названия следующих растений (в скобках приводятся русскоязычные названия по изданию [22]): *Agrimonia* (репник, червечник), *Arenaria* (песчанка), *Astragalus* (астрагал), *Campanula* (колокольчики), *Centaurea* (кентаврия), *Cypripedium* (кокушкины сапожки), *Lathyrus* (лафир), *Melilotus* (донник), *Phlomis* (медвежье ухо), *Vincetoxicum* (винцетоксик). Без латинского названия упомянуты “Девясил”, “Дикия яблони”, “ситник”, “тополь”, “тростник” и “шиповник”. Для ряда видов Паллас приводит пояснение к названию, а также обращает внимание и на локальные фитонимы, характерные для Самарского края. Ниже приводим пояснение некоторых названий растений, отмеченных Палласом.

Odnomesetschnik, нем. *Küchenschelle*, лат. *Anemone* / Одномесячник, Ветреница/Ветреница. Для исследуемой территории Паллас отмечает четыре вида растений из рода ветреница (*Anemone*), которые приводит под названием “одномесячник”. Вероятно, это сборное название для ряда растений из семейства лютиковых, для которых характерен очень короткий вегетационный период, приходящийся на наиболее благоприятное время года. Сам Паллас, упоминая *Anemone patens* (совр.

Pulsatilla patens) под названием “одномесячник”, поясняет, что “оный цвет бывает виден только в апреле месяце”. Название “одномесячник” зафиксировано Н.М. Амбодик-Максимовичем [23]. Согласно В.И. Далю [24, с. 675], “одномесячником” называли ветреницу (*Anemone sylvestris*), прострел (*Pulsatilla patens*) и печёночницу (*Hepatica triloba*). В названиях видов Паллас отражает особенности их произрастания (*Anemone altaica* – лесной одномесячник, *Anemone ranunculoides* – полевой одномесячник), внешнего облика (*Anemone sylvestris* – овечьё рунишко “по мягкому, белому и может быть на фабриках в употребление годному ея пуху” – здесь имеется в виду перистое опушение плодиков растения, способствующее его расселению ветром – прим. авт.). В настоящее время общепринятое родовое название растений “ветреница” является прямым переводом латинского названия, данного К. Линнеем в 1735 г. Существует несколько вариантов связи названия с ветром: по движению цветков при малейшем дуновении ветра; по быстрому опадению околоцветника на ветру; по обитанию на открытых ветру местах; по цветению весной, во время сильного ветра [25].

Tschiliga, Tschelesnik, нем. *Erbesenbaum*, лат. *Cara-gana frutex*/гороховое дерево, чилига, челезник/карагана кустарниковая. В Поволжье и на Урале также употребляются названия “железник”, “чилизник”, “чилижник”, “чамыжник” [26]. Чилижник, вероятно, нужно рассматривать как производное от слова “чилига” (так же как и чимыжник от чимыга). В.И. Даль сопоставляет его с “чапыжник” в значении “частый кустарник”, “непроходимая чаща” [27].

Skerda, лат. *Crepis sibirica*/Шнярда, скерда/Скерда сибирская. Скерда – название, употреблявшееся в Симбирской губернии [28]. У В.И. Даля [24, с. 200] – “шкерда”. Название рода дано К. Линнеем в 1753 г. и происходит от греческого *krepis* – сапог, ступня и отражает форму листовой пластинки растения [25].

Beljak, нем. *Strauchklee*, лат. *Cytisus ruthenicus*/Беляк, ракитник/Ракитник русский. Вероятно, “беляком” растение называлось благодаря сероватому опушению цветущих побегов и листьев. Согласно Н.И. Анненкову [26]; [28], на Волге и на Урале также употреблялись названия “ракитник”, “железняк”, “чилига”. Латинское наименование рода *Cytisus* происходит от греческого *Kytisos* – по названию клевера, встречающегося на острове Кифнос.

Perrkatipole, Katschim, Pokatin, Katipole, Katun, Pokatur, лат. *Gypsophila paniculata*/Перекатипале, Качим (около Ставрополя), Покатин (при Самаре),

Катиполе (при Кинеле), Катун или Покатун (при Яике)/Качим метельчатый. Названия, зафиксированные Палласом для Самарского Поволжья, употреблялись гораздо шире – катун, покатун в Оренбуржье, перекаати-поле, кати-поле, качим – в Ставрополье, перекаати-поле – в Малороссии [26]; [28]. Сборное название ряда степных и пустынных растений. У В.И. Даля [24] находим пояснение: “растет большим клубом, в степях, и срываясь с корня, катается по ветру”. Такое же толкование дает и Паллас: “когда она свежа, то некоторые называют ее шатром: но как скоро она под осень засохнет, то разпростертыми своими ветвями представляет почти шару подобный куст, который будучи ветром сломлен катится по степи” [22, с. 282].

Smolka, нем. *Johanniskraut*, лат. *Hypericum perforatum*/Зверобой /Зверобой продырявленный. Фитоним зверобой распространен на всей европейской части России. Название растения, возможно, обусловлено его внешним видом. У зверобоя пронзеннолистного листья покрыты мелкими прозрачными вместилищами с эфирным маслом, которые выглядят как отверстия (укр. *дырбой*, бел. *дзирбой*, пол. *dziurawiec*) [29]. Название “смолка” Паллас поясняет: “Сказывают, что в малой России собирают еще около третьего роста смолки, которого при Кинеле не находится, но по речам здешних жителей, кажется, оно ни что иное есть, как зверобой” [22, с. 308].

Rumäniza, лат. *Onosma tinctoria*/Румяница/Оносма красильная. Румяница, или румяная трава – сборное название нескольких видов растений из семейства бурачниковые [23]; [24]; [26]. Паллас приводит пояснение названия: “Известнее всех румяница, у которой корень имеет снаружи изрядной красной цвет. Тамошние девки собирают оной коренья, мажут маслом, и употребляют вместо румян: почему у них сия трава румяницею, а у татар кршагъ называется” [22, с. 232].

Kokuschkino oder Dikoe Minlo, нем. *Kukuk's Seife*, лат. *Silene chalconica*/боярская спесь, кокушкино или дикое мыло/Зорька обыкновенная – “у здешних крестьян называется кокушкино, или дикое мыло, потому что цветные головки, да и вся трава делает воду мыльною, и может употребляться для мытья рук и белья” [22, с. 294]. Сходные названия – девичье мыло, дикое мыло, мыльнянка, мыльница – можно встретить и в других регионах [26]. Название же “боярская спесь” зафиксировано Н.М. Амбодик-Максимовичем [23], “барская спесь” или “баронская спесь” – Н.И. Анненковым [26]; [28] и объясняется, вероятно, ярко-красными цветами растения. У И.И. Лепехина,

путешествовавшего с Палласом по Поволжью в один год, находим: “Березовые перелески питали много отменного растения, Барскою спесью прозываемою, которая и в то время гордилася еще алыми своими шапками” [9, с. 122].

На наш взгляд, вклад Палласа и остальных участников Академических экспедиций недостаточно освещен при анализе региональных фитонимов, хотя точные и обстоятельные данные об использовании растений местным населением следовало бы признать началом этноботаники в России. Слова выдающегося ботаника Карла Линнея: *Nomina si nescis, perit et cognitio rerum* (“Если не знаешь имен, пропадает и познание вещей”), записанные им в книге “Философия ботаники”, не просто подчеркивают значение этимологии названий растений, но и актуализируют их лингвистическое изучение. В англоязычной научной литературе существует термин *plant blindness* (“слепота к растениям”), который означает неспособность увидеть или заметить растения в своем окружении. По мнению исследователей [29], именно это явление лежит в основе недостаточной изученности названий растений. Фитонимы – важный лексический пласт, который, однако, плохо освещен в научной литературе, а наименее исследованной областью является описание названий растений в современном русском языке [30]. При этом, как показывает полевой опыт Палласа и его соратников (ср. [31]), сотрудничество ботаников и лингвистов может послужить этимологическому обоснованию номинации и упорядочиванию названий растений [32]; [33]; [34].

2.3. Этнографическая лексика

Поволжский регион исторически является многонациональным по составу населения. Во время поездок по Заволжью между Симбирском и Самарой интерес Палласа привлекли жители чувашских сел. Лексикографический и этнографический материал, собранный им при посещении чувашских поселений и частично опубликованный позже в “Сравнительном словаре всех языков”, представляет собой наиболее полный источник по чувашской лексике второй половины XVIII века [10, с. 14].

Описание в оригинальном издании [8] начинается на стр. 86 с пометки на полях “Известия о чувашах” (*Nachrichten von den Tschuwaschen*) и включает указание на местообитание (села вдоль рек Черемшан и Сок), вероисповедание (преимущественно христиане, но встречаются и язычники), далее следует “этнографический портрет”

чувашского населения, сопровождаемый иллюстрацией и подробным изложением культовых обрядов. В завершение фрагмента на стр. 95 приводится информация о диалектной принадлежности говора тех чувашей, с кем контактировал Паллас: его информанты различали жителей правого (холмистого) берега Волги, именуя их *Werejal*, себя же называли *Chirdijal* (ср. современное деление диалектов чувашского языка на вирьял (верховой) и степной, распространенный на севере Самарской области хирти, последний как разновидность низового варианта анатри). Таким образом, контактные лица у Палласа являются носителями низового диалекта чувашского языка. В переводной версии [9] этнографическая информация о чувашах приведена на страницах 135–145.

а) Национальная одежда:

Sarr/cap/capъ – “украшают себя большими пряжками и нагрудниками, да и висящими от пояса на стороне пестро вышитыми лоскутьями с бахрамою, что у них *cap* называется”. Согласно [35], “*capъ* – старинное женское украшение в виде расшитого и унизанного бисером четырехугольника или треугольника, подвешиваемого сзади к поясу”. По мнению ряда исследователей, *capъ* как знаковый атрибут традиционного национального костюма использовался вплоть до 1960-х годов.

Chuschpu/хушпу/хушпу – “женская кичка, без которой оне и дома никогда не кажутся <...> унизана старинными серебряными копейками, или оловянными блесками и бисером”. В [35] хушпу описывается как “традиционный женский головной убор, украшенный монетами и бисером”.

Ama/ама/ама – “затыльник с унизанным мелкими монетами, или блесками ремнем, который продет под пояс”. В краткой статье в [35] ама – это “женское нагрудное украшение из монет”.

Surban/Сурбан/сурпан, сурбан – “сошедшиеся концы той лопасти, которую они, для прикрытия шеи, подкладывают от подбородка в верх под кичку”. В современной интерпретации, которая закреплена также и в словарной статье в [35], “сурбан – женская головная повязка в форме узкого полотенца с вышитыми концами”.

Как видно из краткого списка элементов национальной одежды у чувашей, многие детали еще присутствуют в костюме, связанном со свадебным обрядом. И.Г. Петров приводит следующие факты по архивным материалам, датированным второй половиной XIX – первой половиной XX в.: “Одежда на свадьбе выполняла также важную знаковую функцию, символизирующую смену социального статуса <...> женщины со стороны

жениха заплетали волосы невесты в две косы (вместо одной). Затем, сорвав покрывало, снимали с нее девичью шапочку (тухья) и обряжали в женский головной убор: сурпан/сорпан или хушпу/хошпу”. Не оставляли без внимания и родителей брачующихся: “Отцу невесты, как правило, дарили отрез холста (пир) или готовую рубашу (кёпе), а матери – домотканый головной убор в виде полотенца (сурпан) или купленный на базаре хлопчатобумажный или шелковый платок” [36, с. 137–139]. По наблюдениям Г.Н. Оркова, в отдельных регионах России чувашки долгое время сохраняли композицию и состав традиционного свадебного наряда: головные уборы хушпу, сурпан, пус тутри, поясную подвеску сара, шейно-нагрудные украшения. [37]. Отметим также, что Паллас не только одним из первых зафиксировал и описал основные элементы национального костюма, но и передал в Кунсткамеру собранную им коллекцию предметов одежды народов Поволжья [16, с. 593].

б) Верования и обычаи:

Ärnekon/аернекон/эрне кун – “некрещенные чувашане празднуют <...> каждую пятницу в неделе, которую называют они *аернекон*, или недельный день”. И.И. Лепехин, отмечает, что чувашки особо почитали пятницу и обряды проводили в этот день недели [38, с. 169–180]. Относительно происхождения данной традиции В.Г. Егоров высказал предположение, что она уходит корнями во времена Казанского ханства, и чувашки, скорее всего, переняли ее от народов, исповедовавших ислам [39, с. 17–18].

Tschuguichs/Чугуихс/ чўк уйăхĕ – “в Сентябре месяце, которой Чувашане Чугуихс называют <...> приносят обыкновенно общую большую жертву в знак благодарности”. По мнению В.Г. Родионова, «чўк уйăхĕ “месяц жертвоприношения в честь нового урожая” проводился не “почти в сентябре месяце”, а, как утверждает И.И. Лепехин, в ноябре, когда наступал настоящий холодный сезон. До этого сезона (на убывающей луне), по представлению чувашек, открывалось вертикальное пространство (тёнче хуппи “врата миров”) для общения с умершими предками в пограничном пространстве (на кладбище, у речки вблизи погоста)» [40, с. 110]. Таким образом, речь должна идти скорее о ноябре.

Semik/семик/Їимĕк – “трижды отправляют они погребение своего сродника, и к тому ныне назначают среду на страстной неделе, семик, то есть четверток перед пятидесятницею”. Ср. замечание В.Г. Родионова: “Второй обрядовый комплекс в результате христианизации быта

неофитов был привязан к троице (Їимĕк). Его, как и калăм, проводили раньше вышеназванных православных обрядов. Данный факт указывает на их былые даты проведения: весеннее равноденствие и летнее солнцестояние” [40, с. 111]. В современном обрядовом календаре чувашек данный праздник приходится на четверг перед православной Троицей. Он связан с поминовением усопших, в этот день посещают могилы родственников, устраивают совместную трапезу, окна домов украшают зелеными ветками; “до сих пор он остается одним из самых больших торжеств, на которые собирается большое количество родственников” [41, с. 238–239].

Jerich (Irich)/Ирих (Ерих)/йĕрĕх – “каждая семья <...> отправляет обыкновенное моление пред своим *Ирихом*, или Ерихом, что они за свято почитают”. Этим словом чувашки обозначали духа-покровителя семьи или рода в целом, место обитания самого божества, а также некий артефакт, посвященный этому духу, и обряд жертвоприношения в честь него. Часто данное божество изображают в виде тряпичной куклы, которую хранят на самом почетном месте в доме. Как пишет А.К. Салмин, “вера в йĕрĕха жива и нынче, особенно среди чувашек с исконной религией <...> Сохраняется и вера в лечебные возможности данного божества. Не имеющие йĕрĕх чувашки, в том числе и крещенные, стараются получить доступ к йĕрĕхам своих родственников” [42, с. 63]. В.Г. Родионов сообщает: «Если подобные культовые атрибуты сохранялись путем передачи по женской линии до седьмого колена, то они становились тўркĕлли “название духа”» [43, с. 139].

Keremet/керемет/киремет – “вся деревня приносит торжественную большую жертву на общем <...> жертвенном месте, которое они *керемет* называют”. Прежде всего, киреметом обозначалось место общественного жертвоприношения, оно известно не только у чувашек, но и марийцев. Так, по свидетельству Н.В. Морохина, горные мари рассказывают о киремете следующее: “А если стоит среди поля маленький ельничек и липы посреди него, то это керемет. Посреди керемета стоит старая береза. Она главной была. Там заповеди давали, молились” [44].

Keremet-asch, *Keremet-amshe*, *Keremet-uewli*/керемет-аш (отца), керемет-амже (мать), керемет-уевли (сына)/Киремет ашшĕ, Киремет амăшĕ, Киремет ывăлĕ – “они столь многим божкам приписывают одну богиню и одного сына, и сих трижды призывают”. Видимо, тройственное обозначение киремета олицетворяет божественное семейство, состоящее из отца (верховного или

главного божества), его супруги и сына. По мнению А.К. Салмина, “киремет – содержательное и значимое божество в религиозно-обрядовой жизни чувашского народа” [42]. Примечательное наблюдение сделал в конце XIX века Н.А. Александров: “Не так давно чуваша приносили жертвы своим Кереметям, и только в том случае, когда не было от этих жертв успеха, шли в церковь и ставили свечку Чудотворцу Николаю” [45, с. 14–15].

Salma/салма/салма – “есть ли кто должен клестися, того приводят в Керемет, и там принужден, по многократном заклинании, есть <...> кушание, состоящее в голушках с коровьим маслом в воде вареных, что у них *салма* называется”. Лапша (“салма”) – одно из наиболее распространенных блюд у представителей этносов Средней Волги и типичная ритуальная пища при произнесении клятвы в киремете и совершении обрядов. И.П. Асанова по этому поводу сообщает следующее: “Единая основа пищи народов Поволжья, издревле занимавшихся земледелием, способствовала выработке общих черт даже в обрядовых кушаньях. Показательно в этом отношении древнее мордовское кушанье – салма <...> оно бытовало у мордвы в составе языческих кушаний как обрядовое” [46].

Masar/мазар/масар – “общее кладбище, которое выбирают они в отдалении как от деревни, так от керемета и от всех больших дорог”. Сейчас – общепринятое обозначение погребального места у чувашей.

Aslyr, Ksnir, Pülchs, Sürodon, Sir, Sjülsüren-Irsene, Chirlsir, Kebe/азлыр, кснир, пюлхс, сюродон, сир, сиюлсюрэн-ирзене, хирлзирь, кебе/Аслă ыра, Кёсён ыра, Пулэхсё, Суратан, Сёр, сул сурен ырасем, Хёрлэ Сыр, Кебе – “мне рассказали следующие имена божков: *Керемет* по боге (пюр), почитается первым; *азлыр, кснир, пюлхс, сюродон, сир, сиюлсюрэн-ирзене, хирлзирь, кебе*, кроме которых есть еще много других”. Весьма противоречивый список, содержащий, по всей видимости, случайный перечень языческих божеств, святых и священных мест. Так, В.П. Иванов отмечает в своей статье: “К.С. Милькович, вслед за ним и В.А. Сбоев указывают, что Сюльди-тора управлял людьми через помощника – бога Кебе, ведавшего судьбами человеческого рода, и его служителя: Пюলেখся, назначавшего людям судьбу, счастливые и несчастные жребии” [47, с. 121]. А.К. Салмин подтверждает, что Кебе/Кебе от имени Турă определяет людям судьбу, Пулэх является вестником божества. Аслă ыра входит в число высших божеств и трактуется как

“старший добрый киремет”, Хёрлэ Сыр – божество плодородия земли, Сёр олицетворяет землю вообще, символизирует мать-прародительницу живого и т.д. [48].

3. Заключение

В XVIII веке кардинально меняется вся структура лексикографической деятельности в России, “происходит процесс радикальных перемен в плане размежевания и специализации лексикографических направлений. В каждом из этих направлений идет работа по уточнению своего объекта и способов его описания” [49, с. 498]. Одним из недостатков справочных изданий и словарей той эпохи является их переводной характер, слабая связь с российской действительностью. Исправить положение помогает полевая работа, которая естественным образом проводится во время “физических экспедиций” Академии наук. Р.М. Цейтлин называет Палласа среди ученых, которые, отправляясь “в экспедиции с ботаническими, геологическими и другими научными целями, получали задания записывать сведения по языку и быту народов, с которыми они сталкивались” [50, с. 21–22].

Исследовательские принципы Палласа сформулированы им вполне в духе современных представлений о полевой работе и отличают его подход от исследований современников. Так, по его примеру и с опорой на собранный им материал описание этнических групп, населявших Российскую империю, опубликовал в 70-е годы XVIII века участник “физических экспедиций” Иоанн Готлиб Георги (1729–1802). Как точно подметил А.В. Головнев, “вместе с Палласом он отправился в восточное путешествие натуралистом, а вернулся народоведом” [51, с. 16]. Георги также оставил заметки об обычаях и верованиях чувашей, которые, однако, уступают аналогичным записям Палласа по полноте и красочности изображения. Только к концу века выполненный Георги обзор “житейских обрядов, вер, обыновений, жилищ, одежд” народов России будет дополнен текстом и обретет контуры полноценного справочного издания [52]. Этнографическая заслуга Палласа не вызывает сомнений: его обширное “Путешествие...” до сих пор остается хранилищем ценнейшей информации по истории материальной культуры, религии и фольклору народов России.

В фундаментальном академическом труде Палласа содержится большой фактический материал по многим научным отраслям, представляющий несомненный научный интерес и в настоящее

время. Палласа можно назвать не только одним из первых топонимистов, биологов или этнографов, внесших значительный вклад в развитие российской академической науки, но и ярчайшим для своего времени энциклопедистом, с феноменальной точностью отразившим в своих путевых заметках природные, историко-культурные, диалектологические и этнографические особенности различных местностей Российской империи второй половины XVIII века. Зафиксированные им во время академических экспедиций наименования географических объектов являются основой, которая позволяет отследить развитие топонимической системы регионов России (ср. [53]; [54]). Этимологический анализ, как и факты, собранные в процессе полевой работы и приведенные Палласом-академиком, заставляют критически взглянуть на некоторые современные трактовки ономастической, ботанической и этнографической лексики, они представляют уникальные сведения для историков, этнографов, краеведов, биологов и способствуют более глубокому изучению истории российской науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Agranat T.B., Dodykhudoeva L.R.* Strategies for Knowledge Elicitation. The Experience of the Russian School of Field Linguistics. Switzerland, 2021. 247 p.
2. *Лютикова Е.А., Федорова О.В.* Научная школа А.Е. Кибрика: от описания и документации языков к типологии и теории языка // Рема. Rhema. 2021. № 2. С. 9–22.
3. Материалы к истории Института лингвистических исследований РАН (1921–1937 и 1941–1945 гг.) / Сост. А.Н. Анфертьева и Л.Б. Вольфцун. Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2021. 898 с.
4. *Орлов А.С.* Всесоюзная Академия наук за 15 лет // Вестник Академии наук СССР. 1932. № 11. С. 1–30.
5. *Киссер Т.С.* Об организации “физических” экспедиций 1768–1774 гг. // Кунсткамера. 2019. № 3 (5). С. 164–170.
6. *Головнев А.В., Киссер Т.С.* Этнопортрет империи в трудах П.С. Палласа и И.Г. Георги // Уральский исторический вестник. 2015. № 3 (48). С. 59–69.
7. *Сенатор С.А., Бакиев А.Г., Сытин А.К., Горелов Р.А., Кузнецова Р.С., Сидякина Л.В.* “Странствующая академия” (материалы об исследованиях П.С. Палласа в Среднем Поволжье) / под общ. ред. С.А. Сенатора. Тольятти: Анна, 2020. 227 с.
8. *Pallas P.S.* Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. Erster Theil. St. Petersburg: Kayserliche Academie der Wissenschaften, 1771. 565 S.
9. *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. Часть первая. СПб.: Императорская Академия наук, 1773. 786 с.
10. *Савельев А.В.* Отражение диалектных особенностей в старописьменных памятниках чувашского языка XVIII века (на материале Словаря Палласа). Диссертация на присуждение ученой степени кандидат филологических наук. М.: Институт языкознания РАН, 2014. 445 с.
11. *Волошина О.А.* “Сравнительный словарь всех языков” Петра Симона Палласа // Вестник ННГУ. 2012. № 6-1. С. 354–361.
12. *Каминская Л.Н.* Об источниках албанской лексики в словаре С. Палласа // Вестник С.-Петерб. гос. ун-та. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2013. № 1. С. 112–122.
13. *Норманская Ю.В., Кошелюк Н.А.* Неопубликованный мансийский словарь П.С. Палласа – ранее неизвестный мансийский диалект? // Урало-алтайские исследования. 2020. № 1 (36). С. 92–100.
14. *Ипполитова А.Б.* Растения с названием Адамова глава в русских рукописных травниках // Полетата на этнолингвистика: между знанием и познанием. 25 години асоциация “Онгъл” / Гл. ред. Р. Малчев. София, 2018. (Годишник на асоциация “Онгъл”. Т. 16. Год XII). С. 50–76.
15. *Мокшин Н.Ф., Мокшина Е.Н.* П.С. Паллас и И.И. Лепехин – исследователи этнографии мордвы (к 250-летию “физических” экспедиций Академии наук) // Социально-политические науки. 2018. № 6. С. 114–117.
16. *Абайдулова А.Г., Салмин А.К.* Причеремшанский дневник экспедиции П.С. Палласа // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2018. № 3. С. 592–604.
17. *Барашков В.Ф., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н.* Самарская топонимика. Самара: Изд-во Самарск. ун-та, 1996. 192 с.
18. *Порунов А.Н.* Основные закономерности стратиграфии Среднего Поволжья // Наука. Общество. Государство. 2014. № 4 (8). С. 19–28.
19. *Жиромский Б.Б.* Древнеродовое святилище Шолом // МИА. 1958. № 61. С. 424–450.
20. *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. 783 с.
21. *Гурьянов Е.Ф.* Древние вехи Самары: очерки градостроительной истории. Куйбышев, 1979. 81 с.
22. *Паллас П.С.* Описание растений Российского государства с их изображениями по всевысочайшему повелению и на иждивении ея Императорского величества, изданное П.С. Палласом. С рукописного сочинения перевел Василий Зуев. Часть первая. В Санктпетербурге, печатано в Императорской типографии 1786 года. 204 с.

23. *Амбодик-Максимович Н.М.* Новый ботанический словарь на российском, латинском и немецком языках. СПб., 1808. 118 с.
24. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. СПб.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа. Т. 1. А–З. 1880. Т. 3. П. 1882а. Т. 4. Р–V. 1882б.
25. *Каден Н.Н., Терентьева Н.Н.* Этимологический словарь латинских названий растений, встречающихся в окрестностях биостанции МГУ “Чашниково” / Под ред. В.И. Мирошенковой. М.: Изд-во МГУ, 1975. 203 с.
26. *Анненков Н.И.* Ботанический словарь. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1878. 647 с.
27. *Пухлякова Е.* Общие русские и чешские названия растений // Sbornik praci filosofike faculty Brnenske university studia minora facultatis philisophicae universitatis Brunensis. 1971. S. 97–109.
28. *Анненков Н.И.* Простонародные названия русских растений. М.: Университетская типография, 1858. 159 с.
29. *Колосова В.Б.* Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М.: Индрик, 2009. 352 с.
30. *Коваленко К.И., Колосова В.Б., Щёкин А.С.* Исторические словари как источники базы данных русских фитонимов PhytoLex (XI–XVII вв.) // Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития. Сб. науч. статей по материалам Международ. науч. конф., посвящ. 70-летию выхода первого тома академического “Словаря современного русского литературного языка” / отв. ред. О.Н. Крылова, С.А. Мызников, М.Н. Приёмышева, Е.В. Пурицкая; Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2018. С. 253–262.
31. *Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия доктора и академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году. СПб.: При Императорской Академии наук, 1771. 537 с.
32. *Кулева А.С.* О названиях растений в лингвистической перспективе: “Растения Средиземья”, словари и переводы // Вопросы языкознания. 2020. № 5. С. 115–131. DOI: 10.31857/0373-658X.2020.5.115-131
33. *Цвелёв Н.Н.* О русских названиях семейств покрытосеменных растений // Новости систематики высших растений. 2010. Т. 42. С. 24–29.
34. *Сытин А.К., Сенатор С.А.* Вклад П.С. Палласа в ботаническое изучение Среднего Поволжья // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Естественные науки. 2018. № 3 (23). С. 55–69.
35. *Андреев И.А., Горшков А.Е., Иванов А.И. и др.* Чувашско-русский словарь; под редакцией М.И. Скворцова. М.: “Русский язык”, 1985. 712 с.
36. *Петров И.Г.* Функции одежды в свадебной обрядности чувашей // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 11 (85). С. 136–141.
37. *Орков Г.Н.* О народном костюме чувашей Башкортостана (по материалам экспедиции 1994 г.) // Чувашское искусство. Вып. III. Чебоксары: ЧГИГН, 1997. С. 148–168.
38. *Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Академией Наук, по предложению ея президента. Т. 3. СПб., 1821. С. 169–180.
39. *Егоров В.Г.* Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Чебоксары, 1971.
40. *Родионов В.Г.* Реконструкция чувашского календаря и обрядового комплекса калъм // Вестник Чувашского университета. 2020. № 4. С. 108–125.
41. *Кондратьева Е.В.* Семейно-родовые праздники и обряды чувашей и удмуртов // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 5: Археология и этнография. С. 235–241.
42. *Салмин А.К.* Городище Булгар в контексте экспедиции П.С. Палласа // Вестник Чувашского университета. 2018. № 2. С. 136–142.
43. *Родионов В.Г.* Эволюция пространства внутреннего жилища чувашей и их предков // Вестник Чувашского университета. 2019. № 2. С. 136–145.
44. *Морохин Н.В.* Фольклор в традиционной региональной экологической культуре Нижегородского Поволжья. Киев, 1997.
45. *Александров Н.А.* Черемисы и чувашаи (Лесная окраина). М.: Издание и собственность книжной торговли, специально для иногородних А.Я. Панафидина, 1899. 40 с.
46. *Асанова И.П.* Ритуальная и обрядовая пища мордвы (этнолингвистический анализ) // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2007. № 1. С. 117–122.
47. *Иванов В.П.* Пантеон богов в чувашской мифологии (к вопросу ранжирования иерархии) // Мифология чувашей: истоки, эволюция и культурные взаимосвязи. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Чебоксары: Изд-во ЧувГУ, 2016. С. 119–140.
48. *Салмин А.К.* Система верований чувашей. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2004. 208 с.

49. Биржакова Е.Э., Малышева И.А., Кузнецова И.Е. Русская лексикография – XVIII век // Славянская лексикография. Международная коллективная монография / Отв. ред. М.И. Чернышева. М.: Азбуковник, 2013. С. 497–520.
50. Цейтлин Р.М. Краткий очерк истории русской лексикографии. (Словари русского языка). М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1958. 136 с.
51. Головнев А.В. Этнография в российской академической традиции // Этнография. 2018. № 1. С. 6–39.
52. Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. СПб., 1776. Ч. 1–3; 1799. Ч. 1–4.
53. Дамбуев И.А. Русская топонимия Восточной Сибири в “Путешествии по разным провинциям Российского государства” П.С. Палласа // Сибирский филологический журнал. 2016. № 1. С. 208–212.
54. Кузнецова Р.С., Сенатор С.А. Опыт составления топонимической карты Среднего Поволжья по материалам экспедиции П.С. Палласа 1768–1769 гг. // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18, № 2. С. 237–259.
- Expeditions 1768–1774]. *Kunstkamera* [Kunstkamera]. 2019, No. 3 (5), pp. 164–170. (In Russ.)
6. Golovnev, A.V., Kisser, T.S. *Etnoportret imperii v trudakh P.S. Pallas i I.G. Georgi* [Ethno-Portrait of the Empire in the Works of P.S. Pallas and I.G. Georgi]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Bulletin]. 2015, No. 3 (48), pp. 59–69. (In Russ.)
7. Senator, S.A., Bakiyev, A.G., Sytin, A.K., Gorelov, R.A., Kuznetsova, R.S., Sidiyakina, L.V. “*Stranstvuyushchaya akademiya*” (*materialy ob issledovaniyakh P.S. Pallas v Srednem Povolzh'ye*) [“The Wandering Academy” (Materials about the Research of P.S. Pallas in the Middle Volga Region)]. Tolyatti, Anna Publ., 2020. 227 p. (In Russ.)
8. Pallas, P.S. *Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. Erster Theil.* [Journey through Different Provinces of the Russian Empire. Part one]. St. Petersburg, *Kayserliche Academie der Wissenschaften* [Imperial Academy of Sciences], 1771. 565 p. (In German)
9. Pallas, P.S. *Puteshestviye po raznym provintsiyam Rossiyskoy imperii. Chast pervaya.* [Journey through Different Provinces of the Russian Empire. Part One]. St. Petersburg, *Imperatorskaya Akademiya nauk* [Imperial Academy of Sciences], 1773. 786 p. (In Russ.)
10. Savelyev, A.V. *Otrazheniye dialektnykh osobennostey v staropismennykh pamyatnikakh chuvashskogo yazyka XVIII veka (na materiale Slovarya Pallas)* [Reflection of Dialect Features in Old-Written Monuments of the Chuvash Language of the 18th Century (Based on the Pallas Dictionary)]. Diss. Cand. Philol. Sci. Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2014. 445 p. (In Russ.)
11. Voloshina, O.A. “*Sravnitelnyy slovar vsekh yazykov*” *Petra Simona Pallas* [“A Comparative Dictionary of All Languages” by Peter Simon Pallas]. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University]. 2012, No. 6–1, pp. 354–361. (In Russ.)
12. Kaminskaya, L.N. *Ob istochnikakh albanskoy leksiki v slovare S. Pallas* [About the Sources of Albanian Vocabulary in the Dictionary of S. Pallas]. *Vestnik S.-Peterb. gos. un-ta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedeniye. Zhurnalistika* [Bulletin of St. Petersburg State University. Series 9. Philology. Oriental Studies. Journalism]. 2013, No. 1, pp. 112–122. (In Russ.)
13. Normanskaya, Yu.V., Koshelyuk N.A. *Neopublikovannyi mansiyskiy slovar P.S. Pallas – raneye neizvestnyy mansiyskiy dialekt?* [Is the Unpublished Mansi Dictionary of P.S. Pallas a Previously Unknown Mansi Dialect?]. *Uralo-altaiskiye issledovaniya* [Ural-Altai Studies]. 2020, No. 1 (36), pp. 92–100. (In Russ.)
14. Ippolitova, A.B. *Rasteniya s nazvaniyem Adamova glava v russkikh rukopisnykh travnikakh* [Plants with the Name Adam’s Head in Russian Manuscript Herbals].

REFERENCES

1. Agranat, T.B., Dodykhudoeva, L.R. *Strategies for Knowledge Elicitation. The Experience of the Russian School of Field Linguistics.* Springer Nature Switzerland AG, 2021. 247 p.
2. Lyutikova, Ye.A., Fedorova, O.V. *Nauchnaya shkola A.Ye. Kibrika: ot opisaniya i dokumentatsii yazykov k tipologii i teorii yazyka* [Scientific School of A.E. Kibrik: from Description and Documentation of Languages to Typology and Theory of Language]. Rhema. 2021, No. 2, pp. 9–22. (In Russ.)
3. *Materialy k istorii Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN (1921–1937 i 1941–1945 gg.)* [Materials on the History of the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (1921–1937 and 1941–1945)]. St. Petersburg, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2021. 898 p. (In Russ.)
4. Orlov, A.S. *Vsesoyuznaya Akademiya nauk za 15 let* [All-Union Academy of Sciences for 15 Years]. *Vestnik Akademii nauk SSSR* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. 1932, No. 11, pp. 1–30. (In Russ.)
5. Kisser, T.S. *Ob organizatsii fizicheskikh ekspeditsiy 1768–1774* [On the Organization of Physical

- Poletata na étnologiyata: mezhdú znaniето i poznaniето. 25 godini asotsiatsiya "Ongl"* [The Fields of Ethnology: Between Knowing and Knowing. 25 years of "Ongle" Association]. Sofia, 2018, pp. 50–76. (In Russ.)
15. Mokshin, N.F., Mokshina, Ye.N. *P.S. Pallas i I.I. Lepekhin – issledovateli etnografii mordvy (k 250-letiyu "fizicheskikh" ekspeditsiy Akademii nauk)* [P.S. Pallas and I.I. Lepekhin as Researchers of Mordovian Ethnography (to the 250th Anniversary of the "Physical" Expeditions of the Academy of Sciences)]. *Sotsialno-politicheskiye nauki* [Socio-Political Sciences]. 2018, No. 6, pp. 114–117. (In Russ.)
 16. Abaydulova, A.G., Salmin, A.K. *Pricheremshanskiy dnevnik ekspeditsii P.S. Pallas* [Cheremshansky Diary of the Expedition of P.S. Pallas]. *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnyye nauki* [Scientific Notes of Kazan University. Series Humanities]. 2018, No. 3, pp. 592–604. (In Russ.)
 17. Barashkov, V.F., Dubman, E.L., Smirnov, Yu.N. *Samarskaya toponimika* [Samara Toponymy]. Samara, *Izdatelstvo Samarskogo universiteta* [Samara University Press], 1996. 192 p. (In Russ.)
 18. Porunov, A.N. *Osnovnyye zakonomernosti stratigrafii Srednego Povolzhya* [The Main Regularities of the Stratigraphy of the Middle Volga]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*. [Science. Society. State]. 2014, No. 4 (8), pp. 19–28. (In Russ.)
 19. Zhiromsky, B.B. *Drevnerodovoye svyatilishche Sholom* [Ancient Tribal Sanctuary Sholom]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Research on the Archeology of the USSR]. 1958, No. 61, pp. 424–450. (In Russ.)
 20. Rybakov, B.A. *Yazychestvo Drevney Rusi* [Paganism of Ancient Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 783 p. (In Russ.)
 21. Guryanov, Ye.F. *Drevniye vekhi Samary: ocherki gradostroitel'noy istorii* [Ancient Milestones of Samara: Essays on Urban History]. Kuybyshev, 1979. 81 p. (In Russ.)
 22. Pallas, P.S. *Opisaniya rasteniy rossiyskogo gosudarstva s ikh izobrazheniyami, po povelenyu yeya velichestva izdannoye P.S. Pallasom. Chast pervaya* [Descriptions of Plants of the Russian State with Their Images, Published by Command of Her Majesty by P.S. Pallas. Part One]. St. Petersburg, *Imperatorskaya tipografiya* [Imperial Printing House], 1786. 204 p. (In Russ.)
 23. Ambodik-Maksimovich, N.M. *Novyy botanicheskiy slovar na rossiyskom, latinskom i nemetskom yazykakh* [New Botanical Dictionary in Russian, Latin and German]. St. Petersburg, 1808. 118 p. (In Russ.)
 24. Dahl, V.I. *Tolkovyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka. v chetyrekh chastyakh* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language in Four Parts]. St. Petersburg, *Izdaniye knigoprodavitsa-tipografa M.O. Volfa* [Edition of the Bookseller-Typographer M.O. Wolf]. Part 1. A–3, 1880, Part 3. П, 1882a, Part 4. P–V, 1882b. (In Russ.)
 25. Kaden, N.N., Terentyeva, N.N. *Etimologicheskii slovar latinskikh nazvaniy rasteniy, vstrechayushchikhsya v okrestnostyakh biostantsii "Chashnikovo"* [Etymological Dictionary of Latin Names of Plants found in the Vicinity of the Biostation "Chashnikovo"]. Moscow, Moscow State Univer. Press Publ., 1975. 203 p. (In Russ.)
 26. Annenkov, N.I. *Botanicheskiy slovar* [Botanical Dictionary]. St. Petersburg, *Imperatorskaya tipografiya* [Imperial Printing House], 1878. 647 p. (In Russ.)
 27. Pukhlyakova, Ye. *Obshchiye russkiye i cheshskiy nazvaniya rasteniy* [Common Russian and Czech Plant Names]. Sbornik praci filosofike faculty Brnenske university. *Studia minora facultatis philisophicae universitatis Brunensis*. Brno, 1971, pp. 97–109. (In Russ.)
 28. Annenkov N.I. *Prostonarodnyye nazvaniya russkikh rasteniy* [Common Names of Russian Plants]. Moscow, Univer. Press Publ., 1858. 159 p. (In Russ.)
 29. Kolosova, V.B. *Leksika i simvolika slavyanskoy narodnoy botaniki. Etnolingvisticheskiy aspekt* [Vocabulary and Symbols of Slavic Folk Botany. Ethnolinguistic Aspect]. Moscow, Indrik Publ., 2009. 352 p. (In Russ.)
 30. Kovalenko, K.I., Kolosova, V.B., Shchokin, A.S. *Istoricheskiye slovari kak istochniki bazy dannykh russkikh fitonimov PhytoLex (XI–XVII vv.)* [Historical Dictionaries as Sources for the PhytoLex Database of Russian Phytonyms (The 11th–17th Centuries)]. *Rossiyskaya akademicheskaya leksikografiya: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya* [Russian Academic Lexicography: Current State and Development Prospects]. St. Petersburg, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2018, pp. 253–262. (In Russ.)
 31. Lepekhin, I.I. *Dnevnyye zapiski puteshestviya doktora i akademii nauk ayunkta Ivana Lepekhina po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva v 1768 i 1769 godu* [Daily Notes of the Journey of the Doctor and the Academy of Sciences, Associate Ivan Lepekhin, to Different Provinces of the Russian State in 1768 and 1769]. St. Petersburg, *Imperatorskaya tipografiya* [Imperial Printing House], 1771. 537 p. (In Russ.)
 32. Kuleva, A.S. *O nazvaniyakh rasteniy v lingvisticheskoy perspektive: "Rasteniya Sredizemya", slovari i perevody* [On the Names of Plants in a Linguistic Perspective: "Plants of Middle-Earth", Dictionaries and Translations]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 2020, No. 5, pp. 115–131. (In Russ.)
 33. Tselov, N.N. *O russkikh nazvaniyakh semeystv pokrytosemennykh rasteniy* [About Russian Names of Families of Angiosperms]. *Novosti sistematiki vysshikh rasteniy* [News of Taxonomy of Higher Plants]. 2010, Part 42, pp. 24–29. (In Russ.)

34. Sytin, A.K., Senator, S.A. *Vklad P.S. Pallasа v botanicheskoye izucheniye Srednego Povolzh'ya* [The Contribution of P.S. Pallas to the Botanical Study of the Middle Volga Region]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy Povolzhskiy region. Yestestvennyye nauki* [News of Higher Educational Institutions. Volga Region. Natural Sciences]. 2018, No. 3 (23), pp. 55–69. (In Russ.)
35. Andreyev, I.A., Gorshkov, A.Ye., Ivanov, A.I. *Chuvashsko-russkiy slovar* [Chuvash-Russian Dictionary]. Moscow, 1985. 712 p. (In Russ.)
36. Petrov, I.G. *Funktsii odezhdy v svadebnoy obryadnosti chuvashhey* [Functions of Clothing in the Chuvash Wedding Ritual]. *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kulturologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Aspects of Theory and Practice]. Tambov, 2017, No. 11 (85), pp. 136–141. (In Russ.)
37. Orkov, G.N. *O narodnom kostyume chuvashhey Bashkortostana (po materialam ekspeditsii 1994 g.)* [About the Folk Costume of the Chuvash People of Bashkortostan (Based on the Materials of the 1994 Expedition)]. *Chuvashskoye iskusstvo* [The Chuvash Art. Part III]. Cheboksary, 1997, pp. 148–168 (In Russ.)
38. Lepekhin, I.I. *Dnevnyye zapiski puteshestviya po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva* [Daily Notes of Travel in Different Provinces of the Russian State]. *Polnoye sobraniye uchenykh puteshestviy po Rossii, izdavayemoye Akademiyey Nauk po porucheniyu eya prezidenta* [The Complete Collection of Scholars' Travels in Russia Published by the Academy of Sciences on Behalf of the President. Part 3]. St. Petersburg, 1821, pp. 169–180. (In Russ.)
39. Yegorov, V.G. *Sovremennyy chuvashskiy literaturnyy yazyk v sravnitelno-istoricheskom osveshchenii* [Modern Chuvash Literary Language in Comparative Historical Coverage]. Cheboksary, 1971. 204 p. (In Russ.)
40. Rodionov, V.G. *Rekonstruktsiya chuvashskogo kalendarya i obryadovogo kompleksа kalām* [Reconstruction of the Chuvash Calendar and Ritual Complex Kalem]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University]. 2020, No. 4, pp. 108–125. (In Russ.)
41. Kondratyeva, Ye.V. *Semeyno-rodovyye prazdniki i obryady chuvashhey i udmurtov* [Family and Tribal Holidays and Rituals of the Chuvash and Udmurts]. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University]. 2016, Volume 15, No. 5, pp. 235–241. (In Russ.)
42. Salmin, A.K. *Gorodishche Bulgar v kontekste ekspeditsii P.S. Pallasа* [The Settlement of Bulgar in the Context of the Expedition of P.S. Pallas]. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta* [Bulletin of the Chuvash University]. 2018, No. 2, pp. 136–142. (In Russ.)
43. Rodionov, V.G. *Evolutsiya prostranstva vnutrennego zhilishcha chuvashhey i ikh predkov* [The Evolution of the Space of the inner Dwelling of the Chuvash and their Ancestors]. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta* [Bulletin of the Chuvash University]. 2019, No. 2, pp. 136–145. (In Russ.)
44. Morokhin, N.V. *Folklor v traditsionnoy regionalnoy ekologicheskoy kulture Nizhegorodskogo Povolzh'ya* [Folklore in the Traditional Regional Ecological Culture of the Nizhny Novgorod Volga Region]. Kiyev, 1997. 225 p. (In Russ.)
45. Aleksandrov, N.A. *Cheremisy i chuvashi (Lesnaya okraina)* [Cheremis and Chuvashes (Forest Outskirts)]. Moscow, Publication and property of the book trade, especially for non-residents of A.Ya. Panafidin, 1899. 40 p. (In Russ.)
46. Asanova, I.P. *Ritualnaya i obryadovaya pishcha mordvy (etnolingvisticheskiy analiz)* [Ritual and Ceremonial Food of the Mordovians (Ethnolinguistic Analysis)]. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta* [Bulletin of the Chuvash University]. 2007, No. 1, pp. 117–122. (In Russ.)
47. Ivanov, V.P. *Panteon bogov v chuvashskoy mifologii (k voprosu ranzhirovaniya iyerarkhii)* [Pantheon of Gods in Chuvash Mythology (on the Question of Hierarchy Ranking)]. *Mifologiya chuvashhey: istoki, evolyutsiya i kulturnyye vzaimosvyazi* [Chuvash Mythology: Origins, Evolution and Cultural Relationships]. Cheboksary, 2016, pp. 119–140. (In Russ.)
48. Salmin, A.K. *Sistema verovaniy chuvashhey* [Chuvash Belief System]. Cheboksary, 2004. 208 p. (In Russ.)
49. Birzhakova, Ye.E., Malysheva, I.A., Kuznetsova, I.Ye. *Russkaya leksikografiya – XVIII vek* [Russian Lexicography. The 18th Century]. *Slavyanskaya leksikografiya* [Slavic Lexicography]. Moscow, 2013, pp. 497–520. (In Russ.)
50. Tseytlin, R.M. *Kratkiy ocherk istorii russkoy leksikografii. (Slovari russkogo yazyka)* [Brief Essay on the History of Russian Lexicography. (Dictionaries of the Russian Language)]. Moscow, Ministry of Education Publ., 1958. 136 p. (In Russ.)
51. Golovnev, A.V. *Etnografiya v rossiyskoy akademicheskoy traditsii* [Ethnography in the Russian Academic Tradition]. *Etnografiya* [Ethnography]. 2018, No. 1, pp. 6–39. (In Russ.)
52. Georgi, I.G. *Opisaniye vsekh v Rossiyskom gosudarstve obitayushchikh narodov, takzhe ikh zhiteyskikh obryadov, ver, obyknovenii, zhilishch, odezhd i prochikh dostopamyatnostey* [Description of All Peoples Living in the Russian State, as well as Their Everyday Rituals, Beliefs, Customs, Dwellings, Clothes and Other Attractions]. St. Petersburg, 1776–1799. (In Russ.)
53. Dambuyev, I.A. *Russkaya toponimiya Vostochnoy Sibiri v "Puteshestvii po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva" P.S. Pallasа* [Russian Toponymy of Eastern Siberia in P.S. Pallas' Journey to Different Provinces of the Russian State Siberian]. *Sibirskiy*

- filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2016, No. 1, pp. 208–212. (In Russ.)
54. Kuznetsova, R.S., Senator, S.A. *Opyt sostavleniya toponimicheskoy karty Srednego Povolzhya po materialam ekspeditsii P.S. Pallas 1768–1769 gg.* [The Experience of Compiling a Toponymic Map of the Middle Volga Region based on the Materials of the Expedition of P.S. Pallas in 1768–1769]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2021, Volume 18, No. 2, pp. 237–259. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 9 декабря 2021 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 21 июля 2022 г.
Статья принята к публикации: 31 августа 2022 г.
Дата публикации: 31 октября 2022 г.

Received by Editor on December 9, 2021
Revised on July 21, 2022
Accepted on August 31, 2022
Date of publication: October 31, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800022749-9

**Механизм формирования темы в тексте
в представлении Б. В. Томашевского и Г. А. Шенгели
(по работам 1925 года)**

© 2022 г. С. И. Гиндин

Кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник,
директор Центра теории текста
и лингвистического обеспечения коммуникации
Российского государственного гуманитарного университета,
Россия, 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6
sigindin@gmail.com

Резюме. В лингвистике выявление задач, решение которых требует учета текстовых и дискурсивных явлений, началось в середине 1930-х годов. Но к этому времени ряд таких задач уже был обнаружен и описан в смежных областях гуманитарного знания и практики. В статье рассматривается одно из таких предвосхищений, сделанное одновременно выдающимися российскими теоретиками литературы Б.В. Томашевским и Г.А. Шенгели в ходе разработки методов описания композиции литературного произведения. Они показали, что формирование темы текста прямо связано с общностью значений предложений (Томашевский) или семантическим взаимодействием высказываний (Шенгели) внутри текста, и наметили подходы к анализу этого взаимодействия.

Ключевые слова: тема текста, механизм формирования темы, единство значений предложений, взаимодействие высказываний в речи, анализ композиции повествовательного произведения, лирическая композиция, непосредственные составляющие структуры текста, общее и различное в подходах Б.В. Томашевского и Г.А. Шенгели, предыстория лингвистической теории текста и анализа дискурса.

Для цитирования: Гиндин С.И. Механизм формирования темы в тексте в представлении Б.В. Томашевского и Г.А. Шенгели (по работам 1925 года) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 5. С. 100–109. DOI: 10.31857/S160578800022749-9

**Mechanism of Theme-Formation in a Text
as Represented by Boris Tomashevskij and Georgij Shengeli
(Based on the Works of 1925)**

© 2022 Sergei I. Gindin

Cand. Sci. (Philol.),
Leading Researcher,
Director of the Centre for Text Theory and Linguistic Communicative Support
of the Russian State University for the Humanities,
6 Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia
sigindin@gmail.com

Abstract. In the mid-1930s, linguists began to detect problems, which could not be solved without analysis of textual and discursive phenomena. Yet by that moment some of such problems had been already pointed out and considered in the adjacent fields of Humanitarian theory and practice. The article deals with one

of such anticipations made simultaneously by prominent Russian theorists Boris Tomashevskij and Georgij Shengeli in their studies of literary composition. They discovered that theme-formation in a text is based on the unity of meanings in neighboring sentences (Tomashevskij) or on semantic interaction of consecutive utterances (Shengeli).

Key words: theme of a text, mechanism of theme-formation, the unity of sentence meanings, interaction of utterances, analysis of narrative composition, lyric composition, immediate constituents in the structure of a text, similarities and distinctions between Tomashevskij's and Shengeli's approaches, the pre-history of textlinguistics and of discourse analysis.

For citation: Gindin, S.I. *Mekhanizm formirovaniya temy v tekste v predstavlenii B.V. Tomashevskogo i G.A. Shengeli (po rabotam 1925 goda)* [Mechanism of Theme-Formation in a Text as Represented by Boris Tomashevskij and Georgij Shengeli (Based on the Works of 1925)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 5, pp. 100–109. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800022749-9

Сближение имён Бориса Викторовича Томашевского и Георгия Аркадьевича Шенгели привычно для работ по русскому стиху и истории русского стиховедения. Отмечается, что в своих выдающихся исследованиях конца 1910-х – начала 1920-х годов¹ они первыми вслед за Андреем Белым развернули статистические исследования русской метрики (ср. [3, с. 21]), оба были первопроходцами в разработке вероятностных моделей стихотворных размеров [4, с. 12–13], их именами принято (см., напр., [5, с. 398]) обозначать две главные конкурирующие стратегии разметки ударений в русском стихе.

Но за пределами стиховедения встречать имена Томашевского и Шенгели рядом мне не доводилось. Удивляться этому не приходится: слишком различными были прочие области их профессиональной работы в русской культуре, места постоянного проживания и круг творческого общения.

Однако современников многое роднит помимо их воли, а различие областей работы не отменяет общности интересов и подходов. У Томашевского и Шенгели таким пожизненным общим предметом интересов оставалась поэзия (стих был лишь её частным аспектом). Общее легко заметить и в их исследовательском складе: оба были устремлены к теоретической систематике (ср. хотя бы замыслы их книг [2] и [6]) и созданию просветительских (в том числе учебных) компендиумов. Поэтому в их работах и за пределами стиховедения могут обнаружиться схождения и переклички, имеющие историко-научный интерес, а возможно, даже и научную актуальность.

Одну подобную точку схождения мне довелось в свое время обнаружить [7, с. 42–44] при исследовании предыстории лингвистической теории

¹ Статьи Томашевского были собраны (многие в доработанном виде) в итоговом сборнике [1]. Идеи и результаты Шенгели наиболее полно представлены в книге [2].

текста. Это мысли обоих ученых о том, как формируется тема текста, высказанные в их работах по анализу композиции художественных произведений, увидевших свет в 1925 году: разделе “Тематика” знаменитого учебника Томашевского по теории литературы [8]² и малоизвестной статье Шенгели “О лирической композиции” [9]³.

Обнародованные только в диссертации, эти наблюдения остались незамеченными и не вошли в научный обиход. Между тем, дальнейший опыт разработки и преподавания теории текста не только убедил меня в их справедливости, но и показал недостаточность моего первоначального анализа. Позитивный смысл предложений Шенгели был охарактеризован мною в основном верно. А построения Томашевского и, особенно, системные соотношения между подходами обоих авторов оказались раскрытыми неполно и нуждаются сегодня в дальнейшем исследовании и осмыслении.

Этому и посвящена предлагаемая статья.

1. Томашевский: общность темы возникает в процессе сочетания предложений

В “Теории литературы” Томашевского нет раздела “Композиция”, да и само слово *композиция* в оглавлении отсутствует. Есть, правда, производный термин *композиционная мотивировка*, но это лишь один из возможных видов мотивировок, присутствующий не во всех произведениях.

² В [7] я опирался на 5-е, исправленное издание 1930 года и только потом обнаружил, что все заинтересовавшие меня положения содержались (хотя не всегда в тех же местах текста) уже в первом издании. В дальнейшем тексте этой статьи все ссылки на “Теорию литературы” без указания на номер и год издания относятся именно к первому изданию.

³ В отличие от книги Томашевского статья Шенгели при жизни автора ни разу не переиздавалась.

Возможно, термин *композиция* не был нужен Томашевскому потому, что его внимание было сосредоточено преимущественно на устройстве повествовательных текстов, для описания которого было достаточно понятий фабулы, сюжета и связанных с ними.

Вопросы сюжетного построения вместе с жанровой проблематикой рассматриваются в книге в разделе “Тематика”. Для изучения структуры произведения подход “от темы” оказался, как я постараюсь показать, очень плодотворным.

Причина этой плодотворности в трактовке Томашевским заглавного понятия раздела — Темы. Начиная с учения об изобретении в античной риторике и до наших дней тема текста обычно рассматривалась либо как явление, которому посвящен текст (“роман о войне 12-го года”), либо как некоторый тезис, возникающий до текста и служащий исходной точкой создания текста⁴.

Хотя уже теоретики предыдущего поколения, в частности — Брюсов⁵, высказывали веские сомнения в применимости подобного представления о теме и текстопорождении к поэзии, Томашевский не думает от него отказываться⁶. Поэтому раздел “Тематика” открывается параграфом “Выбор темы”. Большая его часть посвящена таким безусловно внетекстовым факторам выбора, как “интерес” к теме со стороны будущих читателей, ее занимательность, актуальность, эмоциональная окрашенность и её оценочный потенциал [8, с. 133–135].

Но разговор о выборе темы возникает лишь с третьего абзаца параграфа. А в первых двух абзацах параграфа тема (и в первом, и во всех последующих изданиях) рассматривается с принципиально иных позиций: как явление, возникающее внутри произведения. На коротком, менее полустраницы, отрезке Томашевский успевает коснуться сразу четырех важных аспектов так понимаемой темы: механизма её образования, ее уровневого характера, неизбежности её присутствия в речи и её связи с единством произведения.

⁴ Ср. о роли и месте темы в ломоносовском учении об изобретении [10, с. 31–33].

⁵ См. его работу 1914 г. “Поэзия и проза”, позднее включенную в состав цикла “Miscellanea” [11, с. 380–381], а также [12, с. 30].

⁶ Напомним, что Томашевский, продолжая ломоносовскую традицию, считал риторiku и поэтику двумя составными частями теории литературы [8, с. 5]. Кроме того, не надо забывать, что его учебник был рассчитан не только на будущих учёных, но и на начинающих писателей, для которых выбор темы был проблемой животрепещущей.

Для наглядности при цитировании разделю эти аспекты и представлю каждый из них отдельно.

1. **Механизм образования** темы Томашевскому видится так: “В художественном выражении отдельные предложения, сочетаясь между собой по их значению, дают в результате некоторую конструкцию, объединенную общностью мысли или темы. Тема (о чем говорится) является единством значений отдельных элементов произведений” [8, с. 133].

Как видим, Томашевский пытается поставить знак равенства между определяемым значением термина *тема* и традиционным его пониманием — то, “о чем говорится”. Но своё определение строит не через отсылку к внешнему миру, а через сочетаемость значимых единиц. При этом, поскольку минимальной из рассматриваемых единиц названо предложение, в поле зрения оказывается сочетаемость на более высоком уровне, нежели предельный для лингвистики 1920-х годов синтаксис предложения. Через десятилетия лингвисты назовут его синтаксисом целого текста⁷, а потом сверхфразовым уровнем⁸.

2. Из механизма образования вытекает **уровневый характер** темы. Очевидно, что с присоединением новых элементов тема может измениться. Томашевский специально оговаривает: “Можно говорить о теме всего произведения, о темах отдельных частей” [там же]. Это свойство также отличает тему, определённую Томашевским, от традиционного понимания темы как внетекстового объекта: тема в традиционном смысле бывает только у произведения в целом.

3. Механизм образования темы из сочетания значащих элементов обеспечивает, по Томашевскому, универсальность и **обязательность** её присутствия в речи: “Темой обладает каждое произведение, написанное языком, обладающим значением. Только заумное произведение не имеет темы, но потому-то оно и является не более, чем экспериментальным, лабораторным занятием...” [8, с. 133].

4. Наконец, возможность несовпадения темы некоторого сочетания предложений и темы части этого сочетания заставляет Томашевского ввести важный постулат о **связи тематического строения с единством произведения**: “Для того, чтобы словесная конструкция представляла единое произведение, в нем должна быть объединяющая тема,

⁷ Термин *текст* в заглавии отечественной лингвистической работы впервые появился в статье [13], а *синтаксис текста* еще через 12 лет, см. [14].

⁸ См., например, статью [15].

раскрывающаяся на протяжении произведения” [там же].

2. Тематическая структура произведения и ее минимальная единица в “Теории литературы” Томашевского

Приведенными цитатами исчерпывается всё сказанное Томашевским о природе темы и механизме её образования во вводном параграфе раздела “Тематика”.

Однако следующий параграф, “Фабула и сюжет”, открывается с возвращения к этому понятию: “Тема есть некоторое единство. Слагается оно из мелких тематических элементов, расположенных в известном порядке” [8, с. 136].

Этот короткий, из двух предложений, абзац на первый взгляд кажется введённым просто для связи с предыдущим параграфом и напоминания о выдвинутой там концепции темы. На деле это повторное изложение, существенно модифицированное, одновременно и обедняет, и дополняет сказанное в первом параграфе.

Обеднение связано с тем, что из повторной формулировки исчезло всякое упоминание о механизме образования темы. Тема теперь предстает как некоторый уже существующий объект (“единство”), неизвестно как возникший и характеризующий лишь одним из ранее описанных свойств: уровневый строением. При этом составляющие ее более мелкие элементы теперь не соотносятся с единицами, изучаемыми в другой науке (предложениями), их “тематичность” попросту постулируется.

А существенным новшеством формулировки, открывавшей второй параграф, были слова об “известном порядке” расположения “мелких тематических элементов”. В теме становящейся, возникающей из сочетания предложений, порядок задавался самим процессом сочетания. В теме, рассматриваемой как готовый объект, этот порядок нужно было предусмотреть как возможный фактор различения тем.

Оба отмеченных отличия вступительной формулировки второго параграфа оказались в нем работающими стимулами. Дополнение используется немедленно и совершенно осознанно: один из типов расположения определяется как фабульный (в противоположность бесфабульному), а в фабульных произведениях вводится разграничение фабулы и сюжета [8, с. 136–137].

Но затем, прервав разговор о фабуле и сюжете, Томашевский вновь возвращается к общему понятию темы. Видимо, упрощенная, лишенная

указаний на принцип темообразования формулировка вводного абзаца не до конца устраивала его самого. Первая фраза нового пассажа как будто обещает обсуждение именно процесса образования темы, недаром статическое “есть единство” заменено в ней причастиями действительного залога: “Понятие темы есть понятие **суммирующее**⁹, объединяющее словесный материал произведения” [8, с. 137].

Но Томашевский неожиданно меняет угол зрения и направление обсуждения. Если во вводном параграфе рассматривалось именно объединение, “суммирование” предложений, то теперь он, отправляясь от уже отмеченного там уровневого характера темы, начинает говорить о распределении “суммы” между “слагаемыми”. Фактически вместо образования темы текста нам предлагается описание процедуры её анализа, выявления в тексте.

Эта процедура получает у Томашевского название “разложения”: “Тема может быть у всего произведения, и в то же время каждая часть произведения обладает темой. Такое выделение из произведения частей, объединяющих каждую часть (sic! — С.Г.) особо тематическим единством, называется разложением произведения” [там же].

Пример приводится повествовательный и, конечно же, из Пушкина: «Так, повесть Пушкина “Выстрел” разлагается на историю встреч рассказчика с Сильвио и графом, и на историю столкновения Сильвио с графом. В свою очередь первое разлагается на историю жизни в полку и на историю жизни в деревне, второе — на первую дуэль Сильвио с графом и на последнюю их встречу» [там же].

Иллюстративный разбор “Выстрела” на этом четырехчастном разложении обрывается. Но Томашевский не сомневается, что разложение нужно и, главное, можно продолжать до его естественного предела на нижних этажах текста: “Путем такого разложения произведения на тематические части мы наконец доходим до частей **неразлагаемых**, до самых мелких дроблений тематического материала. <...> Тема неразложимой части произведения называется **мотивом**” [там же].

Определению мотива предшествуют у Томашевского примеры “неразлагаемых частей”: *Наступил вечер, Раскольников убил старуху, Герой умер, Получено письмо*. Как видим, все это языковые единицы, притом такие, структура которых

⁹ Здесь и далее все смысловые выделения в цитатах (передаваемые полужирным шрифтом) принадлежат цитируемому авторам.

в тогдашнем языкознании была уже хорошо изучена: простые предложения.

И действительно, Томашевский завершает описание процедуры разложения произведения принципиальным тезисом: “В сущности — каждое предложение обладает своим мотивом” [там же]. Характеристика образования темы в первом параграфе начиналась с взаимодействия предложений. Теперь процедура анализа темы заканчивается на предложении.

Лингвистический характер и существенное сходство обоих построений очевидны. Но есть и немаловажное различие. При образовании темы, согласно § 1, значения предложений служат для неё лишь строительным материалом, в каждом отдельном предложении темы ещё нет, она возникает только при их соединении. А согласно § 2, каждое предложение является элементарной единицей “тематического материала” и обладает своей темой, по-видимому, постоянной, не зависящей от соседей.

Осознавал ли Томашевский это противоречие между построениями двух начальных параграфов раздела “Тематика”, мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Но несомненно, что для него было значимо совпадение отправной точки образования и конечной точки анализа темы произведения, а также сугубо лингвистический статус единицы, находящейся в общей точке, — предложения.

Впервые открыв для себя эти построения Томашевского, я увидел его “историческую заслугу” именно в указании на то, что разложение произведения на тематические части должно “доводиться до предложения” [7, с. 43]. Сегодня такая оценка построений параграфа “Фабула и сюжет” представляется хотя и верной, но неполной и недостаточной.

Не меньшей его исторической заслугой была сама идея поуровневого деления на тематически обособленные части и набросок описания процедуры такого деления. Пусть разбор композиции пушкинского “Выстрела” обрывается на интуитивно очевидных единицах второго уровня деления. Для учебного пособия этого было достаточно, к тому же тогдашнее языковедение не могло предложить и намёка на сколь-нибудь четкие критерии деления частей. Но предположим на месте “Выстрела” какое-нибудь короткое произведение из четырех попарно группирующихся предложений — ну хотя бы пушкинскую миниатюру “Золото и булат”. И окажется, что двух операций деления, аналогичных проведенным Томашевским для “Выстрела”, достаточно для полного представления структуры этого стихотворения от уровня текста до уровня предложения.

Поэтому не будет преувеличением сказать, что описанное Томашевским разложение произведения на тематически обособленные части было едва ли не первым проектом выделения и представления сверхфразовой структуры целого текста. Томашевский прозорливо увидел, что единицы этой структуры строятся и отделяются друг от друга на основе общности и различия тем¹⁰. А описанная им процедура разложения обеспечивала удобный и наглядный способ представления структуры текста в виде дерева, вполне аналогичного предложенному много позднее Рулоном Уэлзом [18] представлению синтаксической структуры предложения через непосредственные составляющие¹¹.

Мы видим, что если в параграфе “Выбор темы” наиболее важным было указание на факт взаимодействия соседних предложений на основе их семантики, то в параграфе “Фабула и сюжет” в поле зрения Томашевского оказались структура произведения как целого и образующие ее сверхфразовые единицы. Таким образом, Томашевским так или иначе были охвачены все три уровня организации, которые будут впоследствии выделены в тексте в ходе его систематических лингвистических исследований¹².

3. Шенгели: тема как результат «взаимодействия» высказываний

По своему предмету и задачам статья Шенгели [9] в известной степени полярна рассмотренному нами разделу из учебника Томашевского.

Предмет Томашевского — тематика, а преимущественная сфера внимания — повествовательные тексты. Слово “композиция”, как мы помним, в его словаре отсутствует, а лирика, целиком отнесенная к “бесфабульному” типу произведений [8, с. 136], поневоле оказывается на периферии.

Шенгели сразу выбирает своим предметом исследования именно композицию. Он в курсе исследований композиции разнообразных типов текстов и в коротеньком вводном обзоре сетует,

¹⁰ Впоследствии отечественным исследователям потребовалось больше двух десятилетий, чтобы осознать, что постулированные в 1947–48 гг. Н.С. Пospelовым (см., напр., [16]) единицы, большие, чем предложение, возникают и расподобляются в речи именно на тематической основе, см. [17, с. 352–353].

¹¹ Попытку построить дерево непосредственных составляющих для целого текста с выявлением составляющих на основе собственно тематических критериев см. в [19, с. 141–144].

¹² Ср. деление на уровни межфразовых связей, единиц, промежуточных между предложением и текстом, и текста в целом, положенное в основу систематизации, в обзоре [17].

к примеру, что Л.П. Гроссман, В.Б. Шкловский, М.А. Петровский “свое внимание отдают прозе” [9, с. 97]. Многое из предлагаемого в его статье применимо и за пределами лирики, недаром он, разъясняя систему “ярусов композиционного строя”, пример явления низшего, “ограничительного” уровня приводит из “Преступления и наказания” [9, с. 104].

Но его цель и его боль — композиция именно лирическая. Она не только меньше изучается в науке: “...одни исследователи (Жирмунский) скользят по скорлупе вопроса; другие (Вал. Гливенко) не публикуют интереснейших опытов”. Ещё болезненнее для Шенгели композиционная катастрофа в современной поэзии: “<...> большинство ныне пишущих стихотворцев понятия не имеют о том, что есть композиция: редкое стихотворение нельзя прочитать (без ущерба) снизу вверх, или переставив строфы <...>” [9, с. 97].

Однако парадоксальным образом именно полярность исходных точек и устремлений привела обоих исследователей к встрече и к существенной общности решений. Точкой встречи оказалось явление темы, её природа и механизм образования.

В статье Шенгели, если не считать короткого, на страничку, введения, четыре пронумерованных раздела с четкими заголовками. Теоретическому уяснению явления темы посвящены два средних из них. Их заголовки не содержат литературоведческих терминов, а только лингвистические и философские, и носят характер программных тезисов: “Отдельные высказывания не имманентны себе” и “Двусторонность высказываний”.

Действительно, для Шенгели всякое “произведение слова есть развертывающаяся во времени последовательность высказываний”. В этой последовательности “каждое высказывание — будь то логическая формула, эмфатический выклик, чувственный или моторный образ, — неизбежно вступают во взаимодействие с предыдущими или последующими...”.

Я нарочно прервал цитирование второго раздела статьи Шенгели, не закончив предложения. До сих пор всё процитированное носило общелингвистический характер и применимо к любым “произведениям слова”, включая и нехудожественные. Поэтому читатель ждет, что и продолжение о взаимодействии высказываний будет столь же общеприменимо.

Но у Шенгели неожиданно проскальзывает отсылка к тому конкретному виду произведений, которому посвящена статья: “...и лирический

смысл их (высказываний — С.Г.) совокупности возникает именно из этого взаимодействия, — как искра проскакивает при сближении двух кондукторов электрической машины” [9, с. 100].

Что это за смысл возникает из взаимодействия высказываний, читателю разъясняется в следующем разделе статьи. В нем Шенгели опять ведёт разговор о высказываниях любого рода, а не только о лирических. Чтобы объяснить появление при взаимодействии высказываний какого-то дополнительного смысла, он вводит представление о принципиальной семантической двусторонности высказываний: “В каждом высказывании обязательно наличествуют эти две стороны: содержание и устремление”. Содержание высказывания постоянно, “... устремление же становится явным из сопоставления с другими высказываниями” [9, с. 101–102] и поэтому будет различаться в разных произведениях.

Шенгели предлагает “называть содержание — **фабулой**”, а “устремление — **темой**” [9, с. 102]. И тут же демонстрирует, как одинаковая фабула может становиться “источком различных тем”: “Фабула осенней непогоды в сопоставлении с фабулой пылающего камина и ковров прорастает темой уюта; в сопоставлении с фабулой шагающего по пустырям бродяги прорастает темой бездомности; в сопоставлении с фабулой весеннего неба — темой тоски об ушедшем и милом былом, и т.д.” [там же].

То, что в примерах даются не конкретные высказывания, а некие ситуации, напоминает нам, что автор предложенной теории темы не лингвист, да и вообще сначала художник, а уж потом учёный. Возможно к тому же, что в этой теории есть следы воздействия нарождающегося киноискусства с характерным для него монтажом. Тем не менее, это вполне состоятельная теория, и притом общелингвистической природы, так как никаких специфических признаков высказываний лирических в ней нет.

Родство этой теории Шенгели со сказанным про образование темы Томашевским очевидно, достаточно заменить слово “высказывания” на слово “предложения”, а “взаимодействие” на “сочетание”. Но Шенгели убедительнее и в демонстрации, поскольку приводит примеры взаимодействия, и в объяснении — благодаря расщеплению того, что Томашевский называл “значением” предложения [8, с. 133], на фабулу и тему.

Предложенное Шенгели применение слова “фабула” к отдельному предложению при всей нетрадиционности вполне согласуется с его употреблением в работах формальной школы, зафиксированным, в частности, и в учебнике

Томашевского: “Фабулой называется совокупность событий, <...> о которых сообщается в произведении” [8, с. 137]. Очевидно, что если всё произведение будет состоять из одного предложения, то совокупность событий и сведется к содержанию этого предложения, т.е. к фабуле по Шенгели.

В то же время благодаря разграничению фабулы и темы высказывания у Шенгели не может возникнуть противоречие, подобное тому, что наблюдается, как отмечалось в конце предыдущего раздела, между трактовками темы в параграфах “Выбор темы” и “Фабула и сюжет” у Томашевского. Коль скоро тема не может обнаружиться в высказывании, пока не заданы его соседи по произведению, то отдельное предложение не может раз и навсегда получить статус мельчайшего “дробления тематического материала”, как то получалось у Томашевского [там же]. Оно окажется таковым только там, где у него нет ощутимой семантической связи с соседями, во всех же остальных случаях минимальная единица “тематического дробления” произведения будет состоять более чем из одного предложения. Такой вывод из определений Шенгели находит полное подтверждение в позднейших лингвистических исследованиях сверхфразовой структуры текста.

4. Противоположность и взаимодополнительность подходов к описанию композиции у Томашевского и Шенгели

Несмотря на небольшой объём, статья Шенгели необычайно насыщена. К тому же многое в ней, особенно в самом большом четвёртом разделе “Четыре яруса композиционного строя”, не сформулировано, а лишь продемонстрировано в ходе разбора конкретных примеров или намечено с помощью отсылок к классическим произведениям. Поэтому, откладывая полный анализ сказанного в ней о композиции, я ограничусь здесь только теми моментами, что находятся в определенном соотношении с рассмотренным выше во втором разделе “разложением произведения” по Томашевскому.

Первое, что бросается в глаза в статье Шенгели, если читаешь её после Томашевского, это отсутствие постулатов типа “Для того, чтобы словесная конструкция представляла единое произведение, в ней **должна** быть объединяющая тема...” [8, с. 133]. Шенгели эмпирик, он знает: “Все стихотворение **может** быть пронизано одной темой...” [9, с. 105]. Но не менее распространены и характерны стихотворения с двумя темами, причем между этими темами могут устанавливаться отношения существенно разных типов, равно иллюстрируемых отсылками к хрестоматийным вещам Тютчева [9, с. 105–106]. Существуют стихотворения

с тремя и четырьмя равноправными темами. Четырехтемная композиция, характерная для сонетов и французских баллад, является, по мнению Шенгели, самой сложной из возможных, но и тут он добавляет оговорку: “обычно” [9, с. 106] (ср. далее о “побочных темах”).

Коль скоро единая “тема, раскрывающаяся на протяжении произведения” [8, с. 133], перестает быть обязательной принадлежностью произведения, то не возникает предпосылок для единообразного анализа его композиционного строения по типу “разложения” у Томашевского. Анализ композиции стихотворений у Шенгели всегда ведётся снизу — через выявление тем и установление отношений между ними.

Тема, таким образом, оказывается основной единицей анализа и описания композиции. При этом молчаливо предполагается возможность отождествления разных вхождений, или, как говорит Шенгели, разных “фабул” одной “темы”. Только при этом допущении возможен замечательно тонкий анализ стихотворения Бальмонта “Она отдалась без упрека...” не как шестичастного построения, а как “классической параллельной диады”, в которой двуступица попеременно относятся то к первой теме “любовной беззаветности”, то ко второй теме “чарующей окружающей обстановки” [9, с. 107–108].

Сравнение разных фабул темы и установление отношений между темами дают Шенгели возможность объяснить выбор порядка композиционных единиц там, где теоретически возможно было бы иное их расположение, ср., например, эксперимент с переверачиванием упомянутого стихотворения Бальмонта, в результате которого напрочь исчезла градация внутри каждой из тем [9, с. 108–109]. А в “Сонете” Пушкина (“Суровый Дант не презирал сонета...”) разнесение имен поэтов по обобщенным темам позволило объяснить порядок появления этих имён и их группировку по строфам [9, с. 110–113].

Таким образом, вскрыть и объяснить порядок тематических элементов шенгелиевский анализ “снизу” от отдельных тем и фабул позволяет не хуже, чем подход Томашевского “сверху” от обязательной объединяющей темы произведения.

В чем он определенно уступает подходу Томашевского — это в демонстрации иерархических отношений, иерархической соподчиненности соседних частей произведения. Но зато его сила в установлении линейных связей и перекличек между отдаленными и, возможно, по-разному подчиненными сегментами. Чего стоит одно только объединение в “побочную тему” в “Памятнике” Пушкина находящихся в разных

строфах указаний на длительность памяти о художнике и о гражданине [9, с. 106]!

Не исключено, что преимущественное внимание Томашевского к иерархическому, а Шенгели к линейному разворачиванию композиции определялось различием интересовавших их типов текстов. Но развитие лингвистики текста сняло жесткое противопоставление этих походов и показало их взаимодополнительность. В композиции всякого достаточно хорошо построенного и длинного текста сочетаются два аспекта: преемственность и развитие, непрерывность и дискретность. И для того, чтобы охватить эти аспекты, нужны одновременно и подход, восходящий к Шенгели, и подход, восходящий к Томашевскому.

5. Место открытий Томашевского и Шенгели в современной им науке и в историко-научной перспективе

Проведенный анализ позволяет констатировать между публикациями Томашевского и Шенгели 1925 года следующие предметные и методические сходства:

1. Оба они поставили вопрос о теме как внутритекстовом явлении и вскрыли механизм её формирования в произведении.
2. Оба они, хотя и по-разному, положили понятие темы в основу процедуры выявления и представления композиции произведения.
3. Оба они построили свои определения и процедуры на базе лингвистических понятий (предложение, высказывание, значение).

Как были восприняты эти находки обоих авторов в тогдашней российской науке? Насколько она была к ним готова? Не имея возможности провести подробное обследование откликов, приведем лишь несколько выразительных примеров реакции на более заметную и распространённую книгу Томашевского.

Начнем с представителя, так сказать, “антилингвистического” фланга тогдашней поэтики. П.Н. Медведев, по выходе книги оценивший ее как “первый у нас опыт систематического изложения в научном плане теории литературы”, именно про раздел “Тематика” сказал, что он “очень неудачен” [20, с. 299]. А три года спустя в своей знаменитой книге, процитировав сказанное Томашевским в начале параграфа “Выбор темы”, резюмировал: “Определение Томашевского представляется нам в корне неверным. Нельзя строить тематическое единство произведения как сочетание значений его слов и предложений. <...>

С помощью языка мы овладеваем темой, но никак не должны включать ее в язык как его элемент” [21, с. 147]. Внимательному читателю данной статьи вряд ли надо объяснять, что Томашевский, равно как и Шенгели, и не думал “включать тему в язык”: в языке нет и не может быть сочетания предложений, оно возникает только в конкретном словесном произведении, т.е. в тексте.

Но и коллеги по условному “лингвистическому флангу” предложений Томашевского не оценили. Методологические позиции В.М. Жирмунского и Томашевского и их подходы к тематике принято сближать и даже объединять [22, с. 11–14, 17]; [23, с. 321]¹³. Но, переиздавая в 1928 году знаменитые “Задачи поэтики”, Жирмунский сохранил привязку темы к языковой единице более низкого уровня: “Каждое слово, имеющее вещественное значение, является для художника поэтической темой” [24, с. 42]. При этом он не нашел нужным дать хотя бы ссылку на существенно отличающееся определение Томашевского. Единственная известная мне попытка опереться на некоторые из положений Томашевского была сделана в работе [25], опубликованной журналом “Родной язык в школе” и принадлежавшей, по-видимому, молодому исследователю¹⁴.

Таким образом, идеи Томашевского и Шенгели оказались в целом не воспринятыми и даже не понятыми в тогдашней российской науке о литературе. И это неудивительно, ибо у их находок было, кроме трех выше сформулированных общих свойств, еще одно:

4. Лингвистические явления, с которыми связывали формирование темы оба автора: сочетание и взаимодействие предложений (высказываний) в речи, — не изучались языковедением 1920-х годов и не имели ещё статуса научного понятия.

Время систематического изучения текста и связной речи (дискурса) как особых лингвистических — но не языковых — объектов придет позже, в последние годы жизни Томашевского и Шенгели. И в историко-научной перспективе оба они должны быть признаны не только авторами отдельных открытий в поэтике, но и предтечами [26] одного из важнейших направлений лингвистики второй половины XX и начала XXI века. Думаю даже, что кое-что из найденного ими нам еще только предстоит осмыслить и объяснить.

¹³ Оба историографа при этом, по-видимому, развивают высказанное вскользь и без мотивировок в [21, с. 147].

¹⁴ Все попытки получить какие-либо сведения об авторе и узнать хотя бы его (или ее?) имя оказались безуспешными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Томашевский Б.В.* О стихе. Л.: Прибой, 1929.
2. *Шенгели Г.А.* Трактат о русском стихе. Ч. 1. Органическая метрика / Изд. 2-е. Пг.: Гиз, 1923.
3. *Гаспаров М.Л.* Современный русский стих: Метрика и ритмика. М.: Наука, 1974.
4. *Гаспаров М.Л.* А.Н. Колмогоров в русском стиховедении // *Колмогоров А.Н.* Труды по стиховедению. М.: Издательство МЦНМО, 2015.
5. *Колмогоров А.Н., Прохоров А.В.* К основам русской классической метрики // Содружество наук и тайны творчества / Под ред. Б.С. Мейлаха. М.: Искусство, 1968. С. 398. (То же / [Изд. 2-е] // Колмогоров А.Н. Труды по стиховедению. М., 2015).
6. *Томашевский Б.В.* Русское стихосложение: Метрика. Пг.: Academia, 1923.
7. *Гиндин С.И.* Внутренняя организация текста: Элементы теории и семантический анализ. Диссертация ... кандидата филол. наук / Моск. пед. институт иностранных языков. М., 1972.
8. *Томашевский Б.В.* Теория литературы (Поэтика). Л.: Госиздат, 1925.
9. *Шенгели Г.А.* О лирической композиции // Проблемы поэтики: Сборник статей под редакцией В.Я. Брюсова. М.; Л.: Земля и фабрика, 1925. С. 95–113.
10. *Гиндин С.И.* Что знала риторика об устройстве текста? Часть 2 // Риторика. 1996. № 1 (3).
11. *Брюсов В.Я.* Miscellanea // Брюсов В.Я. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 6. М., 1975.
12. *Гиндин С.И.* Вклад Валерия Брюсова в теорию русской поэтической речи // Русский язык в школе. 1973. № 6.
13. *Фигуровский И.А.* Пунктуация целого текста // Русский язык в школе. 1936. Вып. 5.
14. *Фигуровский И.А.* От синтаксиса предложения к синтаксису целого текста // Русский язык в школе. 1948. № 3.
15. *Hendricks W.O.* On the notion 'Beyond the sentence' // Linguistics. 1967. V. 37.
16. *Поспелов Н.С.* Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры // Доклады и сообщения Ин-та русского языка. Вып. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
17. *Гиндин С.И.* Советская лингвистика текста: Некоторые проблемы и результаты (1948–1975) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1977. Т. 36. Вып. 4.
18. *Wells R.* Immediate constituents // Language. 1947. V. 23.
19. *Гиндин С.И.* Анализ структуры текста стихотворения Н.А. Некрасова "Смолкли честные, доблестно павшие..." с помощью семантического словаря // Материалы научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н.А. Некрасова / Ярославский пед. ин-т. Ярославль, 1973.
20. *Медведев П.Н.* [Рец. на кн.:] Томашевский Б.В. Теория литературы (Поэтика). Л., 1925 // Звезда. 1925. № 3 (9).
21. *Медведев П.Н.* Формальный метод в литературоведении. М.: Лабиринт, 1993 (1-е изд. Л., 1928).
22. *Тамарченко Н.Д.* "Поэтика" Б.В. Томашевского и её судьба // *Томашевский Б.В.* Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 1996.
23. *Бройтман С.Н.* Комментарий // *Томашевский Б.В.* Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 1996.
24. *Жирмунский В.М.* Задачи поэтики // *Жирмунский В.М.* Вопросы теории литературы. Л.: Academia, 1928.
25. *Гольденберг Г.* Понятия темы, мотива и сюжета // Родной язык в школе. 1927. Кн. 2. С. 41–51.
26. *Гиндин С.И.* Российское предвосхищение понятия изотопии: Георгий Шенгели // Современная семиотика в приложении к гуманитарным наукам: Международная научная конференция... посвященная 90-летию А.Ж. Греймаса. М., 2007. С. 64–65.

REFERENCES

1. Tomashevsky, B.V. *O stikhe* [On Verse]. Leningrad, Priboj Publ., 1929. (In Russ.)
2. Shengeli, G.A. *Traktat o russkom stikhe. Ch. 1. Organicheskaya metrika. Izd. 2-e* [A Treatise on Russian Verse. Part 1. Organic Metrics. The 2nd Ed.]. Petrograd, Giz Publ., 1923. (In Russ.)
3. Gasparov, M.L. *Sovremennyj russkij stikh: Metrika i ritmika* [Modern Russian Verse: Metrics and Rhythmics]. Moscow, Nauka Publ., 1974. (In Russ.)
4. Gasparov, M.L. *A.N. Kolmogorov v russkom stikhovedenii* [Kolmogorov in Russian Verse Studies]. Kolmogorov, A.N. *Trudy po stikhovedeniyu* [Works on Versification]. Moscow, Izdatelstvo MCNMO Publ., 2015. (In Russ.)
5. Kolmogorov, A.N., Prokhorov, A.V. *K osnovam russkoj klassicheskoy metriki* [To the basics of Russian Classical Metrics]. *Sodruzhestvo nauk i tajny tvorchestva. Pod red. B.S. Mejlakha* [The Commonwealth of Sciences and the Secrets of Creativity. Edited by B.S. Meilakh]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1968, p. 398. (In Russ.)
6. Tomashevsky, B.V. *Russkoe stikhoslozhenie: Metrika* [Russian Versification: Metrical]. Petrograd, Academia Publ., 1923. (In Russ.)
7. Gindin, S.I. *Vnutrennyaya organizaciya teksta: Elementy teorii i semanticheskij analiz. Dissertaciya ... kandidata filol. nauk* [Internal Organization of the Text: Elements of Theory and Semantic Analysis. Dissertation... Candidate of Philological Sciences].

- Moscow, Mosk. ped. institut inostrannykh yazykov Publ., 1972. (In Russ.)
8. Tomashevsky, B.V. *Teoriya literatury (Poehtika)* [Theory of Literature (Poetics)]. Leningrad, Gosizdat Publ., 1925. (In Russ.)
 9. Shengeli, G.A. *O liricheskoy kompozitsii* [On Lyrical Composition]. *Problemy poetiki: Sbornik statej pod redakciej V.Ya. Bryusova* [Problems of Poetics: A Collection of Articles Edited by V.Ya. Bryusov]. Moscow, Leningrad, Zemlya i fabrika Publ., 1925, pp. 95–113. (In Russ.)
 10. Gindin, S.I. *Chto znala ritorika ob ustrojstve teksta? Chast 2* [What did Rhetoric Know About the Structure of the Text? Part 2]. *Ritorika* [Rhetoric]. 1996, No. 1 (3). (In Russ.)
 11. Bryusov, V.Ya. *Miscellanea. Bryusov, V.Ya. Sobranie sochinenij: V 7 t. T. 6* [Collected Works: In 7 vols. Vol. 6]. Moscow, 1975. (In Russ.)
 12. Gindin, S.I. *Vklad Valerija Bryusova v teoriyu russkoj poeticheskoy rechi* [Contribution of Valery Bryusov to the Theory of Russian Poetic Speech]. *Russkij yazyk v shkole* [Russian Language at School]. 1973, No. 6. (In Russ.)
 13. Figurovsky, I.A. *Punktuaciya celogo teksta* [Punctuation of the Whole Text]. *Russkij yazyk v shkole* [Russian Language at School]. 1936, Iss. 5. (In Russ.)
 14. Figurovsky, I.A. *Ot sintaksisa predlozheniya k sintaksisu celogo teksta* [From Sentence Syntax to Whole Text Syntax]. *Russkij yazyk v shkole* [Russian Language at School]. 1948, No. 3. (In Russ.)
 15. Hendricks, W.O. On the notion 'Beyond the sentence'. *Linguistics*. 1967, V. 37.
 16. Pospelov, N.S. *Slozhnoe sintaksicheskoe celoe i osnovnye osobennosti ego struktury* [A Complex Syntactic Whole and the Main Features of its Structure]. *Doklady i soobshcheniya In-ta russkogo yazyka. Vyp. 2* [Reports and messages of the Russian Language Institute. Iss. 2]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1948. (In Russ.)
 17. Gindin, S.I. *Sovetskaya lingvistika teksta: Nekotorye problemy i rezultaty (1948–1975)* [Soviet Text Linguistics: Some Problems and Results (1948–1975)]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR. Studies in Literature and Language]. 1977, Vol. 36, No. 4. (In Russ.)
 18. Wells, R. *Immediate constituents*. Language. 1947. V. 23.
 19. Gindin, S.I. *Analiz struktury teksta stikhotvoreniya N.A. Nekrasova "Smolkli chestnye, doblestno pavshie..." s pomoshchyu semanticheskogo slovarya* [Analysis of the Structure of the Text of N.A. Nekrasov's Poem "Smolkli chestnye, doblestno pavshie..." with the Help of a Semantic Dictionary]. *Materialy nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 150-letiyu so dnya rozhdeniya N.A. Nekrasova. Yaroslavskij ped. in-t* [Materials of a Scientific Conference Dedicated to the 150th Anniversary of the Birth of N.A. Nekrasov]. Yaroslavl, 1973. (In Russ.)
 20. Medvedev, P.N. *[Rec. na kn.:] Tomashevskij B.V. Teoriya literatury (Poehtika). L., 1925* [[Rev. on the Book:] Tomashevsky, B.V. Theory of Literature (Poetics). Leningrad, 1925]. *Zvezda* [The Star]. 1925, No. 3 (9). (In Russ.)
 21. Medvedev, P.N. *Formalnyj metod v literaturovedenii* [The Formal Method in Literary Studies]. Moscow, Labirint Publ., 1993 (*1-e Izd. L., 1928* [The 1st Ed. Leningrad, 1928]). (In Russ.)
 22. Tamarchenko, N.D. *"Poehtika" B.V. Tomashevskogo i ego sudba* ["Poetics" of B.V. Tomashevsky and its Fate]. Tomashevsky, B.V. *Teoriya literatury. Poehtika* [Theory of Literature. Poetics]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1996. (In Russ.)
 23. Brojtmann, S.N. *Kommentarij* [Commentary]. Tomashevsky, B.V. *Teoriya literatury. Poehtika* [Theory of Literature. Poetics]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1996. (In Russ.)
 24. Zhirmunsky, V.M. *Zadachi poehtiki* [Tasks of Poetics]. Zhirmunsky, V.M. *Voprosy teorii literatury* [Topics of the Theory of Literature]. Leningrad, Academia Publ., 1928. (In Russ.)
 25. Goldenberg, G. *Ponyatiya temy, motiva i syuzheta* [Concepts of Theme, Motive and Plot]. *Rodnoj yazyk v shkole* [Native Language at School]. 1927, Book 2, pp. 41–51. (In Russ.)
 26. Gindin, S.I. *Rossijskoe predvoskhishchenie ponyatiya izotopii: Georgij Shengeli* [Russian Anticipation of the Concept of Isotopy: Georgy Shengeli]. *Sovremennaya semiotika v prilozhenii k gumanitarnym naukam: Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya... posvyashchennaya 90-letiyu A.Zh. Grejmasa* [Modern Semiotics in the Application to the Humanities: International Scientific Conference... Dedicated to the 90th Anniversary of A.J. Greimas]. Moscow, 2007, pp. 64–65. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 25 июля 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 21 августа 2022 г.

Статья принята к публикации: 31 августа 2022 г.

Дата публикации: 31 октября 2022 г.

Received by Editor on July 25, 2022

Revised on August 21, 2022

Accepted on August 31, 2022

Date of publication: October 31, 2022

Рецензия / Review

DOI: 10.31857/S160578800022750-1

J. Fernández-Domínguez, A. Bagasheva, C. Lara-Clares (eds.) Paradigmatic Relations in Word Formation. (Empirical Approaches to Linguistic Theory, Vol. 16). Leiden, Boston: Brill, 2020. 265 p. [на английском языке]

[Review:] J. Fernández-Domínguez, A. Bagasheva, C. Lara-Clares (eds.) Paradigmatic Relations in Word Formation. (Empirical Approaches to Linguistic Theory, Vol. 16). Leiden, Boston: Brill, 2020. 265 p. [In Engl.]

Применимость понятия “парадигмы” к уровню словообразования в настоящее время не вызывает сомнений, и обзорные статьи, проводящие параллели между регулярностью и нерегулярностью оппозиций в словообразовании и словоизменении, неизменно находят свое место в фундаментальных справочниках и компендиумах по деривационной морфологии (ср. [1, p. 65–69]; [2]). Авторы рецензируемого сборника ставят своей целью дальнейшую разработку концепции “словообразовательной парадигматики” и параметров, которые позволили бы описывать зоны различной степени регулярности внутри словообразовательных систем, проводить межъязыковые сравнения и объяснять динамические процессы в языке.

Понятие “словообразовательной парадигмы” и словообразовательных “парадигматических отношений” в сборнике в основном трактуется в общем смысле, как тип отношений между языковыми единицами. Как известно, в отечественной теории словообразования понятие “словообразовательной парадигмы” закреплено терминологически и применяется к совокупности производных (мотивированных) слов, образованных от одного производящего слова и расположенных на одной ступени производности (т.е. непосредственно произведенных от исходного слова). Это узкое терминологическое понимание упоминается в сборнике как элемент восточноевропейской славистической традиции теории словообразования, восходящей к М. Докулилу (С. 85). Однако непосредственный предмет внимания авторов – отношения в словообразовательных парах (‘производящее’ – ‘производное’), составляющих парадигмы, и степень охвата этими отношениями

всего лексикона языка или отдельных морфологических либо семантических категорий слов. При этом подходе систему словообразования удобно представить как “сеть” с ячейками для реализованных или потенциальных единиц, а в центр изучаемой проблематики выдвигается обязательность и семантическая предсказуемость единиц, “задаваемых” ячейками. Соответственно, под “парадигмой” может пониматься совокупность только таких словообразовательных пар от разных производящих основ, в которых наблюдаются идентичные формально-семантические отношения (С. 167).

Сборник составлен по материалам самого известного форума специалистов по словообразованию – регулярной конференции в г. Кошице (Словакия) при Университете Павла Йозефа Шафарика. В нем опубликованы 9 статей, включая редакционное введение. Во введении и в каждой статье представлены серьезные обзоры литературы, которые знакомят читателя с актуальными терминологическими и содержательными дискуссиями; анализ частных языковых явлений основан на обширном эмпирическом материале. Книга содержит 31 таблицу, 11 иллюстративных схем и снабжена предметным указателем. В предметный указатель не включены отдельные новые термины, заимствованные из теории словоизменения. Так, в нем нет термина *morphological family* ‘морфологическая семья’ для совокупности регулярно образуемых форм слова (С. 22, 50, 122, 138, 166 и др., точную дефиницию см. в [3]), но включен аналогичный термин *word formation family*.

Во вводной статье Хесус Фернандес-Домингес, Александра Багашева и Кристина Лара-Кларес, опираясь на актуальную научную литературу,

формулируют центральные проблемы сборника: общие характеристики языковых парадигм, парадигмы в словообразовании и словоизменении, типология деривационных парадигм, психологическая реальность парадигм в словообразовании для говорящего, соотношение реализованных и потенциальных слов, словообразовательных “лакун” и предсказуемости единиц.

В статье “К характеристике словообразовательных парадигм” Бернар Фрадин предпринимает попытку категоризировать словообразовательные парадигмы, основываясь на их семантической неоднородности и различной способности предсказывать возможные производные единицы. В первом приближении в языках различных типов можно выделить “событийно ориентированные” (event-related) парадигмы, организованные вокруг глаголов или лексем, обозначающих событие. Они с большей вероятностью имплицитно единицы со значениями агенса, инструмента, действия и т.п. и при этом способны задавать значительное количество подобных стандартных слотов. Б. Фрадин подробно останавливается на калибровке ядерных и опциональных слотов “событийных парадигм” с базовым глаголом, семантических и социальных факторах заполнения этих слотов реальными единицами, а также на важности точной дефиниции в словообразовании таких значений, как ‘инструмент’, ‘квази-агенса’, ‘средство’. Основываясь на предложении М. Роше [4], автор отделяет событийно ориентированные парадигмы, в которых структурирующую функцию имеет не глагол, а имя, обозначающее “аккумуляцию процессов или систематическое повторение процессов” (“сети деятельности”, activity networks). Глагол в этих парадигмах может быть вторичен (произведен от имени) или вообще отсутствовать, а количество слотов ограничено, причем наиболее регулярно здесь реализуются единицы со значением ‘одушевленного производителя действия’ (ср. с русскими примерами *хоккей* – *хоккеист*, *бокс* – *боксер* – *боксовать*). Различие между двумя типами событийных парадигм хорошо прослеживается при расщеплении на две микропарадигмы однокоренных слов. Ср. (*parachute*) ‘парашют’ – *parachutisme* ‘парашютный спорт’ – *parachutiste* ‘парашютист’ – *faire du parachute* ‘заниматься парашютным спортом’ (парадигма деятельности) и глагольную парадигму *parachuter* ‘сбрасывать, спускаться’ – *parachutage* ‘прыжок, выброс (с парашютом)’ – *parachuteur* ‘спускающийся (на парашюте), парашютист’.

Весьма интересна, далее, гипотеза об “антропоцентричности” некоторых регулярных зон словообразовательных парадигм (именование артефактов в отличие от именовании природных объектов, в особенности именовании объектов дикой природы). Наконец, в языках существуют некоторые “мета-образцы”, центральные парадигмы, пронизывающие значительную часть лексикона: транспозиция прилагательных в имена свойства, видовые глагольные пары, образование наречий из прилагательных и т.п. Употребление этих образцов говорящим обладает обязательностью, сопоставимой с обязательностью словоизменительных паттернов.

Предложенные категоризации автор рассматривает как рабочую карту для дальнейших теоретических и эмпирических исследований, в том числе для анализа диахронической устойчивости разных парадигм. Отметим, что отдельный интерес могут представлять пока неизученные характеристики деривационных парадигм в языках разных типов, например, в изолирующих языках, в которых нет словоизменительной морфологии, но есть продуктивные словообразовательные модели (С. 53–56).

Проблема разной степени “парадигматичности” различных доменов словообразовательной системы рассматривается в статье Петра Коса “Уровень парадигматичности в деривационных сетях”. Петр Кос указывает на то, что попытки выявить в словообразовании наиболее регулярные области, сопоставимые со словоизменительными парадигмами, могут и должны быть увязаны с известными докулиловскими категориями модификационного, транспозиционного и мутационного словопроизводства [5, p. 129–149]. По уровню парадигматичности сходством со словоизменением обладают, по мнению П. Коса, лишь транспозиция (изменение частеречной принадлежности слова при сохранении лексического значения) и модификация (видоизменение сохраняющегося исходного значения с помощью добавочного признака, например, образование уменьшительных существительных), которые демонстрируют не только формальную, но и явную семантическую предсказуемость единиц. О заданных в парадигме ячейках (pre-existing cells) в строгом смысле слова можно говорить только для модификации и транспозиции. Кроме того, именно в области модификации и транспозиции набор синонимичных аффиксов, как правило, оказывается минимальным. В отличие от модификации и транспозиции, мутационное словопроизводство (обозначение референта через иную

концептуальную категорию, определенную производящей основой) представляет собой основное средство номинации и категоризации внеязыковой действительности. Поэтому заполнение “слов” парадигмы для мутационных типов оказывается наиболее субъективным, а мутационные “сети”, как правило, представляют собой фрагментарную и малоструктурированную систему.

При всей условности категорий, введенных М. Докулилом, намеченная автором классификация открывает различные возможности для сравнения языков разных типов. Интерес представляет не только степень структурированности и предсказуемости основных доменов словообразования, но и их стыки на уровне формантов: так, автор обращает внимание на суффиксы, которые в славянских языках одновременно участвуют (с синхронной точки зрения как омонимы) в модификационном и мутационном словообразовании. Отметим, что, вероятно, все же имеет смысл отделять эвалуативное словообразование от других типов модификации. Это соответствовало бы не только принятому в настоящее время выделению эвалуативной морфологии в особую область, но и некоторым очевидным особенностям оценочных единиц. Так, аугментативы и диминутивы при межъязыковом сравнении представляются все же более предсказуемыми, чем упоминаемые в статье феминитивы и собирательные имена.

Авторы статьи “О чем мы говорим, когда говорим о парадигмах: представление латинского словообразования” Элеонора Литта и Марко Будасси демонстрируют, как языковой материал может быть представлен с опорой на парадигматические словообразовательные ячейки, без учета направления производности. Для мертвого языка такой подход открывает дополнительные преимущества, так как позволяет избежать, в частности, интерпретации слов с двойной мотивацией или постулирования незафиксированных (и, возможно, фиктивных) образований в пустых ячейках. На материале словообразовательного словаря латинского языка [6] исследователи выделяют “ядерные” (наиболее количественно продуктивные) словообразовательные парадигмы и предлагают метод семантического маркирования ячеек, основанный на конструкционной морфологии (*Construction Morphology* [7]). “Дизайн” парадигм и маркирование ячеек иллюстрируются авторами на примере многочисленных таблиц; обсуждается, как строение парадигм может быть отражено в новых опциях электронной версии словаря.

Две статьи сборника посвящены возможности выделения парадигматических отношений в словосложении.

Ян Радимский в статье “Парадигматический подход к словосложению” демонстрирует, что в композитах наблюдается сериализация, которая, несмотря на отсутствие эксплицитного выражения значений формантами, позволяет говорить о выстраивании парадигматических сетей. В частности, “характеризующая” основа в композите может выбирать и сериализовать только некоторые значения исходной леммы. Сериализация схем композитов в романских языках затрагивает и некоторые формальные моменты. Так, в итальянском языке появление в структуре сложного слова хотя бы одной связанной основы (конфикса) диктует схему с правосторонним главным членом: ср. [[*agro*]_C[[*industrial*]_N]_N, ‘агропромышленность’, [[*zanzari*]_N[[*cida*]_C]_N ‘средство от комаров’ (букв.: ‘комароубийца’). С другой стороны, “правосторонняя” схема выбирается при заимствовании основы из иностранного научного языка ([[*laser*]_N[[*chirurgia*]_N]_N ‘лазерная хирургия’) или просто по аналогии с серией композитов, ср. [[*danza*]_N[[*terapia*]_N]_N ‘танцетерапия’ по образцу имен с конфиксом на первом месте: *psicoterapia*, *fisioterapia*, *fitoterapia* и др. Интересные примеры взаимодействия нетривиальных схем словосложения приводятся и для французского языка.

Александра Багашева в статье “Парадигматичность в словосложении” обращает внимание на психологическую реальность парадигм в такой разнородной и плохо формализуемой области, как образование английских сложных глаголов (*to babysit*, *to time-save*, *to could-shoulder* и др.). В большом числе случаев новообразованные глаголы-композиции соотносятся с “парасинтетическими” адъективными образованиями (*babysitting*, *time-saving* и т.п.), т.е. заполняют лакуны в ячейке глагола, воспринимаемого говорящим как исходный. Это связано с тем, что адъективные композиты, возникающие как производные от словосочетаний (*the time-saving* < *the saving of time*, *saving time*), создают представление о некоем едином глагольном лексическом концепте. В то же время парасинтетические композиты чаще задают микропарадигмы с носителем признака (*time-saving* — *timesaver*); заполнение же глагольной ячейки при них спорадично и диктуется, скорее, социопрагматической важностью образований.

Лиор Лакс и Фатен Юсеф в статье “Словообразовательные варианты в палестинском арабском — Где вмешиваются парадигмы?” рассматривают выравнивание словообразовательных вариантов

глаголов. Анализируемый материал дает интересный пример того, как аналогия, формирующая более единообразные и стабильные парадигмы, может одновременно действовать на словоизменительном и словообразовательном уровнях. В исследованном узусе наряду с инхоативными глаголами деривационной структуры *CiCeC* наблюдается параллельное идентичное употребление синонимичных глаголов структуры *tCaCCaC*. С одной стороны, появление новых вариантов позволяет устранить исторические фонеморфологические чередования в разных формах глагола; аналогия выравнивает и просодическую структуру глаголов разных словообразовательных классов. С другой стороны, появление вариантов фиксируется у глаголов *CiCeC*, имеющих строго определенное место в словообразовательной парадигме, а именно, у глаголов, имеющих деривационную пару *CaCCaC* с переходным значением.

Хосе А. Санчес Фахардо и Елизавета Тарасова проводят в своей статье вполне традиционный анализ степени регулярности и предсказуемости английских деадъективных номинализаций с оценочным суффиксом *-ie*, уделяя основное внимание именам от прилагательных-этнонимов и прилагательных цвета (*Hunkie* < *Hungarian* 'венгр', *blackie* < *black* 'черный'). В общей системе словообразования эти производные соотносятся с отыменными существительными на *-ie*, которые могут иметь отчетливо диминутивное значение (ср. *birdie* 'птичка'). Несомненна системная корреляция между диминутивной семантикой и регулярными оценочными коннотациями имен на *-ie*. В то же время полюс оценки, который ими выражается, не предсказуем и может колебаться от позитивного до негативного, от ласкательных до пейоративных коннотаций, хотя отрицательные коннотации преобладают.

С фонотактической точки зрения имена на *-ie* тяготеют к бисиллабической структуре, поэтому некоторые полисиллабические производящие основы подвергаются усечению (*clipping*, ср. *Australian* 'австралиец' > *Aussie*). С семантической точки зрения имена от прилагательных цвета отличаются высокой степенью лексической многозначности, поскольку могут обозначать не только лицо, но и любой предмет, характеризующийся признаком (авторы не совсем удачно называют это идиоматическое приращение к словообразовательному значению влиянием семантики "эллиптированного" имени).

Ана Диас-Негрильо в статье "Неоклассическое словообразование в английском: парадигматический подход к образованиям с *-scope*" производит

разбор статуса неоклассических деривационных элементов в английском языке, словообразовательной природы слов с компонентом *-scope* (промежуточного положения между деривацией и словосложением), их семантической структуры и особенностей мотивации. Инструментальные имена на *-scope* автор классифицирует по семантике первого компонента ('инструмент', 'способ действия', 'цель', 'агенс', 'место'), выделяя тем самым повторяющиеся продуктивные образцы. Далее классифицируются типы значений слов со *-scope* и другим финальным суффиксом (*-y*, *-ing*, *-ist*, *-ic*, *-ical*, *-ial*, *-ed*). Отдельно рассматриваются суффиксальные производные, не имеющие в качестве производящего слова инструментального имени на *-scope*. Так, *cranioscopy* (связанная основа *cranio-* от лат. *cranium* 'череп') 'исследование размера и конфигурации черепа' не имеет коррелята (и производящей основы) **cranioscope*. Однако в "парадигме" (т.е. в сети отношений между однотипными производными) слово *cranioscopy* занимает такую же ячейку, что и обычные акциональные дериваты на *-scopy*, и такой парадигматический подход, по мнению автора, делает вопрос о том, от чего образовано *cranioscopy*, второстепенным (С. 228–229). Подобное рассуждение о первичности "ячеек" и второстепенности направления производности очень характерно для представленных в сборнике работ. Примечательно, что А. Диас-Негрильо все же упоминает другую возможную трактовку имен типа *cranioscopy*: не как образований на *-y*, а как образований с формантом *-scopy* (С. 228, 236). Этот второй подход можно считать более традиционным. Как представляется, в рассуждении о "двух трактовках" все же содержится некоторая абберрация. Указание на "ячейку", заданную серийными дериватами на *-scopy*, — это, скорее, характеристика механизма действия аналогии (динамический аспект). Постулирование же единого форманта *-scopy* фиксирует изменение отношений в системе, т.е. описывает результат действия аналогии. Тем не менее, представление системы словообразования с помощью "ячеек", действительно, может быть более экономным и иметь некоторые преимущества, в частности, для лексикографического представления материала.

В сборнике представлен хороший баланс теоретического анализа, эмпирических исследований и разработки дескриптивных инструментов. Наибольшего внимания заслуживают общетеоретические статьи, которые дают интересные идеи и отправные точки для типологических исследований в области словообразования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Štekauer, P., Lieber, R. (eds.) *Handbook of Word-formation*. Dordrecht: Springer, 2005.
2. Štekauer, P. Derivational Paradigms. Štekauer P., Lieber R. (eds.) *The Oxford Handbook of Derivational Morphology*. Oxford: Oxford University Press, 2014, pp. 354–369.
3. Bonami, O., Strnadová, J. Paradigm structure and predictability in derivational morphology. *Morphology*, 2019, No. 29, pp. 167–197.
4. Roché, M. *Les familles dérivationnelles: comment ça marche?* Toulouse: Université Toulouse 2 Jean Jaurès, 2017.
5. Dokulil, M. *Tvoření slov v češtině 1, Teorie odvozování slov*. Prague: Nakladatelství Československé akademie věd, 1962.
6. Litta, E., Passarotti, M. (When) Inflection Needs Derivation: A Word Formation Lexicon for Latin. Holmes N., Ottink M., Schrickx J., Selig M. (eds.), *Words and Sounds*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2019, pp. 224–239.
7. Booij, G. *Construction Morphology*. New York: Oxford University Press, 2010.

Н. Б. Пименова
Кандидат филологических наук,
доцент Национального исследовательского университета
“Высшая школа экономики”,
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20,
n_pimenova@yahoo.com

Natalia B. Pimenova
Cand. Sci. (Philol.),
Associate Professor at the National Research University
“Higher School of Economics”,
20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russia,
n_pimenova@yahoo.com

Дата поступления материала в редакцию: 10 апреля 2022 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 22 июля 2022 г.
Статья принята к публикации: 31 августа 2022 г.
Дата публикации: 31 октября 2022 г.

Received by Editor on April 10, 2022
Revised on July 22, 2022
Accepted on August 31, 2022
Date of publication: October 31, 2022

Для цитирования: Пименова Н.Б. (рец.) J. Fernández-Domínguez, A. Bagasheva, C. Lara-Clares (eds.) Paradigmatic Relations in Word Formation. (Empirical Approaches to Linguistic Theory, Vol. 16). Leiden, Boston: Brill, 2020. 265 p. [на английском языке] // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 5. С. 110–114. DOI: 10.31857/S160578800022750-1

For citation: Pimenova, N.B. (Rev.) [Review:] J. Fernández-Domínguez, A. Bagasheva, C. Lara-Clares (eds.) Paradigmatic Relations in Word Formation. (Empirical Approaches to Linguistic Theory, Vol. 16). Leiden, Boston: Brill, 2020. 265 p. [In Engl.] *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serii literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 5, pp. 110–114. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800022750-1

Рецензия / Review

DOI: 10.31857/S160578800022751-2

**Ходель Р. Андрей Платонов: родина и электричество / Роберт Ходель;
Международный Платоновский семинар. М.: Полимедиа, 2021. 206 с.;
(Поэтика Андрея Платонова; вып. 5)**

**[Review:] Hodel R. Andrey Platonov: Homeland and Electricity / Robert Hodel;
International Platonic Seminar. Moscow, Polymedia, 2021. 206 p.;
(Poetics of Andrey Platonov; issue 5) [In Russ.]**

Новая книга известного специалиста в области изучения творческого наследия А. Платонова “Андрей Платонов: родина и электричество” — это существенное событие в филологической жизни. Исследование является результатом многолетней и весьма продуктивной работы швейцарского филолога, книга получилась в высшей степени интересной, по-новому ставя старые вопросы платоноведения, выявляя новые оригинальные перспективы их решения, открывая новые ресурсы в понимании смыслов, которые вкладывал писатель в свои тексты. В аннотации к книге верно подмечена особенность стиля профессора Р. Ходеля: органическое сочетание чисто литературоведческого и философского подходов, что делает чтение книги чрезвычайно увлекательным занятием, думается, не только для специалистов, но и для любого читателя, испытывающего интерес к творчеству А. Платонова. Внимание исследователя сосредоточено преимущественно на “большой” форме и, вероятно, лучших произведениях Платонова — романах “Чевенгур” и “Счастливая Москва”, повестях “Котлован” и “Ювенильное море”, а также пьесе “Ноев ковчег”, с привлечением нескольких рассказов. Книга удачно разделена на главы, раскрывающие разные аспекты творческого мира Платонова, снабжена указателем имен, а также обширным и весьма внушительным списком литературы по затронутым в монографии вопросам.

Основная мысль автора связана с глубоким символическим смыслом, охватывающим корневую художественную идею Платонова, сформулированную писателем в заглавии его рассказа “Родина электричества”, переключка с которым стала основой и для названия труда Р. Ходеля.

Сильной стороной книги является метод исследования. Автор последовательно связывает сюжетные эпизоды в произведениях Платонова с фактами современной писателю общественно-политической жизни: реляциями ВКП(б), указами и статьями Сталина, передовицами ведущих газет. Это оправданный и продуктивный способ вскрывает аллюзивную связь между реальной общественной жизнью Советской России в 1920—1930-е годы и ответными произведениями писателя, в которых он остро реагировал, как правило, с немалой долей сарказма, на очередные безумные проекты полуграмотных советских бюрократов, формировавших тяжелые или просто человеконенавистнические проекты типа “коллективизации” или отмены свободы совести. Так, мысль Сталина о том, что диктатура пролетариата есть, по существу, “диктатура его авангарда”, «“диктатура” его партии», связывается автором книги с жестокими действиями “активистов” “Чевенгура” и “Котлована”, анализ этой связи многое объясняет в прояснении того пути, который проделала мысль писателя при создании этих произведений. В книге Р. Ходеля верно подмечено, что никогда не стремившийся к какому-либо “модерну” и “авангарду” Платонов, тем не менее, стал одним из самых выдающихся представителей нового эстетического направления. Р. Ходель совершенно прав, когда говорит о том, что произведения Платонова — ответы писателя-философа на реальные события в жизни Советской страны. Конечно, для того чтобы Платонов не обратился в малопонятного для современника Еврипида, необходимо ставить глубокие философские экзерсисы Платонова в связь с окружающим писателя общественно-историческим контекстом и учитывать его погруженность в парадигму

научно-технической революции начала XX века, одним из реальных участников которой он был и как писатель, и как инженер-изобретатель.

Р. Ходель верно ставит вопрос о глубочайших различиях, которые существовали между большевистской революцией и той “революцией”, о которой мечтал Платонов и которой в первые годы своей работы в Воронеже в роли мелиоратора и электрификатора он верно служил. Равным образом как котлован, который в повести Платонова строился по плану профуполномоченного, вовсе не совпадает с тем метафизическим “котлованом”, который на самом деле создают землекопы-философы, преобразователи “вещества жизни”. С революцией, как говорят платоновские герои-философы, подлинное “горе”, и они последовательно отходят в сторону от предписанной им сверху “генеральной линии” в направлении идеи по этико-экологическому преобразованию жизни на Земле, “ремонт” страдающего от безумного поведения людей “вещества жизни”. Только это, верил Платонов, путь к выведению страны и человечества к истине и подлинному счастью. Анализируя “Котлован”, исследователь указывает на характеры персонажей повести как варианты альтернативного действия, в котором, как и у героев Достоевского, идея и действие находятся в прямой непосредственной связи. Одни из них отходят от “партийной линии” (Чиклин), другие приближаются к ней (Сафронов), и это идеологическое кружение персонажей писателя многое открывает нам в сущности той трагедии, которая произошла со страной и народом в 1930-е годы.

Вопрос о том, на каком основании, почему и от чего “отмежевался” Захар в одноименном произведении “Отмежевавшийся Захар”, имеет принципиальное значение, которое подвергается глубокому осмыслению автором исследования. Изобретатель и рационализатор из народа Макар, который, чувствуя себя частью мирового “вещества жизни”, хочет жить и работать не для себя, но непосредственно в интересах “вещества”, пытаясь служить ему, помогая ему всеми средствами и как только можно, а затем умирает от переизбытка “настигшего его организованного счастья”. И здесь, как и всегда в подобных ситуациях у Платонова, перекрещиваются серьезное и ироническое, образуя неповторимый и характерный для писателя амбивалентный союз, ведь сливаясь с государственной машиной, двигающейся в прямо противоположном направлении, Макар обязан был погибнуть, как это и произошло с тысячами подобных ему людей, не сумевших свой творческий потенциал совместить с задачами официального социалистического

строительства в том виде, как их понимали в ЦК ВКП(б). Одним из таких людей был и сам Платонов. Рассказывая, что “Макар был член, и за то ему полагалась честь во время смерти”, вероятно, Платонов реализовал автоаллюзию: однажды на вопрос, не член ли он партии, писатель отвечал “Я ничего не член”. Характер и смысл иронии очень схожи.

Любимые персонажи Платонова находятся в маргинальной позиции, сохраняя человечность и “сокровенную” связь с Мирозданием, именно они являются носителями спасительной для человечества энергетической революции, уводящей мир от коллапса. Ходель верно замечает, что понятия “земля” и “вещество существования” являются корневыми категориями конструкции платоновского мироздания, дальнейшее структурирование этих символов идет по линии создания градуальных знаков по уровню энергетической насыщенности: “почва-земля-грунт-песок-глина”, этот широкий набор специфических знаков образует базовую систему смысловых ориентиров, в которых развивается сюжет произведения Платонова.

Рассматривая вопрос о “счастье” в понимании строителей котлована, Ходель указывает на связь с падением уровня страха в мировосприятии строителей, однако стоит заметить тотальное и безусловное бесстрашие героев-филосов Платонова в отношении “начальства” и, одновременно, трепетно-нежное отношение к “живой жизни”, воплощением которой является Настя. Эта закономерность прослеживается практически во всех произведениях писателя, мотивы действий персонажей определяются верностью основной идее спасительной миссии или отходом от нее. Иллюстрацией этому может служить разговор Жачева с “профуполномоченным” в “Котловане” или “спасительный” уход Прушевского из комфортабельной квартиры в землянку на дне Котлована.

Цитируя немецкого платоноведа Х. Гюнтера, Р. Ходель указывает на “котлован” как нечто вроде “вавилонской башни”, символизирующей жалкую попытку человека вступить в соревнование с Мирозданием. Здесь стоило бы прибавить, почему у Платонова эта “башня” направлена не вверх, а вниз, в то время как этот момент имеет более чем существенное значение как один из важных ориентиров в системе координат платоновского мира. На пути к решению этой проблемы Р. Ходель обращает наше внимание на то, что в сцене похорон Насти актуализирована глубина могилы и “вечность пород”, в которых устроено ее последнее пристанище. В связи с этим финалом повести можно согласиться с выводом автора книги, что революции “еще предстоит свершиться”, но

именно той революции “вещества жизни”, о которой мечтал Платонов, коммунистическая революция со смертью Насти должна признать свое поражение. “Котлован” и особенно сцены “коллективизации” и похорон Насти символизируют нравственно-энергетический коллапс “вещества существования”, который усугублен жестоким насилием со стороны “большевиков-активистов”, безуспешны попытки землекопов спасти ситуацию правильной копкой “грунта” (ничего другого им, к сожалению, не дано). В этом смысле повесть Платонова описывает начало энергетического апокалипсиса, который характеризуется остановкой времени, глубокой мутацией всего живого и др. признаками, описанными в сценах раскулачивания в “Котловане”. Действие повести протекает восемь дней, то есть гибель Насти происходит накануне “Конца Света”, в Понедельник мировой истории, идущий непосредственно за семью днями Творения. Раскрытие этой символики помогает многое понять в идее, вложенной Платоновым в это произведение. Р. Ходель верно замечает, что мысли Вощева, Чиклина и др. философов-землекопов устремлены к метафизическому миру, находящемуся далеко за пределами мира пролетарского, и гибель Насти как “посланницы” этого будущего не обещает ничего хорошего.

Счастье землекопов в этом произведении связано с верностью исполнения ими важнейшей роли в истории Мироздания, которая ждет от человека действий, спасающих его от гибели, верно отмечает исследователь. Так, Чиклин убивает активиста-большевика с точно такой же мотивировкой, с какой чевенгурцы-большевики убивают “буржуев”: “для собственного сознательного счастья” от выполнения своей миссии, устраняя помеху на пути к созданию правильного нравственно-энергетического баланса Мироздания. Другое дело, что Чиклин прав в своих действиях, совпадая с автором в понимании верности этого пути, а Пиюся трагически ошибается. Корневым словом во всех случаях такого рода является “устранение” помехи, большевики выполняют дело очистки Земли от “паразитов”, мешающих воплощению “счастья”, которое само оказывается под большим подозрением, учитывая средства, которыми оно достигается. Здесь Платонов является прямым продолжателем идей Достоевского, герой которого также пролил кровь ради “счастья всех людей на Земле”. В фанатическом исполнении недодуманной идеи состоит трагическая подоплека действий героев “Чевенгура”, а заодно и советских большевиков в 1920–1950-е годы, когда геноциду подвергались самые образованные люди, одним

только уровнем самосознания автоматически выпадающие из понятия “пролетариат”.

Вне сомнений, Платонов как непосредственный участник электрификации страны был ментально и практически связан с проектом ГОЭЛРО, однако корни его идей об энергетическом преобразовании России лежат все же за пределами политико-социальных проектов большевиков, они в глубоком погружении писателя как философа и практика борьбы с энтропией в круг идей Максвелла, Резерфорда, Эйнштейна и других ученых, открывших новые законы отношения между веществом и энергией. Р. Ходель справедливо отметил, что у Платонова не было разделения на “работу”, “внутренний мир”, “общественную жизнь”, “семью”, — все эти разделы бытия, у обыкновенного человека часто вступающие в конфликт между собой, у Платонова сливались в единое целое, и в этой цельности мироощущения, откровенности и честности перед собой и людьми коренилось основание его таланта.

Относительно “махинаций” Чепурного и Прокофия в “Чевенгуре”, которые, по мнению исследователя, “получают негативную авторскую оценку”, следует сделать уточнение: негативную оценку получают у Платонова не сами большевики, такие же несчастные люди, как и их жертвы, но человеконенавистническая идеология большевизма, физически уничтожающая лучших людей страны, попавших в шовинистическую категорию “буржуев”, но, одновременно, калечащая души “официальных революционеров”, переводя их “ярость благородную” в русло функций палача. Р. Ходель ставит вопрос: насколько необходимо было для установления “социализма” в Чевенгуре уничтожение всех его жителей? Изнутри той идеи, которой были зомбированы чевенгурские большевики, не имевшие образования как самой возможности критического к ней отношения, необходимо строить «социализм». По их представлениям — это энергетическая полнота “вещества существования”, “буржуи” же с их отрицательным энергетическим сальдо в отличие от “пролетариев”, имеющих положительный энергетический прирост, тянут историю вниз, еще более угнетая и так уже близкое к смерти “вещество существования”. Оставляя в стороне аргументацию этой безумной концепции, выработанной в рамках своеобразной модели шовинизма, требующего геноцида “одних” ради преуспевания “других”, следует заметить, что особой бедой в гибели “буржуев” чевенгурцы и не видят: согласно их логике, отвечая на их усилия, “вещество существования” легко возместит недостаток населения в Чевенгуре, что и происходит при прямом рождении “пролетариев”

непосредственно из плоти холма в окрестностях города. Суицидальное направление ветвей “установления социализма” или “коллективизации” у Платонова связано эстетически с остановкой времени и Апокалипсисом, о чем много писалось разными исследователями. Но на уровне психологии поступки большевиков необъяснимы, однако, если взять на вооружение известную идею Достоевского о страшном феномене – русском человеке, “придавленном идеей”, многое становится понятно.

Вызывает некоторые сомнения предположение автора книги, что «“Чевенгур” еще можно прочесть как социальную утопию». Разумеется, теоретически возможно прочтение как социальной утопии и романа Е. Замятина “Мы” или “Обитаемого острова” братьев Стругацких, жанрово и идеологически параллельных “Чевенгуру”. Теорема Х.-Р. Яусса учит нас, что окончательное решение и оценка всегда на стороне читателя. Однако ясно, что оба произведения – жесткая отповедь любой попытке установить с помощью насилия “общественное счастье”, где гибнет в человеке творческое начало и он обращается в зомбированного “члена” государственной системы и несомой им идеи о “научно обоснованной социальной гармонии”. Неслучайно, верно отмечает Р. Ходель, любимый сюжет Платонова – о моральной и творческой деградации одаренного человека, входящего своим умом и сердцем в бюрократическую машину, которая отказывается от человека и приучает его к “закону”, заставляя, говоря словами персонажа, отказаться от себя и “встать в строй”.

Исследователем верно замечено, что в лице ряда героев “Чевенгура” сталкиваются несколько версий в понимании коммунистической идеи. Отклонения эти суммируют размышления и художественный анализ писателя общественной ситуации в стране, когда “одурь коммунизма”, как говорил Достоевский, неожиданно стала “генеральной линией” и обрела характер религии. Важно не только описанное Платоновым идеологическое противостояние “еретических” вариантов коммунистической идеологии, но и реальное противостояние ей самого Платонова, описанные им многочисленные коммунистические энтузиасты есть воплощенная в художественную форму тяжкая мысль писателя о том, как такое могло быть возможно. Его личное отношение к “генеральной линии” совпадало с ней лишь в самом начале 1920-х годов, но затем, по мере углубляющейся пропасти между этико-энергетической революцией Платонова и политической революцией ленинско-сталинского типа, произошел резкий и бесповоротный отход от нее.

Верно замечает исследователь, что, как и Макар, Платонов вышел из советской парадигмы в 1926 г. и никогда более к ней не возвращался, разве что в сюжетах произведений, где эта действительность, реальная и тем более планируемая, подвергалась беспощадному осмеянию и критике, прикрытым нарочито серьезным тоном, который может обмануть разве что очень уж наивного читателя. Приходится безусловно согласиться с автором книги, что разного рода обвинения, которые выдвигают против Платонова его политические противники, особенно это касается частых и у современных исследователей упреков в симпатиях к анархизму, выглядят безосновательно. Платонов чурался официальных политических программ начиная с 1926 года, когда окончательно разочаровался в их способности быть путеводной нитью к будущей экологической и нравственно-энергетической гармонии, о которой он мечтал, понимая, что ему при жизни этого не увидеть, однако никаких иных альтернатив человечеству, чтобы выжить, не предложено.

Особо стоит отметить предлагаемое в исследовании аналитическое рассмотрение идеологии и поэтики пьесы “Ноев ковчег”. По мнению автора исследования, это отражение “кризисного сознания” и, вместе с тем, в продолжение той же темы, какая была свойственна довоенным платоновским произведениям, – протест против насилия над человеком и опошления смысла его жизни с помощью отношений купли-продажи, безраздельно царствующих там, где их быть не должно. Р. Ходель обнаруживает в идеологии пьесы три основные критические стрелы, направленные на послевоенную политику США, советскую действительность и опошленную модель “либерализма”. Такое прочтение заставляет предположить, что Платонов сосредоточился в пьесе преимущественно на социально-политической проблематике. На самом деле, показывает исследователь, все обстоит сложнее: общественно-политическая тематика пьесы – лишь завеса на глубинной, прорывающейся сквозь нее любимой этико-экологической проблематике, которая выступает в пьесе как главное, которое почти заслонено, по цензурному умыслу создателя, густым политическим нарративом. В связи с этим вспомним диалоги героев о растениях и животных, странные “звуки”, которые источает угнетаемое глупостью и жадностью человека живое “вещество существования”. Антиамериканизм Платонова, как и сходный с ним по сути антиамериканизм Е. Замятина, В. Маяковского, И. Бунина и многих других русских писателей, вовсе не связан с утверждением “советскости” как некой позитивной альтернативы ненавидимому ими “царству денег”. Царство параноидальной заикленности на учении

К. Маркса, весьма популярного в XIX веке, но безнадежно устаревшего уже к началу века XX-го, было для Платонова ничем не лучше.

Анализируя “Ноев ковчег”, Р. Ходель справедливо протестует против привязывания Платонова к той или иной политической доктрине, констатируя его “резко критическое отношение... ко всему, что связано с <...> политикой”, проводя аналогию между пьесой Платонова и “Мистерией-буфф” Маяковского, разумеется, особое внимание уделяя фигуре воплощения идеи милитаризма, Шопу, идеология которого сводится к “доставлению себе радости” и убеждению, что “весь мир – трактир”. Отрицая мещанскую идеологию, Платонов отдает себе отчет в том, что относительно демократического уровня развития Россия застряла, как указывает исследователь, на “промежуточной”, “ублюдочной” стадии развития. В пьесе звучит вопрос, который задает героиня, носящая имя матери первого убийцы в библейской истории, Евы: “Неужели, чтобы быть человеком, надо быть убийцей?”. Положительные герои пьесы несут идею торжества жизни, идеологию соединения в одно целое христианских заповедей и высших достижений теоретической и экспериментальной физики, что и составляло сердцевину мировоззрения Платонова. Героями-философами писателя и им самим владела мысль об обновлении планеты и всего живого на ней с глубоким социальным и этико-экологическим преображением. Мысль, которая выглядит утопической, но которая была выстрадана Платоновым, и он свято верил в ее верность и осуществимость в будущих поколениях человечества вплоть до последних дней своей жизни, действительно, как верно указывает Р. Ходель, по руслу идеи Н.Ф. Федорова о спасительном для всего живого “общем деле”, которое должно обратить людей в братьев.

Цитируя письма Платонова, Р. Ходель указывает на центральную идею Платонова – любовь как метафизическую силу, способную на очень многое; иногда писатель даже говорил о ней как о виде физической энергии, способной преобразовывать “вещество существования”. Фактически повторяя основную идею “диалога” М.М. Бахтина, Платонов говорит: “Меня нет – есть вы”. Основную идею “Ноева ковчега” Р. Ходель видит в утверждении Платоновым мысли о наличии в составе человечества людей, “которых можно любить бесконечной любовью”, что присоединяет автора пьесы к сонму русских писателей и философов, которые выстраивали свои жизненные и творческие пути в соответствии с этой идеей.

Идея Платонова об этическом, экологическом и энергетическом преобразовании, в рамках которой

“ремонт” должны были подлежать и социальные системы, и тела людей, и сама планета Земля, выпала из советской идеологической парадигмы в 1926 г. и составила с ней жесткое и совершенно непримиримое противоречие. Несмотря на осознаваемое писателем безразличие к его этико-энергетической идее со стороны официальных властей, Платонов до конца дней своих гнул эту линию, сражаясь с наступающей на мир энтропией и на уровне идеологии, противостоя усилиями своих персонажей идее разрушения, “мертвой природы” и “мусорного ветра”, и на практике как инженер-изобретатель в обычной жизни, идеологических и художественных концепциях. Конечно, и это верно отмечает автор книги, свет, эфир, энергия ветра были предметом особого внимания Платонова, и этот его взгляд опередил развитие человеческой цивилизации минимум на полвека. Писатель-философ, он ратовал за преобразование в полезную для человечества энергию Солнца, передачу электричества без проводов (пророчество Платонова, осуществленное в наше время), помимо художественных пророчеств, был автором девяти запатентованных технических изобретений. Его в равной степени терзали и факты коррозии металла, с которой боролся его персонаж, смазывая маслом все встреченные им металлические предметы, и факты моральной коррозии государственного аппарата, явления коррупции и ведущего к огромным бедам чиновничьего “административного восторга” (“Город Градов”), пишет исследователь. Здесь стоит упомянуть, что глубокий сарказм по отношению к “централизаторам”, отмеченный Р. Ходелем в произведениях Платонова, в русской литературе имеет предшественника – именно так называл Ап.А. Григорьев бюрократов-активистов, которые у Платонова обозначались словосочетанием “рвущаяся вперед сволочь”.

Что касается приведенного автором книги замечания В. Ерофеева о том, что Платонов и Гоголь были идиотами, так как не представляли себе, насколько гениальны их произведения, стоит отметить, что идиотом, вероятно, является именно тот писатель, который знает, что создает исключительно шедевры. Настоящий писатель не отличает “поражений от побед”, как верно заметил Б. Пастернак, действуя, не зависимо ни от какой точки зрения на него и на его произведения, сугубо в пределах своей художественной и философской концепции. К сожалению, в книге есть и другие (к счастью, немногие) примеры некритического цитирования автором коллег по цеху платоноведения, особенно это грустно, когда эта нечеткость извлекается им из работ русских исследователей. Так, он подхватывает весьма спорное утверждение Е. Яблокова, что

“язык – главный герой Платонова”. Ну разумеется, не герой, который является в литературном произведении персонификацией определенной (остраненной) точки зрения на мир, но высшим его эстетическим достижением, системой знаков и носителем художественной информации.

Языковые эксперименты Платонова Р. Ходель определяет как языковое “юрорство”: в нем сталкиваются законы и принципы устройства запредельного мира, в котором живет юридивый, с правилами нашей бытовой реальности – с неизбежным конфликтом между ними, диссонансами понимания, когда слово получает два значения: глубокое символическое, вкладываемое в него Платоновым, и условно-словарное, обладающее тем смыслом, который можно найти в словаре или справочнике и, одновременно, весьма далекое от того, что хотел сказать писатель. Это обостренное двуединство, считает Р. Ходель, помогает автору добиться нужного художественного эффекта, образуя значительную шкалу уровней понимания, – Платонова можно читать по-разному. И ведь действительно, до сих пор некоторые учителя на уроках литературы рассказывают о “Котловане” как описании социалистической стройки и процесса раскулачивания, не отличая фавулу от сюжета.

В книге Р. Ходеля содержится немало тонких наблюдений и замечательных смысловых находок. Весьма убедительно доказано сходство между концепцией “бюрократизма” Шмакова (“Город Градов”) и теоремой М. Вебера (“Хозяйство и общество”) с его формулой “легального господства” и сознательным подчинением человека государству, которое легализуется в силу рационального распределения должностных обязанностей, а также в “традиционной” и “харизматической” моделях, последняя основана на авторитете вождя. Возможно, Платонов мог знать об этих трудах и использовать их в творческой работе, рисуя в своей повести образ “талантливого бюрократа”. Тонкие соображения высказаны исследователем о роли несобственно-прямых речевых оборотов в поэтике Платонова. В книге содержатся также чрезвычайно интересные главы, посвященные сопоставлению творчества Платонова с произведениями Л.Н. Толстого, Кафки, Р. Вальзера. Все это делает книгу Р. Ходеля крупным явлением в области изучения творчества А. Платонова, которое заслуживает внимания со стороны не только исследователей русской литературы, но и студентов, учащихся филологических факультетов, всех любителей русской литературы.

К.А. Баршт

*Доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, наб. адм. Макарова, д. 4
konstantin_barshht@pushdom.ru*

*Konstantin A. Barsht
Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the Institute of Russian Literature
(the Pushkin House) of the RAS,
4 Makarov Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia
konstantin_barshht@pushdom.ru*

Дата поступления материала в редакцию: 3 июля 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 15 июля 2022 г.

Статья принята к публикации: 31 августа 2022 г.

Дата публикации: 31 октября 2022 г.

Received by Editor on July 3, 2022

Revised on July 15, 2022

Accepted on August 31, 2022

Date of publication: October 31, 2022

Для цитирования: Баршт К.А. (реценз.) Ходель Р. Андрей Платонов: родина и электричество / Роберт Ходель; Международный Платоновский семинар. М.: Полимедиа, 2021. 206 с.; (Поэтика Андрея Платонова; вып. 5) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 5. С. 115–120. DOI: 10.31857/S160578800022751-2

For citation: Barsht, K.A. (Rev.) *Hodel R. Andrey Platonov: rodina i elektrichestvo. Robert Hodel; Mezhdunarodnyj Platonovskij seminar. M.: Polimedia, 2021. 206 s.; (Poetika Andrey Platonov; vyp. 5) [Review:] Hodel R. Andrey Platonov: Homeland and Electricity. Robert Hodel; International Platonic Seminar. Moscow, Polymedia, 2021. 206 p.; (Poetics of Andrey Platonov; issue 5) [In Russ.]. Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serii literatury i âzyka [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 5, pp. 115–120. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800022751-2*

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
 - сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% – кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки
и образования

Бюджетные
места

Насыщенная
студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История •

• Философия •

• Политология •

• Социология •

• Международные отношения •

• Зарубежное регионоведение •

• Востоковедение и африканистика •

• Психология •

• Культурология •

• Археология •

• Менеджмент •

• Юриспруденция •

• Экономика •

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/

gaugn.ru

E-mail: info@gaugn.ru

vk.com/gaugn

